

ВИКТОРИЯ ЛИ
Перевод Анастасии Пановой

УРОК ВОЗМЕЗДИЯ

18+

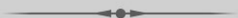
Young
Adult

МИО

Red Violet. Жестокие уроки

Урок возмездия

Перевод Пановой Анастасии

УРОК ВОЗМЕЗДИЯ

Виктория Ли

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.4
ББК 84(7Coe)6-449
Λ55

Original title:
A Lesson in Vengeance
by Victoria Lee

На русском языке публикуется впервые

Ли, Виктория

Λ55 Урок возмездия / Виктория Ли ; пер. с англ. А. Пановой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 384 с. — (Red Violet. Жестокые уроки).

ISBN 978-5-00195-640-2

Восемнадцатилетняя Фелисити возвращается в Дэллоуэй — закрытую школу для девочек, хранящую свои мрачные тайны. Год назад здесь, отчасти по вине Фелисити, погибла ее близкая подруга, чей образ все еще преследует ее в темных коридорах кампуса. В Дэллоуэе Фелисити знакомится с новой одноклассницей Эллис — популярным автором детективов. Чтобы помочь Эллис погрузиться в атмосферу нового романа, девушки собирают свой ковен и пробуют разгадать тайну смерти пяти ведьм из Дэллоуэя. Но в какой-то момент ситуация выходит из-под контроля, а невидимые силы старинной школы становятся все более осязаемыми... Висит ли над Фелисити настоящее проклятие, или же все происходящее — не более чем жестокие человеческие игры?

УДК 82-312.4
ББК 84(7Coe)6-449

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

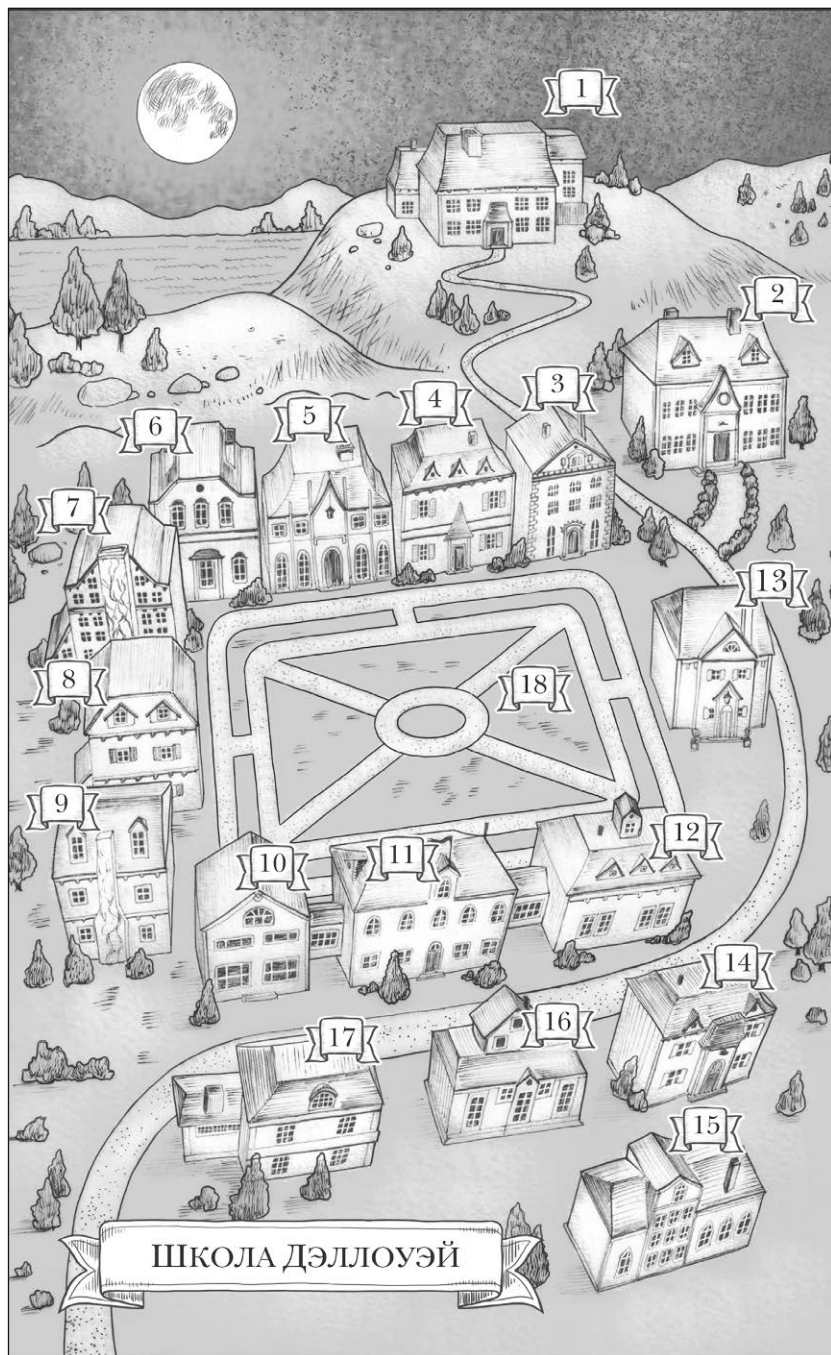
ISBN 978-5-00195-640-2

© 2021 by Victoria Lee
Публикуется с разрешения автора
и литературных агентств Baror
International, Inc. и Nova Littera
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022

Для девушек, проливших на себя кофе в библиотеках

1. ГОДВИН-ХАУС	10. ЭТВУД-ХАУС
2. ЯНСИ-ХАУС	11. СИБИЛ-ХОЛЛ
3. ШОПЕН-ХАУС	12. БЕФАНА-ХАУС
4. МОД-ХОЛЛ	13. БИБЛИОТЕКА
5. УОРТОН-ХОЛЛ	14. ЛЕМОНТ-ХАУС
6. УОКЕР-ХОЛЛ	15. СТОЛОВАЯ
7. ЭЛИОТ-ХОЛЛ	16. КЛЕРМОНТ-ХАУС
8. БОЛЕЙН-ХАУС	17. ФАРКУАР-ХАУС
9. БАТЛЕР-ХАУС	18. ДВОР

ШКОЛА ДЭЛЛОУЭЙ

Тринадцать тысяч футов над уровнем моря, можно утонуть в бескрайнем воздушном океане.

Я читала, что утонуть — это хороший способ уйти. По общему мнению, боль исчезает и на ее месте, как тепличный цветок, распускается блаженный покой, словно корни красной орхидеи привязаны к камням в вашем кармане.

Падение было бы хуже.

Падение — это жуткая колючая проволока, рвущая твой позвоночник, стремительный полет и внезапная остановка, когда ты хватаешься за веревку, которой нет.

Моя щека прижата к снегу. Я больше не чувствую холод. Я — часть этой горы, ее холодное каменное сердце стучит рядом с моим. Буря колотит мне в спину, пытаюсь сорвать меня, как лишайник, с этой скалы. Но я — не лишайник. Я — известняк и сланец с прожилками кварца. Я неподвижна.

И на этой высоте, прижатая к восточному склону, с разреженным воздухом, кристаллизующимся в моих легких, я единственное, что осталось в живых.

Ни один живой организм не может долго оставаться здоровым в условиях абсолютной реальности.

Ширли Джексон, «Призрак дома на холме»

Наследие школы Дэллоуэй — это не его выпускницы, хотя среди них есть множество знаменитостей, таких как будущие сенаторы и отмеченные наградами драматурги. Наследие Дэллоуэй — это кости, на которых она построена.

Гертруда Миллинер, «Феминизация колдовства в постреволюционной Америке», журнал «История культуры»

ГЛАВА 1

Школа Дэллоуэй, окаймленная с востока спокойным, как зеркало, озером, возвышается над предгорьями, как корона на темноволосой голове. Добраться до ее облицованных кирпичом зданий, отвернутых от ворот, с наглухо закрытыми ставнями окон, можно по единственной дороге из гравия. Моя мать на переднем сиденье молчит; мы не разговариваем с тех пор, как проехали Нью-Палц и она отметила, насколько ровная земля у самого подножья гор.

Это было час назад. Наверное, я должна была обрадоваться, что она вообще приехала. Но, честно говоря, я предпочитаю взаимное безразличие, установившееся между мной и наемным водителем, который встречал меня в аэропорту все прошлые годы. У водителя были свои проблемы, и они меня совершенно не касались.

Чего не скажешь о моей матери.

Мы останавливаемся перед Сибил-холлом и вручаем ключи камердинеру, который позаботится о багаже. Есть минус в том, чтобы приезжать в школу на четыре дня раньше: нам приходится приветствовать нашего декана

в ее кабинете, а затем вместе тащиться по кампусу. Мать и декан беседуют в шести шагах передо мной, а я плетусь следом. Озеро между холмами сверкает, как серебряная монета. Я не отрываю взгляда от запястья декана — от бронзового ключа, который болтается на веревочке: ключа от Годвин-хаус.

Годвин-хаус отгорожен от остальных зданий рощицей канадской пихты и крутой тропой, ведущей наверх. Дом был выстроен триста лет тому назад на месте древнего оползня, поэтому, когда грунт просел, здание, стоящее на небольшом гребне, встало наперекосяк. Внутри полы заметно наклонены вдоль оси восток — запад, под дверями зияют щели, а кухонный стол шатается при каждом прикосновении. С того момента, как я приехала в Дэллоуэй пять лет тому назад, было по крайней мере две попытки подогнать плотнее окна и двери или основательно перестроить дом, но мы, живущие здесь, так громко протестовали, что школа оставила оба эти намерения. Да и как не сопротивляться? Годвин-хаус принадлежит нам, литературным неженкам Дэллоуэя, самонадеянным наследницам Эмили Дикинсон*, — которая однажды, навещая подругу в Вудстоке, останавливалась здесь, — и он нравится нам таким, какой есть. Включая его скрюченный остов.

— Сейчас ты можешь поесть в столовой факультета, — сообщила декан Мариотт, как только я разместилась в своей комнате. Я и прежде жила здесь. То же самое пятно

* Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса. При жизни опубликовала менее десяти стихотворений из тысячи восьмисот, написанных ею. *Здесь и далее примечания редактора.*

от воды на потолке, те же пожелтевшие занавески, которые шевелил ветерок из открытого окна.

Интересно, они держали ее пустой для меня или же моя мать запугала руководство школы, заставив их выгнать из комнаты другую девушку, когда вернусь я?

— Мисс МакДональд уже должна была вернуться, — продолжила декан. — В этом году она снова будет домоправительницей Годвина. Зайди сегодня днем в ее кабинет, пусть она знает, что ты приехала.

Декан также дала мне свой личный номер. Скорее всего, подстраховалась: вдруг у меня случится нервный срыв в кампусе? Вдруг под тенниской и сшитой на заказ юбкой скрывается та, кто после первой же проведенной в одиночестве ночи сорвет с себя одежду и, обнаженная, помчится сквозь леса, как обезумевшая менада*?

Лучше перестраховаться.

Я беру номер и засовываю в карман юбки. Я сжимаю его в кулаке, пока бумага не превращается в чернильный комок.

Как только декан уходит, мать внимательно осматривает комнату, ее холодный пристальный взгляд скользит по потрепанному ковру и комоду красного дерева с обшарпанными углами. Представляю, как она гадает, куда деваются те шестьдесят тысяч, которые она каждый год платит за мое обучение.

— Может быть, — говорит она после долгого молчания, — мне на ночь остаться в городе, помочь тебе устроиться...

Это звучит фальшиво, поэтому, когда я отрицательно качаю головой, она явно успокаивается. Уже сегодня она

* Менады (др.-греч. Μαινάδες — «безумствующие», «неистовствующие») — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы бога виноделия Диониса.

может улететь к себе в Аспен и вечером пить каберне в своей студии.

— Тогда ладно. Ладно. Хорошо. — Она уступает моему желанию, ее перламутровые розовые ногти впиваются в скрещенные руки. — У тебя есть номер декана.

— Да.

— Да. Надеюсь, что он тебе не понадобится.

Она обнимает меня, я прячу лицо в изгибе ее шеи, пропахшей духами «Аква ди Парма» и самолетом.

Я слежу, как она спускается по тропинке, пока не скрывается за соснами на повороте, — просто чтобы убедиться, что она действительно ушла. Потом я затаскиваю чемоданы на кровать и начинаю разбирать вещи.

Я развешиваю платья в стенном шкафу по цвету и виду ткани — белая марлевка, прохладный шелк цвета теплого молока — и притворяюсь, что не помню то место, где в прошлом году оторвала плинтус от стены и спрятала что-то вроде контрабанды: карты таро, длинные конические свечи, травы, упакованные в пустые жестянки из-под мятных таблеток. Я обычно аккуратно раскладывала их в ряд на комод, как другая девушка разложила бы косметику.

В этот раз я выкладываю на комод драгоценности. Я поднимаю глаза и ловлю свое отражение в зеркале: светлые волосы стянуты лентой на затылке, губы покрыты безупречной нейтральной помадой.

Я стираю ее ладонью. В конце концов, производить впечатление не на кого.

Несмотря на то что меня больше ничто не отвлекает, разбор чемоданов занимает около трех часов. После я закидываю пустые чемоданы под кровать и, обернувшись посмотреть, что получилось, осознаю, что все это время ни

о чем не думала. Сейчас все еще начало дня, озеро в отдалении теперь сверкает золотом, и я не знаю, что делать дальше.

К середине моей первой попытки обучения в выпускном классе я накопила в своей комнате в Годвине столько книг, что они вываливались с полок, громоздились на полу и на углу комода, валялись в изножье кровати, и я спихивала их во время сна. Их все пришлось вывезти, когда я не вернулась на весенний семестр в прошлом году. Те несколько книг, что мне удалось впихнуть в чемоданы в этот раз, совсем другое дело: все поместились на одной полке, даже оставив рядом с собой место, поэтому две последние книги уныло склонились к деревянной стенке.

Я решаю спуститься в комнату отдыха. Там лучше всего читается; мы с Алекс обычно растягивались на персидском ковре среди башен из книг — с чашками чая и джазом, играющим у Алекс в наушниках.

Алекс.

Память пронзает меня как брошенный дротик. Это так неожиданно, что у меня перехватывает дыхание и начинает кружиться голова, я стою в проеме своей двери, пока дом вращается вокруг меня.

Я знала, что возвращение сюда может ухудшить мое состояние. Доктор Ортега объяснила это мне перед отъездом, ее голос был спокойным и ободряющим. Она говорила, что горе проявляется в мелочах: что я буду жить обычной жизнью, но однажды случайно услышанный музыкальный мотив или обрывок девичьего смеха напомнит мне о ней — и меня вновь накроет с головой.

Я понимаю, как действует чувственная память. Но понимание не означает готовность.

Поэтому мне хочется только одного: выскочить из Годвин-хаус и побежать вниз по склону, во двор, где яркий солнечный свет прогонит любых призраков.

Вот только это слабость, а я отказываюсь быть слабой.

«Это то, зачем я здесь, — говорю я себе. — Я приехала раньше, поэтому у меня будет время упорядочить мою жизнь. Ну, что ж. Буду упорядочивать».

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя выйти в коридор, а затем спуститься на два пролета до первого этажа. В шкафу на кухне я нахожу чай — наверное, остался с прошлого года, — кипячу воду и, пока он заваривается, несую кружку в комнату отдыха.

Комната отдыха — это самое большое помещение в доме. Она тянется вдоль всей западной стены, ее огромные окна выходят на лес, и поэтому здесь темно даже в полдень. С потолка, как портьеры, свисают тени, но я зажигаю несколько ламп — и янтарный свет освещает темные углы.

Здесь нет призраков.

Годвин-хаус был построен в начале восемнадцатого века, это первое сооружение школы Дэллоуэй. За десять лет с момента открытия школа увидела пять жестоких смертей. Я и сейчас иногда ощущаю в воздухе запах крови, словно жуткая история Годвин-хаус похоронена в его неровном фундаменте рядом с костями Марджери Лемонт.

Я сажусь в кресло у окна: мое любимое, мягкое, бордового цвета, с подушкой для сиденья, которая опускается подо мной так, словно кресло хочет поглотить своего захватчика. Я устраиваюсь поудобнее с детективом Гарриет Вейн и с головой погружаюсь в Оксфорд 1930-х годов, в запутанную сеть убийственных записок, изысканных

обедов и угроз в перерывах между пирожными и сигаретами.

Сейчас дом кажется совсем другим. Год назад, в середине семестра, коридоры гудели от громких девичьих голосов и стука каблучков по деревянному полу, повсюду были расставлены чашки, на бархатной обивке виднелись прилипшие длинные волоски. Время поглотило все это. Мои подруги в прошлом году окончили школу. Когда начнутся занятия, Годвин будет домом для совсем других учениц: студенток третьего и четвертого курсов с блестящими глазами и душами, навеки отданными литературе. Девушки, которым, возможно, Оутс нравится больше, чем Шелли, а Олкотт — больше, чем Альенде*. Девушки, которые ничего не знают о крови и дыме, о черной магии.

И я войду в их группу, последний представитель ушедшей эпохи, старый механизм, который очень хочется убрать подальше.

Моя мать хотела, чтобы я перешла в Эксетер и закончила обучение там. Эксетер... Словно там мне было бы легче пережить это, чем здесь. Я особо не надеялась, что она поймет. *«Но ведь твои подруги ушли»*, — сказала бы она.

Я не знала, как ей объяснить, что быть в одиночестве в Дэллоуэе лучше, чем где-либо еще. По крайней мере, здесь меня знают стены, полы, почва. Я выросла корнями в Дэллоуэй. Дэллоуэй — мой.

Бух.

Звук пугает меня настолько, что я роняю книгу и скидываю глаза к потолку. Я ощущаю привкус железа во рту.

* Имеются в виду писательницы Джойс Кэрол Оутс, Мэри Шелли, Луиза Мэй Олкотт и Исабель Альенде.

Ничего. Это старое здание все глубже погружается в неустойчивый грунт.

Я достаю книгу и начинаю листать страницы в поисках места, на котором остановилась. Я никогда не боялась быть одна и не собираюсь начинать это делать сейчас.

Бух.

На сей раз я отчасти ожидаю этого, напряжение сковывает мою спину, свободная рука сжимается в кулак. Я откладываю книгу в сторону и выскальзываю из кресла, сердце неровно барабанит в груди. Декан Мариотт точно никого не впускала в здание, так ведь? Хотя... Это, наверное, техперсонал. Кто-то мог прийти убрать нафталиновые шарики или поменять воздушные фильтры.

Точно, так и есть. Семестр начнется в конце выходных; самое время для уборки. Вне всякого сомнения, в этот период в Годвине не избежать беготни персонала, отмывающего полы и распахивающего окна где только можно.

Вот только дом был вычищен до моего приезда.

Поднимаясь по лестнице, я чувствую, каким холодным стал воздух, и этот холод пробирает до мозга костей. Вязкий ужас леденит мою кровь. Я не строю предположений, я знаю, откуда исходит этот звук.

Комната Алекс была третьей справа на втором этаже — прямо под моей комнатой. Когда ее музыка была слишком громкой, я обычно топала по полу. Она же выстукивала ответ черенком метлы.

Стук, четыре слова: *«Заткнись. К. Чертовой. Матери»*.

Это глупо. Это... смехотворно, нерационально, я знаю, но это не помогает мне преодолеть ощущение тошноты, зарождающееся где-то под ребрами.

Я стою перед закрытой дверью, упираясь в нее рукой.

Открыть ее. Я должна открыть ее.

Какое же холодное дерево. У меня шумит в ушах, и я никак не могу отделаться от образа Алекс по ту сторону двери: истлевшая, седая, тусклые глаза пристально смотрят из иссохшего черепа.

Открой ее.

Но я не могу.

Я поворачиваюсь на каблуках и мчусь обратно по коридору до самой комнаты отдыха. Подтаскиваю кресло ближе к высокому окну и сворачиваюсь калачиком на подушке, вцепившись руками в книгу Сэйерс и уставившись на вход, откуда пришла, в ожидании плывущей со стороны лестницы тонкой фигуры, покрытой сумраком, словно плащом.

Ничего не происходит. Ну, все правильно. Просто...

Это паранойя. Это тот же самый страх, что заставляет меня просыпаться среди ночи с саднящим от крика горлом. Это чувство вины, проникающее в тело моего разума и выпускающее его внутренности наружу.

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я снова могу открыть книгу и переключить свое внимание с двери на текст. Без сомнения, чтение книг про убийства в одиночестве в старом доме — это половина моей проблемы. Невозможно не вздрагивать при каждом скрипе и ударе, когда ты с головой погрузилась в историю, в которой много преступлений, *совершенных в библиотеке.*

День перетекает в вечер. Мне бы нужно зажечь больше ламп и долить чаю в кухне, но я заканчиваю книгу.

И только я переворачиваю последнюю страницу, как снова: *бух.*

А потом, почти одновременно с ударом, над моей головой по полу медленно начинают тащить что-то тяжелое.

На этот раз я действую без колебаний.

Я поднимаюсь на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки, и, пройдя полпути по коридору, осознаю, что дверь в комнату Алекс открыта. К горлу подступает тошнота. Нет. . . *нет*...

Но вот я останавливаюсь перед комнатой Алекс и понимаю, что дело не в привидении.

За письменным столом Алекс сидит девушка, стройная, черноволосая, с авторучкой в руке. Она одета в свободный клетчатый блейзер с серебряными запонками. Я вижу ее первый раз в жизни.

Она отрывается от своего письма — и наши взгляды встречаются. Ее глаза серые, цвета январского неба.

— Вы кто? — Слова вылетают из меня все разом, выходит резко и агрессивно. — Что вы здесь делаете?

Комната обитаема. Кровать заправлена. На подоконнике — растения. На комоде — стопка книг.

Эта девушка не Алекс, но она в комнате Алекс. Она — в *комнате* Алекс и смотрит на меня так, словно я пришла с улицы, вся заляпанная помоями.

Она кладет ручку и говорит:

— Я живу здесь. — У нее низкий, тягучий голос.

Несколько секунд мы изучающе смотрим друг на друга, я ощущаю напряжение в груди. Девушка же спокойна и неподвижна, словно вода в пруду. Я в замешательстве. Я все жду, что она спросит: «Зачем вы здесь?» — вернет мне, незваной гостье, мой вопрос, — но она молчит.

Она ждет, когда я начну говорить. Формат для разговора найти проще простого: знакомство, непринужденная

ГЛАВА 1

светская беседа, вопросы из вежливости о месте жительства и интересах. Но, сжав зубы, я молчу.

Наконец, она поднимается с места, царапнув ножками стула по твердым доскам пола, и закрывает у меня перед носом дверь.

ГЛАВА 2

Девушка в комнате Алекс не призрак, но вполне могла бы им быть.

В этот день мы больше не разговариваем; дверь в комнату Алекс остается закрытой, о присутствии новой постоялицы свидетельствуют лишь случайный скрип половиц да грязная кофейная кружка, оставленная на кухонном столе. В полдень я замечаю ту девушку на крыльце, одетую в костюм из жатого ситца, сидящую в кресле-качалке с сигаретой в одной руке и книгой «Орикс и Коростель» в другой.

Я делю свое время между спальней и комнатой отдыха, лишь однажды отважившись выбраться в столовую факультета, набрать в коробку еды и сбежать обратно в Годвин-хаус; нет ничего хуже, чем пытаться поесть в то время, как все преподаватели английского языка подходят ко мне, чтобы напомнить о том, как они виноваты, как мне, должно быть, трудно и какая же я молодец, что вернулась после всего, что произошло.

Если я буду передвигаться маршрутом «спальня — комната отдыха, комната отдыха — спальня», может быть, стужа не настигнет меня.

По крайней мере я себя в этом убеждаю. Но в итоге избежать этого не получается.

Это происходит, когда я нахожусь в читальном уголке. Я свернулась калачиком на сиденье у окна в конце коридора на первом этаже, сбросив туфли и засунув ноги в носках между подушками, рядом с которыми сложены стопкой книги для летнего чтения из списка доктора Уайатт. Мои веки тяжелеют, я напрасно изо всех сил стараюсь удержать взгляд на странице. Несмотря на то что день в разгаре, я зажигаю свечи; огоньки колеблются и мерцают, отражаясь в стекле окна.

«На минуточку, — думаю я. — Я прикрою глаза только на минуточку».

Сон, словно подземные воды, обволакивает меня. Темнота тянет меня в глубину.

А после я снова оказываюсь на горе. Руки в перчатках успевают онеметь, пока я цепляюсь за этот жалкий выступ. Я продолжаю думать о темной воде, заполняющей мои легкие. О теле Алекс, разбившемся о камни.

Сугроб подо мной больше не смещается. Я сажусь на него легко, как насекомое, и сижу неподвижно. Если пошевелюсь, гора задрожит и избавится от меня.

Если я не буду шевелиться, я умру здесь.

— Так умри же, — говорит Алекс, и я, вздрогнув, просыпаюсь.

В коридоре уже темно. Высокие окна глазят на темный лес, свечи погасли. Слышно только мое дыхание, тяжелое и прерывистое. Оно вырывается с шумом — болезненное, словно я все еще очень высоко над землей.

Я чувствую ее пальцы на затылке, ногти, похожие на осколки льда. Я судорожно озираюсь, но никого нет. По пустым коридорам Годвин-хаус тянутся тени, невидимые глаза пристально смотрят из высоких углов. Когда-то давно мне было

так легко забыть рассказы об этом доме и пяти ведьмах из Дэллоуэя, которые жили здесь триста лет тому назад, об их крови у нас под ногами и костях, висящих на деревьях. Если в этих местах и водятся привидения, то это из-за убийств и магии, а не из-за Алекс Хейвуд.

Алекс была самой яркой в этих стенах. Она держала ночь в страхе.

Мне нужно включить свет. Но я не могу сдвинуться с этого места возле окна, не могу перестать сжимать колени обеими руками.

Ее здесь нет. Она умерла. Она умерла.

Я вскакиваю. Шатаюсь, подхожу к ближайшему торшеру, дергаю за цепочку и включаю свет. Лампочка светится белым; я осматриваю помещение, чтобы убедиться в том, что никого нет. Конечно, никого нет. Боже, который час? Только 3:03 *утра*, высвечивает неимоверно яркий экран телефона. Уже слишком поздно, чтобы девушка в комнате Алекс все еще бодрствовала.

По дороге в свою комнату я зажигаю все лампы, сердце колотится, пока я поднимаюсь мимо второго этажа. *«Не смотри, не смотри»*, — приказываю себе и спешу дальше на третий.

Придя в комнату, я запираю дверь и сажусь на корточки на ковре. В прошлом году я, возможно, произнесла бы заклинание, ведь круг света — моя защита от тьмы. Сейчас же мои руки трясутся так сильно, что три спички ломаются, прежде чем мне удастся зажечь огонь. Я не рисую круг. *Магии не существует*. Я не произношу заклинание. Я всего лишь зажигаю три свечи и как можно ближе наклоняюсь к их теплу.

«Учись осознанному наблюдению, — сказала бы доктор Ортега. — Сосредоточься на пламени. Сосредоточься на чем-либо *реальном*».

Если что-то сверхъестественное и блуждает в этих стенах, оно не проявляет себя; тусклое пламя свечей мерцает и отбрасывает на стены колеблющиеся тени.

— Нет здесь никого, — шепчу я, и не успевают слова сорваться с моих губ, раздается стук в дверь.

Я так сильно вздрагиваю, что опрокидываю свечу. Шелковый ковер загорается практически мгновенно, желтое пламя быстро пожирает старинный узор. Я затапываю остатки огня, когда кто-то спрашивает:

— Что вы делаете?

Я поднимаю глаза. В дверном проеме стоит замена Алекс. И хотя сейчас чуть больше трех часов утра, она одета так, будто собирается идти на собеседование на юридический факультет. У нее даже запонки на воротнике.

— Вызываю дьявола. А на что это похоже? — отвечаю я, но мои пылающие щеки выдают меня; такое унижение. Хочу опрокинуть остальные свечи и сжечь весь дом, чтобы никто не узнал о моем позоре.

Девушка приподнимает одну бровь.

У меня так никогда не получается, хотя я провела целую вечность у зеркала, пытаюсь изобразить нечто подобное.

Я жду остроумного ответа, чего-то резкого и ранящего, подходящего этой странной, непредсказуемой девушке. Но она просто говорит:

— Вы оставили все лампы включенными.

— Я выключу.

— Спасибо. — Она поворачивается, чтобы уйти. Просто исчезнуть в темных коридорах дома и из моей жизни еще на несколько дней.

— Подождите, — говорю я, и она оборачивается, свет от свечей блуждает по ее лицу, отбрасывая странные тени под скулами. Я осторожно переступаю через тлеющие участки

ковра, ощущая поднимающееся по ногам тепло, и протягиваю ладонь:

— Я — Фелисити. Фелисити Морроу.

Она медлит, разглядывает мою руку и, наконец, пожимает ее. Прохладная ладонь, крепкое рукопожатие.

— Эллис.

— Это фамилия или имя?

Она смеется и отпускает мою руку, оставляя мой вопрос без ответа. Я стою в дверном проеме, глядя, как она идет по коридору. Ее бедра не покачиваются при ходьбе. Она просто уверенно шагает, держа руки в карманах брюк.

Я не знаю, почему она пришла так рано. Не знаю, почему не говорит мне свое имя. Не знаю, почему она со мной не разговаривает, да и кто она вообще такая.

Но я хочу найти торчащую нитку на воротнике ее рубашки и потянуть за нее.

Я хочу разгадать ее.

ГЛАВА 3

Через два дня, в субботу, перед началом занятий ученицы возвращаются в стены школы. Площадка перед фасадом, уставленная машинами, кишит первокурсницами и продолжающими учебу студентками и их семьями, которые обычно тащат своих младших полюбоваться на их потенциальное будущее. Четыреста девушек: небольшая школа по общепринятым стандартам, а мы, студентки, разделились на еще меньшие группы. И все равно я не могу заставить себя спуститься вниз, когда «новенькие» заселяются в Годвин-хаус. Но дверь оставляю открытой. Свернувшись калачиком с книгой в руках в своей кровати, наблюдаю за людьми, снующими туда-сюда по коридору третьего этажа.

Годвин-хаус — самый маленький в кампусе, он рассчитан лишь на пятерых студенток плюс к хозяйке дома, Мак-Дональд, спальня которой находится на первом этаже, и предназначен исключительно для старшекурсниц. Мы боролись против расширения Годвина и заселения большего числа студенток. Только представьте — шаткие лестницы, кривые полы и... Годвин больше не дом Дикинсон и ведьм,

а уродливая химера, построенная, чтобы вместить как можно больше жильцов.

Нет. Мы в силах сохранить Годвин таким, каким он был три века назад, когда была основана школа. История все еще живет в этих коридорах. В любой момент за углом можно встретиться лицом к лицу с призраком прошлого.

На одном этаже со мной прописаны еще двое: вечно тоскливая темнокожая девушка с длинными черными волосами и рыжеволосая с мертвенно-бледным лицом. Я поглядываю на вторую, прикрывшись «Колдовским апрелем»^{*} в мягкой обложке. Так им нечего будет сказать, заметь они меня сидящей на кровати с ноутбуком на коленях. Я наблюдаю за тем, как они, попивая холодный кофе, указывают носильщикам, таскающим вместо них чемоданы вверх по лестнице, куда поставить вещи.

В первый раз, заметив рыжеволосую соседку, вспышкой пламени мелькнувшую за углом, я вдруг подумала — Алекс.

Но это не Алекс.

Будь моя мать здесь, она быстренько бы подняла меня с кровати и заставила спуститься ко всем. Я топталась бы возле каждой, представляясь им и приглашая на чай в надежде вызвать к себе симпатию, и приходила бы вовремя на ужин, чтобы с остальными девочками Годвина поделить сплетнями и передать соль, сидя за общим столом в обеденном зале.

Но ничего из этого я не делаю и на ужин не хожу вовсе.

Новый учебный год вызывает ощущение разверзнувшейся, поглощающей свет пустоты. Что породит тьма?

^{*} «Колдовской апрель» (1922) — роман британской писательницы австралийского происхождения Элизабет фон Арним (1866–1941).

Какие призраки из неведомых глубин придут задушить меня?

Год назад мы с Алекс впустили зло в этот дом. Что, если оно все еще здесь?

Я закрываюсь в своей комнате и нервно хожу от окна до двери и обратно, заламывая руки.

«Магии нет, — твержу я себе. — Призраков не существует».

А если привидений и магии нет, то и проклятия тоже.

Но дубовые ветви, стучащие в мое окно, напоминают костлявые пальцы, барабаниющие по стеклу, и я не могу заглушить голос Алекс в своей голове.

Я считаю, что карты таро — не волшебство, а предсказание будущего, основанное на многолетней практике. Это по сути своей... карточная игра. Поэтому нет никакого риска в том, чтобы уступить старым привычкам. Я пригибаюсь, залезая в шкаф, чтобы из-под трав, свечей и старых камней достать свою металлическую банку с колодой таро Смит — Уэйта.

Я запиховаяю остальные предметы темного культа обратно и быстро выбираюсь наружу, учащенно дыша.

Магии нет. Нечего бояться.

Я несую коробку к кровати, тасую карты и спрашиваю их: «Сближусь ли я с этими девочками? Найду ли здесь друзей? Будет ли Годвин-хаус таким, каким я его помню?»

Я вынимаю три карты: прошлое, настоящее, будущее.

Прошлое показывает Шестерку Кубков и означает свободу и счастье. Это карта детства и невинности. Что и совпадает с моим прошлым. Настоящее выпадает Девяткой Жезлов, перевернутой. Неуверенность. Паранойя. Похоже на правду.

И мое будущее: Дьявол.

Я хмурюсь и снова сбрасываю карты в колоду.

Вообще не знаю, как понять Старшие Арканы. Да и, по словам доктора Ортеги, таро не предсказывают будущее, они показывают ровно то, что вы и так знаете о себе.

Поэтому нет смысла сейчас изводить себя над картами. Вместо этого я смотрю в зеркало, закрепляю волосы на затылке, освежаю помаду на губах и спускаюсь вниз к остальным.

Новые студентки сидят в общей комнате. Все собрались вокруг кофейного столика и, похоже, не сводят глаз с шахматной партии между Эллис и рыжей. Свеча горит, источая запах розы, играет классическая музыка на виниле. Даже я, не разбираясь в шахматах, могу сказать, что Эллис выигрывает. Центр доски под контролем ее пешек. Фигуры ее соперницы ушли на фланги, сражаясь за возвращение утраченных позиций.

— Привет, — говорю я.

Все смотрят на меня. Столь внезапное движение, отчасти даже синхронное, застает меня врасплох. Я пытаюсь улыбнуться.

Я, Фелисити Морроу, никогда не робею.

Но эти девушки не знают этого.

Потом они устремляют свои взгляды на Эллис, словно прося ее разрешения поговорить со мной. Она смахивает белую пешку с доски и откидывается на спинку стула, положив запястье на колено.

— Это Фелисити, — звучат ее слова.

Что, я сама не могу представиться? Но сейчас уже, конечно, ни к чему. Что я должна говорить? Снова здороваться? Нет. Естественно, я не буду ей поддакивать: *«Да, верно. Мое имя Фелисити. Ты абсолютно права»*.

Эллис познакомилась с этими девушками несколько часов назад и уже заявила о себе как о самой главной.

Одна из них — чернокожая с копной тугих кудрей, одетая в кардиган «Вивьен Вествуд», пожалев меня, говорит:

— Леони Шуйлер.

И этого достаточно, чтобы переключку подхватили остальные.

— Каджал Мехта, — прозвучало от худой унылой де-вушки с моего этажа.

— Клара Кеннеди, — представилась рыжая, тут же вновь возвращая свое внимание к игре.

И на этом все.

Теперь, когда я здесь, уже не до разговоров. В комнате повисла тишина, и только слышно, как Клара, делая ход конем, стучит фигуркой о доску, а Эллис поджигает спичку, закуривая сигарету.

И это в помещении. Мало того, что никто не делает ей замечаний, так еще и МакДональд не реагирует на это так, как если бы мы с Алекс курили в общей комнате. *«Книги могут загореться, девушки!»*

Ну, пусть не ждут, что я уйду. Вообще-то я здесь на таких же правах, как и они. И даже *больше*. Я уже проживала в Годвин-хаус, когда они, будучи первокурсницами, спрашивали дорогу в столовую.

Я сажусь в свободное кресло и достаю телефон, чтобы проверить почту, а Клара и Каджал обмениваются недоуменными взглядами, словно не видели раньше, чтобы кто-то переписывался в интернете. Возможно, они не переписывались. Одеты все как в 1960-е: юбки из твида, воротнички а-ля Питер Пэн и красная помада. Эллис заканчивает игру на восьмом ходу, быстро и беспощадно расправляясь с фигурами Клары. Хотя и с трудом, но все возвращаются к беседе, при этом делая вид, что меня нет. Я узнаю, что Леони

провела лето в семейном загородном доме в Нантакете, а у Каджал есть кот по имени Птенчик.

Я узнаю не то, что мне нужно, и, честно говоря, не слышу ничего нового. Семья Леони Шуйлер — потомственные богачи. Я видела Леони в школе раньше и знаю, что у нее и тогда были прямые волосы, и она точно не носила это массивное кольцо с печаткой. Фамилии Мехта и Кеннеди тоже знамениты: их обладатели часто останавливаются в гостевом доме моей матери в Венеции.

Я хочу знать, почему они выбрали Годвин... и в целом Дэллоуэй. Интересно, притянула ли их сюда романтика старинной литературы, как и меня, или, может быть, их интерес гораздо глубже: восемнадцатый век, мертвые девушки и темная магия?

— Как тебе Дэллоуэй? — спрашивает Леони. И, конечно, обращается к Элис.

Та, стряхивая пепел сигареты в пустую кружку, отвечает:

— Нормально. Гораздо меньше, чем я ожидала.

— Привыкнешь, — сказала Клара, глупо хихикнув. Мне она все больше и больше не нравится. Может быть, потому что она сильно напоминает мне Алекс. Но они лишь *похожи*, и на этом все.

— Годвин — лучший дом. Тебе повезло.

— Да, я знаю о Дикинсон, — отвечает Элис.

— И не только, — говорит Леони. — Годвин самый маленький дом на кампусе, но при этом и самый старый. Он был здесь еще до того, как школу достроили. Деливранс Лемонт, учредительница, жила здесь со своей дочерью.

— ...Марджери Лемонт, — отмечает Элис. Я застываю в кресле, чувствуя, как холодок пробегает по венам.

— Я читала о случившемся, — добавляет она.

Наверное, мне нужно было подняться наверх.

— Жутко, правда? — спрашивает Клара улыбаясь. Я смотрю на нее не отрываясь, во все глаза. *Жуткая*. Слабое слово для определения Марджери Лемонт. *Богатая, дерзкая, убийца, ведьма* — эти описания подходят ей гораздо больше.

— Ой, не надо! — отмахивается Каджал. — Никто на самом деле не верит в эту чепуху.

— Смерти действительно происходили. Это исторический факт, — поучительным тоном отвечает Леони. Интересно, ее уверенность — это результат работы над архивами?

— Да, но колдовство? Ритуальное убийство? — Каджал отрицательно качает головой. — Скорее всего, Пятеркой из Дэллоуэя были девушки, которые слишком нагло вели себя в свое время, вот за это и поплатились своими жизнями. Как в Салеме.

Пятерка из Дэллоуэя.

Флора Грейфрайар — первая. Была убита девушками, которых она считала своими подругами.

Тамсин Пенхалигон повесили на дереве.

Беатрикс Уокер разбилась о каменный пол.

Корделию Дарлинг утопили.

И... Марджери Лемонт похоронили заживо.

В позапрошлом году у меня в планах было написать курсовую работу о связи колдовства и женоненавистничества в литературе. Казалось, Дэллоуэй — идеальное место для этого, те самые стены, уходящие в темное прошлое. Подобно научному деятелю, я со всей объективностью изучала историю жизни и смерти ведьм Дэллоуэя, пока прошлое не вылезло из пергамента и чернил, чтобы своими пальцами придушить меня.

— Тебе повезло, что тебя поселили в Годвин с первого раза, — говорит Леони в сторону Эллис, ловко обходя животрепещущую тему. — Кандидатов на место всегда много.

Большинство не проходят отбор, пока не дойдут до старших курсов.

— Я всего лишь на третьем, — добавляет Клара, но все молчат.

Я же борюсь с желанием сказать: «*Я тоже была*».

— Вам не говорили, что все ведьмы умерли здесь, в Годвин-хаус? — интересуется Эллис, закуривая вновь. Запах дыма, едкий как горелая плоть, пропитывает воздух.

Сил нет находиться здесь.

Я отодвигаю стул и встаю.

— Думаю, я пойду спать. Приятно было познакомиться со всеми вами.

Девушки устремляют взгляды на меня, поэтому я вынужденно улыбаюсь: *воспитанная девочка из хорошей семьи*. Эллис выдыхает дым в потолок.

Я поднимаюсь в свою темную комнату, возвращаясь к ее знакомым очертаниям, отчетливо осознав свое поражение.

Карты таро до сих пор лежат на моей кровати. Я хватаю колоду, убираю ее обратно в тайник и закрываю плинтусом дыру.

Вот я дура. Стану я еще когда-нибудь ими пользоваться. Это не колдовство, но сродни ему. И тут я вспоминаю ворчание доктора Ортеги о нескончаемых заблуждениях и скорби. Но магии нет. Я не сумасшедшая. И я уже больше не скорблю.

ГЛАВА 4

Я раздумываю, стоит ли вообще идти на сегодняшнее мероприятие. Обитательницы Болейн-хаус устраивают такие вечера в стиле «Мулен Руж» в начале и конце каждого семестра; девушки с длинными мундштуками потягивают абсент и проверяют накладные ресницы в зеркале туалетной комнаты — и раньше я всегда ходила. Но это было в то время, когда все из Годвин-хаус были со мной. Мы с Алекс раз за разом одевались в наряды одного и того же цвета: я носила красный, она — темно-синий. В расшитый бисером клатч она прятала плоскую фляжку. Я курила сигареты одну за другой, высунувшись из окна на четвертом этаже. Единственные моменты, когда я позволяла себе курить.

В этот раз есть только я. Никакого темного зеркального двойника. Красное платье, что я надевала в прошлом году, теперь болтается на мне: ключицы торчат, как лезвия, тазовые кости проступают сквозь тонкий шелк.

Некоторые лица мне знакомы, в прошлом году я готовилась к выпуску, а они были на первом и втором курсах; они машут мне и проходят туда, где, должно быть, интереснее.

— Фелисити Морроу?

Я оглядываюсь. Невысокая, коротко стриженная девушка стоит рядом и во все глаза смотрит на меня; она одета в платье, которое явно никогда не знало утюга. Через секунду до меня доходит.

— О, привет. Ханна, верно?

— Ханна Стрэтфорд, — говорит она, улыбаясь еще шире. — Я не была уверена, что ты меня вспомнишь!

Конечно да, хотя это лишь смутное воспоминание о маленькой первокурснице, которая таскалась за Алекс, словно та была воплощением утонченности, а не неряшливой девчонкой, которая вечно спала допоздна и списала итоговую контрольную по французскому. Нет, за пределами Годвин-хаус Алекс была безупречной, утонченной, являлась образцом непринужденного совершенства, и ей удавалось носить свою плебейскую фамилию как чертов нимб.

У меня сводит живот. Я прижимаю руку к ребрам и делаю неглубокий вдох.

— Конечно я помню, — говорю я, натягивая на лицо улыбку. — Хорошо, что мы снова встретились.

— Я так рада, что ты решила вернуться в этом году, — торжественно, как священник, произносит Ханна. — Надеюсь, тебе уже лучше.

Вот так, сразу. Улыбка дается мне с трудом.

— Я чувствую себя прекрасно.

Выходит довольно резко — и Ханна вздрагивает.

— Ну да. Конечно, — торопливо говорит она. — Прости. Я только хотела сказать... извини.

Она не знает о моем пребывании в Сильвер-Лейк. Она не может знать.

Еще вдох, моя рука поднимается и опадает вместе с диафрагмой.

— Мы все по ней скучаем.

Интересно, насколько неискренне я это произнесла? Хотелось бы знать, ненавидит ли Ханна меня за это, хоть немного.

Она стоит, покусывая нижнюю губу, но, что бы ей ни пришло на ум, вместо этого она еще раз ослепительно улыбается.

— Ну, по крайней мере ты все еще в Годвин-хаус! Я подавала заявление в этом году, но, к сожалению, не прошла. Но опять же, *все* подавали заявки. Это же очевидно.

Очевидно?

Мне даже не приходится задавать этот вопрос. Ханна поднимается на цыпочки, наклоняется и по секрету шепчет:

— *Эллис Хейли.*

Ой! Ой. Наконец, головоломка сложилась. Эллис — это Эллис Хейли, романистка: автор бестселлера «Ночная птица», который получил в прошлом году Пулитцеровскую премию. Я об этом слышала по Национальному общественному радио; Эллис Хейли, ей только семнадцать, и она — «голос нашего поколения».

Эллис Хейли, вундеркинд.

— Разве она не на домашнем обучении? — только и удается сказать мне.

— Да, так и есть. Ты, наверное, не знаешь. Она перевелась сюда в этом семестре, будет заканчивать обучение здесь. Мне кажется, она хотела выбраться из Джорджии.

Ханна продолжает говорить, но я ее не слушаю. Я лихорадочно перебираю в памяти события прошлой недели, пытаюсь вспомнить, не сделала ли я чего-нибудь позорного.

Всё, что я сделала, было настоящим позором.

— Пойду что-нибудь выпью, — говорю я Ханне и сбегаю, пока она не заявила, что пойдет со мной. Хуже, чем

бесконечно слушать, как Ханна *сожалеет* о том, что случилось, были ее дифирамбы Эллис Хейли.

Девушки Болейн устроили в своей кухне что-то вроде бара; к счастью, куратор их факультета отсутствовала — впрочем, как и все педагоги во время наших вечеринок; в конце концов, наши родители платят школе не за то, чтобы нас воспитывали, — и там нашлись такие сорта дорогого джина, о которых я и не подозревала. Я наливаю себе из ближайшей бутылки, выпиваю и наливаю вновь.

Я не люблю джин. И сомневаюсь, что хоть одна из двадцати девушек, живущих в Болейн-хаус, любит; им нравится цена этого самого джина.

Со мной никто не разговаривает. Сейчас я этому рада. Взамен я получаю возможность наблюдать за тем, как они общаются между собой и искоса посматривают в мою сторону, словно опасаются столкнуться со мной взглядом. При моем приближении разговор затихает.

Значит, все в курсе.

Я не знаю, как они это выяснили. Хотя, возможно, и знаю. . . Сплетни в нашем кругу разлетаются быстро. Несмотря на присутствие в школе Дэллоуэй Эллис Хейли, я здесь самая интересная персона.

Я допиваю остатки из моего стакана. Они это переживут. Вот начнутся занятия, и кто-нибудь сочинит для посиделок у камина историю похуже, чем о *Фелисити Морроу, той девушке, которая...*

Я не могу сказать это даже мысленно.

Я наливаю себе еще.

Каждый дом в Дэллоуэй имеет свои тайны, реликвии школьной истории. Как проницательно заметила Леони, Дэллоуэй основала Деливранс Лемонт, дочь салемской ведьмы, предположительно сама практиковавшая магию. Есть

тайны попроще: тайный проход из кухни в комнату отдыха, собрание старых экзаменационных работ. Тайны же Болейн, как Годвин-хаус, мрачнее.

Секрет Болейн — это старинный обряд, обращение из современности ко времени, когда скверные женщины были ведьмами и передавали свои магические способности дочерям из поколения в поколение. И хоть магия к настоящему времени умерла, растворенная в технологиях, цинизме и потоках времени, ученицы некоторых домов в Дэллоуэй всё еще почитают наше кровавое наследие.

Болейн-хаус. Бефана-хаус. Годвин.

Когда меня посвящали в ковен Марджери, я кровью присягала на верность костям дочери Деливанс Лемонт. Пусть я не принадлежу к Болейн-хаус, но ритуал посвящения каждый год связывал меня с пятью девушками из этих трех домов, избранными хранить наследие Марджери.

По мере сил, конечно. В прошлом году я видела, как одна посвященная из дома Болейн пила текилу через глазницу черепа Марджери, словно это была жуткая чаша-непроливайка.

Череп должен быть здесь, в алтаре Болейн-хаус. Джин горючит мои вены, мне бы пройти по коридору, найти девушку в красном, охраняющую тайную дверь, и прошептать пароль:

Ex scientia ultio.

За знанием идет расплата.

Я закрываю глаза — и на мгновение вижу это: на одиноком шатком столике, затянутом черной тканью, установлены двенадцать свечей. Тринадцатая же свеча стоит на черепе Марджери. Стекший на макушку воск похож на руку, сжимающую кость.

Но черепа здесь, конечно же, больше нет. Он был утрачен почти год назад.

Ни одна из девушек Болейн не кажется обеспокоенной этим фактом. Даже те, кого я узнаю по предыдущим посещениям склепа Болейн, напились и смеются, ликер выплескивается из их чашек. Если они и тревожатся из-за мертвой ведьмы, жаждущей мести за свои оскверненные останки, этого не видно.

Мы все слышали истории о привидениях. Их рассказывают во время обрядов посвящения в ковен Марджери, передают от старшей сестры младшей как семейную реликвию: за окном видели Тамсин Пенхалигон со сломанной шеей, в кухне — Корделию Дарлинг в промокшей одежде, с которой на пол капает вода, в темноте — Беатрикс Уокер, бормочущую загадочные слова.

Росказни предназначены, чтобы пугать и развлекать, а не для того, чтобы в них верили. Я и не верила... Сначала не верила.

Но я до сих пор помню темную фигуру, словно сотканную из теней, мерцающий свет свечей и потрясенное лицо Алекс.

Я поворачиваю и крадусь по коридору, ведущему в склеп. Девушка в красном на месте, но она не кажется мрачной негниваемой фигурой, какой должна быть. Она «сидит» в телефоне, постукивая по экрану, который освещает ее лицо жутким голубоватым свечением, что-то читает и усмехается.

— Помнишь меня? — говорю я.

Она поднимает глаза. Между двумя ударами сердца с ее лица исчезает усмешка, ее место занимает новое выражение: настороженно-замкнутое, трудноопределимое.

— Фелисити Морроу.

— Верно. Наслаждаюсь вечеринкой.

Она переминается с ноги на ногу, руками обхватывает себя за талию, кончики пальцев впиваются в красный кардиган.

— Я слышала, что в этом году ты вернулась в школу.

Она боится меня.

Мне не следует осуждать ее за это, но я осуждаю. Я ненавижу ее за все. Я ненавижу ее за то, что она, вся в ярко-красном, охраняет склеп, я ненавижу те невидимые нити, что связывают ее с другими девушками в нашем ковене, не нити даже, а морские узлы между ней, Бриджет Креншоу, Фатимой Алауи и остальными, те связи, которые я когда-то считала нерушимыми.

Ненавижу за то, что даже не помню ее имени.

— Я еще не получила знак, — говорю я.

Она чуть заметно кивает.

— Ты его не получишь. В этом году точно нет.

Я это знала. Я *догадалась*, когда уехала, и ни одна из них не написала мне, хотя на похороны Алекс они прислали ее матери кучу цветов; они, словно стая ворон, столпились у могилы Алекс, хотя никто из них ее не знал. Ни одна из них не знала ее *по-настоящему*, так, как я.

Внезапно я резко трезвею. Я отставляю пустой стакан на ближайший стол и смотрю на эту девицу в кроваво-красном свитере «Изабель Маран» и с дорогим маникюром. Ее накрашенный рот, должно быть, шептался про Алекс, когда она думала, что Алекс не услышит: *стипендия, деревенщина, честолубивая*.

— Понятно, — говорю я. — А почему так?

Она, возможно, боится меня, но теперь по совершенно другой причине. Я знаю, как использовать четкие согласные моей матери и бостонский акцент, чтобы произвести нужный эффект. Это своего рода моя визитная карточка.

Щеки девушки становятся красными, как ее кардиган.

— Прости, — говорит она. — Это не мое решение. Это просто... знаешь, ты все воспринимаешь слишком серьезно.

Нужно что-то ответить, но у меня нет слов. *Слишком серьезно.* Как будто череп, свечи, кровь козла... для них все это было понарошку.

А может, так и было. Алекс сказала бы, что колдовство связано с эстетикой. Она рассказала бы, что этот ковен был создан для сестричества — для девушки Марджери с понимающей улыбкой, девушки, представляющей тебя на корпоративе нужным людям в нужное время. *Связи, а не заклинания.*

Улыбка на моих губах фальшивая, но я все равно улыбаюсь. Всё, что мы всегда делаем в этой школе, — это оскорбляем друг друга, а потом улыбаемся.

— Спасибо, что объяснила, — говорю я. — Я прекрасно понимаю твою позицию.

Пора еще выпить.

Я пробираюсь обратно на кухню, где джин заменили на неизвестный зеленый напиток с горьким вкусом, напоминающим прелую траву. Я пью его все равно, потому что так положено на вечеринках, потому что в моих жилах течет кровь моей матери и, как Сесилия Морроу, я не могу встречать реалии мира без привкуса лжи во рту и алкоголя в крови.

Ненавижу то, что это правда. Ненавижу *их* еще больше.

Мои мысли окончательно спутались, и среди каких-то синих огней и размытых очертаний я вижу *ее*. Эллис Хейли прибыла, притащив за собой своих новых адептов: Клару, Каджал и Леони. Ни одна из них не одета по теме, но каким-то образом они притягивают взгляды и мысли остальных участников вечеринки. И я не лучше, ведь тоже на них пялюсь.

По этому случаю помада Эллис — темно-красная, почти черная. Она оставит след на всем, чего коснутся ее губы.

Наши взгляды встречаются через весь зал. И на этот раз у меня нет ни малейшего желания отвернуться. Я вздергиваю подбородок и выдерживаю ее пронзительный взгляд из-под

прямых бровей, абсолютно ясный, несмотря на пустой стакан из-под абсента в ее руке. Хочу вскрыть ее грудную клетку и заглянуть внутрь, увидеть, как бьется ее сердце.

Затем Эллис поворачивает голову и слегка наклоняется, а Клара шепчет ей что-то на ухо. Невидимая нить между нами туго натянута; Эллис не отводит взгляд.

А я отвожу, но успеваю уловить изгиб розовых губ Клары, короткое резкое движение двумя пальцами: быстро закрывающиеся ножницы.

Что-то холодное проваливается в мой желудок; даже отправленный вдогонку коктейль не растопит его. Я оставляю пустой стакан на столе и пробираюсь сквозь толпу, используя локти там, где не помогают слова.

Я успеваю выбраться на улицу, прежде чем мои внутренности выплескиваются на лужайку. Я все еще задыхаюсь, выплевывая желчь, когда кто-то кричит с крыльца:

— Идите и приведите себя в порядок!

О да. Сейчас только девять вечера, а мне уже плохо.

Я вытираю рот тыльной стороной трясущейся руки, выпрямляюсь и мчусь по дорожке к центральной площадке не оглядываясь. Я не позволю им увидеть мое лицо.

В Годвин-хаус я чищу зубы, а после начинаю расхаживать по пустым коридорам. Мой хребет сводит от ужасного беспокойства. Я пока не смогу заснуть. Не смогу залезть в холодную постель и таращиться на стену в ожидании возвращения остальных, а после ловить каждый звук, чтобы услышать из их уст свое имя.

Вместо этого я завариваю чай и остаюсь стоять возле кухонного стола, потихоньку отпивая бодрящий напиток. Так я дотягиваю до половины десятого, затем приходится убрать посуду и придумать что-нибудь еще. Я вытягиваю три карты таро: все Мечи. Вдруг вижу свет, пробивающийся

через щель под дверью домоправительницы МакДональда, но я еще не настолько безнадежна, чтобы искать ее общества.

Как всегда, я заканчиваю свои блуждания в комнате отдыха.

Проблема в том, что я ничего не хочу читать. Я просматриваю полки, но ничто не притягивает внимание. Такое чувство, что перечитала всё — все книги мира. Каждое название кажется повторением того, что было, снова и снова попадаетсся одно и то же.

Из меня получился бы прекрасный студент-литературовед, не правда ли?

Как тихо в доме. Тишина наваливается тяжелыми камнями мне на плечи.

Нет, *в самом деле* слишком тихо — неестественно тихо, — и, оглянувшись, я понимаю почему.

Старинные часы, стоящие между прозой и поэзией, замолчали. Их стрелки замерли на 3:03.

То самое время, когда мне приснился кошмар.

Медленно ступая, я подхожу ближе. Половицы скрипят под моими ногами. Я пристально смотрю на белый циферблат, на эти черные клинки, которые, словно издеваясь, образуют почти прямой угол. Тишина сгущается. Я не могу дышать; воздух разрежен, и я задыхаюсь...

— Думаю, нам необходимо их починить, — я оборачиваюсь на голос.

Эллис Хейли стоит за моей спиной, руки в карманах брюк, ее внимание обошло меня и сосредоточилось на старинных часах. У нее все та же красная помада, линия ее губ очерчена слишком идеально для девушки, вернувшейся с вечеринки. Через мгновение ее взгляд встречается с моим.

— Ты рано ушла, — замечает она.

— Меня замутило.

— Они положили в абсент мало сахара, — она качает головой.

Несколько мгновений мы просто стоим и смотрим друг на друга. Я вспоминаю бледные руки Клары в темноте: щелк, щелк.

— Где все остальные? — спрашиваю я.

— Насколько я знаю, всё еще в Болейн.

Я изо всех сил пытаюсь представить, как хотя бы одна из тех девиц позволила Эллис Хейли уйти куда-нибудь без них.

— Тебе, должно быть, пришлось снимать их с себя, как крошечных хорошо одетых пиявок. — Я осознаю, что сказала это вслух, — и мой рот моментально захлопывается.

Эллис смеется. Ее неожиданный задорный смех разбивает тишину, заполнившую комнату.

— Да, я сказала им, что собираюсь освежиться, — признается она. Когда она улыбается, в уголках ее глаз собираются морщинки. — Клара попыталась пойти со мной.

— Повезло, тебе удалось сбежать.

— Кое-как, — Эллис показывает пальцами. — Кстати, я сварила кофе. Будешь?

— Поздновато для кофе, разве нет?

— Для кофе никогда не бывает слишком поздно.

Эта ночь уже кажется странной, словно мир, увиденный через калейдоскоп.

— Почему бы и нет, — говорю я, и Эллис идет за подносом на кухню. Серебряный кофейник, стоящий на нем, смутно напоминает марокканский, и наши чашки с отколотыми краями рядом с ним выглядят довольно жалко.

Эллис наливает кофе, сидя на полу с поджатыми ногами. Она не принесла ни сливки, ни сахар; по-видимому, мы обе решили пить просто черный кофе.

— Почему ты приехала сюда так рано? — спрашиваю я, когда она берет чашку и делает первый глоток. Вопрос дерзкий — моя мать не одобрила бы подобное начало беседы — но, кажется, вся моя сдержанность изверглась вместе с рвотой. — Большинство людей не так отчаянно стремятся вернуться в школу.

— Вообще-то всего на две недели раньше, — говорит Эллис. — Мне было нужно одиночество. Время вдали от мира, чтобы поработать над книгой. Когда никого нет, здесь так спокойно.

Удивительно, что администрация разрешила ей быть здесь.

Нет, пожалуй, не удивительно. Реклама — *роман Эллис Хейли, написанный на втором курсе в уединении кампуса школы Дэллоуэй*, — окупит затраты на содержание одной студентки в течение двух недель. Дэллоуэй может сравняться с виллой Диодати, с Уолденом*.

Точно не скажу, что моей матери пришлось сделать, чтобы убедить Дэллоуэй разрешить мне приехать на четыре дня раньше, но могу представить, что потребовалось что-то большее, чем просьба.

— Что ты сейчас пишешь?

Эллис опускает чашку, смотрит на черную поверхность кофе, словно там ее источник вдохновения.

— Это исследование характера, — говорит она. — Хочу исследовать градации человеческой нравственности: как безразличие становится злом, что толкает человека на убийство. Еще хочу рассмотреть концепцию психопатии: существует

* Вилла Диодати — особняк на берегу Женевского озера в Швейцарии, где останавливался поэт-романтик Джордж Байрон и гостила писательница Мэри Шелли. Уолден — вероятнее всего, речь о хижине в лесу, где творил писатель Генри Торо.

ли злодейство именно в *этой* форме или зло лишь проявление некоего человеческого стремления, скрытого в каждом из нас?

Как зябко в этой комнате; я пытаюсь согреться, держу кружку с кофе в ладонях.

— И что ты собираешься делать?

— Пока не знаю. — Эллис проводит пальцем по ободку чашки. — Хотя я полагаю, что мне и не придется выяснять всё с нуля. Смерти в моей истории вдохновлены Пятеркой из Дэллоуэя.

Снова Дэллоуэйская Пятерка. Что бы я ни делала, от них, похоже, никуда не деться. Я провела около *года* вдали от этого места, в одиночестве, которое я создала себе сама, но стоило мне вернуться, призраки вновь преследуют меня, и у всех на языке рассказы о мертвых ведьмах.

Я не припомню, чтобы в прошлом году был такой же интерес к истории Дэллоуэя. Во всяком случае, я чувствовала себя неловко из-за темы моей курсовой; при попытках обсудить ее все морщили нос либо кривили рот.

— Что ты имеешь в виду?

— Я пишу о них, — говорит Эллис. — Ну, в основном про Марджери Лемонт. Эта история рассматривается с разных точек зрения, но главный вопрос в том, была ли Марджери ведьмой на самом деле, как утверждали ее обвинители, или обвинения в колдовстве просто отражали патологизацию женского гнева.

Я не знаю, что на это ответить. У меня сухо во рту; язык прилипает к нёбу, как старая жвачка.

— Поэтому мне непременно нужно было переехать сюда, в Дэллоуэй. Где же, как не здесь, писать истории такого рода, верно?

Согласна. Но даже если и так, какая-то часть меня хочет предостеречь Эллис не подходить слишком близко.

Марджери Лемонт умеет затягивать тебя и не отпускать. Интересно, наблюдает ли сейчас за нами призрак Алекс, окидывая эту комнату мертвым взглядом? Оценивая.

— Что ж, удачи, — говорю я.

Эллис улыбается мне, подносит чашку к губам и делает глоток.

— А какая у тебя тема дипломной работы?

Ответ чуть было не срывается с моих губ. В тишине Эллис терпеливо ждет, пока я борюсь с желанием все ей рассказать.

— Я пока не знаю.

Я не могу здесь больше оставаться. Дэллоуэй вошел в мою плоть и кровь, и как бы я ни старалась держаться подальше, история Дэллоуэя — и моя — висит над кампусом, как беспросветный туман. Интересно, чувствует ли это Эллис? Боится ли она или надеется, что тень этого зла просочится из-под земли и заразит ее, как когда-то заразила Марджери Лемонт?

Наконец, я, прикусив щеку изнутри, признаюсь:

— Я подумывала о том, чтобы тоже изучать ведьм. Но я больше не считаю это хорошей идеей.

Эллис вопросительно выгибает бровь.

— Всё любопытнее и любопытнее, — говорит она.

В ее словах слышны нотки веселья.

Она знает? Может ли она утверждать, что для меня это исследование не было формальным?

Возможно, Уайатт или МакДональд предупредили ее, прислав письмо в агентство: *«Будьте осторожны с такими историями, мисс Хейли. Как бы вы не начали верить в их правдивость»*.

— Ну почему же? — Выходит чуть агрессивнее, чем я ожидала. — Это хорошая история. Ясно же, что ты с этим согласна, иначе не стала бы об этом писать.

— *Превосходная история*, — поправляет Эллис. — Школа Дэллоуэй создана, чтобы под видом дорогого пансиона для благородных девиц обучать молодых ведьм искусству магии. Первый директор — дочь ведьмы. Пятерка из Дэллоуэя убила одну из своих во время сатанинского ритуала. Реальность может только мечтать о таком извращении.

— Здесь не всё выдумки. В конце концов, мы знаем, что основательница была родом из Салема. И не забывай о собрании оккультных книг в главной библиотеке.

Собрание это было подарено выпускницей школы Дэллоуэй, ныне знаменитым историком, специалистом по религиозным практикам семнадцатого века. Собрание, которое я надеялась заполучить в свои руки, как только перешла на третий курс и у меня появился преподаватель, готовый подписать разрешение. Я хотела дышать пылью тех манускриптов, проводить пальцами в перчатках по древним корешкам. Администрация школы — и Уайатт — сотни раз пытались отговорить меня от темы моей курсовой. Наверное, они знали, что со мной может случиться, если я буду играть со старой магией.

— Сколько ты знаешь пансионатов, где есть комнаты, набитые редкими книгами со страницами из человеческой кожи, полными пентаграмм?

Эллис делает рукой жест, словно говоря: «*Много*».

— Разумеется, ты права, — добавляю я. — На самом деле они не были ведьмами. Они были обычными девушками.

Просто девушки. Слишком умные и яркие для своего времени.

И их за это убили.

— Но один факт реален, — говорит Эллис после долгой паузы. Ее пристальный взгляд холоден, как серебряная вода в озере. — Смерть Флоры Грейфрайар.

Она права. Если бы я и не вернулась в Дэллоуэй, то именно по этой причине; сама мысль о том, чтобы посещать школу, где ритуально была убита девушка, вызывала у меня жуткую неловкость. Всё, что меня по-настоящему заботило, был Годвин-хаус. Да, останки всех пяти ведьм Дэллоуэя были найдены в основании этого здания — убитых друг другом или безмозглыми горожанами, в зависимости от того, во что вы верите... Но здесь же была *Эмили Дикинсон*. Как я могла устоять?

Только когда я приехала сюда и узнала больше об истории школы, о ведьмах, я влюбилась во тьму.

Входная дверь с грохотом распаивается, приглушенные голоса в фойе возвещают о возвращении остальных девушек Годвин. Эллис отставляет пустую чашку из-под кофе и встает, предлагая мне руку. Чуть замаявшись, я соглашаюсь, и она помогает мне подняться.

— Эллис, — произносит Каджал, как только появляется в дверях комнаты отдыха. — Тебе нужно было предупредить нас, что ты идешь сюда.

Эллис смотрит на меня, край ее рта кривится; в этот раз я улыбаюсь в ответ.

Очарование разрушено. Девушки съедают весь кислород в комнате, они окружают Эллис, как астероиды черную дыру. Я сбегая к себе, чтобы смыть макияж и очистить волосы от запаха сигаретного дыма. Я очень устала, но все же пройдет много времени, прежде чем я усну, свернувшись калачиком под одеялом, а подушка постепенно станет влажной от мокрых волос.

Флора Грейфрайар тревожит ночную тишину Годвин-хаус. Моя кожа хранит память о прикосновении к черепу Марджери, о прохладной кости и теплом воске, каплющем сквозь мои пальцы. И я не могу забыть того, что

интересует Эллис: действительно ли во всех нас спокойно дремлет стремление к убийству и не находимся ли мы в двух шагах от края пропасти, ожидая повода, чтобы протянуть руки и толкнуть кого-то?

Я думаю о том моменте, когда оборвалась веревка и мир стал тихим и неподвижным, а мое тело — невесомым, ведь Алекс не тянула его вниз. Думаю о снеге в моих глазах и безлюдной горе. О чувстве пустоты, прорезавшем мою грудную клетку.

И облегчении.

ГЛАВА 5

Школьные занятия всегда начинаются как-то сразу.

В отличие от других школ Дэллоуэй допускает удивительную свободу в выборе предметов для изучения. У нас есть общий образовательный стандарт, преподаваемый по методу Харкнесса — всё через обсуждение. Закончившим второй год обучения рекомендуется сконцентрироваться на самой интересной теме, которая постепенно станет базой дипломной работы. В Дэллоуэе есть ученицы, которые большую часть учебного года проводят на стажировке в соседней аэрокосмической лаборатории, а есть такие, кто днюет и ночует на классических занятиях и говорит только на древнегреческом. И еще есть мы: литераторы, книжная интеллигенция, питающая слабость к очкам в роговой оправе и пахнущим пылью страницам.

Я не заявила тему дипломной; думала, что хотя бы несколько недель это сойдет мне с рук, что сочувствие администрации к Алекс или хотя бы их отвращение к моей прошлой теме выразится в послаблениях и электронных письмах с разрешением «*Не торопитесь*». Мне следовало

уточнить этот вопрос. Но, как оказалось, я медленно учусь.

Уайатт вызывает меня в свой кабинет в первый день занятий и вручает банку фирменной газировки; она держит ее в маленьком холодильнике под столом из красного дерева, и эстетика холодной алюминиевой жестянки на фоне этого стола и антикварного ковра приводит меня в состояние тревожного смущения.

— Итак, — произносит Уайатт, водружая на переносицу очки для чтения. — Я считаю, как и сообщила тебе в электронном письме, что лучше всего, если мы подберем новую тему для твоей дипломной работы. Да?

— Да. — Будучи в Сильвер-Лейк, я привыкла говорить то, что люди хотели услышать. «Да», она хотела услышать именно это. — Я не хочу выбрасывать то исследование, что уже сделала, поэтому подумываю остаться в похожем жанре. Ужасов.

Уайатт медленно кивает.

— Хорошая ли это идея? Жанр ужасов может быть... очень страшным.

— Сейчас мне уже лучше, — успокаиваю я ее. — Я даже смогу читать Хелен Ойейеми. Обещаю.

Кончик ручки Уайатт отбивает короткую дробь по краю стола. Я со щелчком открываю газировку и делаю маленький глоток; газировка с тропическим вкусом синтетического апельсина с шипением взрывается на моем языке. По вкусу как формальдегид.

— Очень хорошо, — наконец произносит Уайатт.

Я не ощущала, насколько была напряжена, пока она не сказала это — и сейчас я чувствую, как мое тело расслабляется в кресле и опускаются прижатые к ушам плечи.

Прежде я никогда не была слабой и испуганной. Я не привыкла чего-либо бояться.

— Разумеется, твоя дипломная работа должна быть более конкретной. На какой вопрос ты попытаешься ответить в этой работе?

— На тот же самый. — Сейчас уже проще. Подготовленная заранее речь срывается с моих губ. — Женоненавистничество и характеристики женской эмоциональности в литературе ужаса. Тема будет описана сквозь объектив интеллектуальной истории. Как эти произведения соотносились с социальными нормами и нравами своего времени? Как на них повлияли ведущие к изменениям исторические события и литература? И как, в свою очередь, они сами влияли на историю и литературу?

— Как менялось восприятие женских эмоций на протяжении всей истории, — переводит Уайатт.

— Как это видели писатели жанра ужасов в то время.

Я получаю поощрение в виде одной из редких улыбок Уайатт. Она снимает колпачок с ручки и подписывает мою заявку на тему, а затем возвращает листок мне и говорит:

— С большим нетерпением жду, когда смогу прочитать вашу работу, мисс Морроу.

Когда я покидаю офис Уайатт, то начинаю задаваться вопросом, не сделала ли я ошибку. Если читать о ведьмах было глупо, то читать о призраках, безусловно, еще глупее. С тех пор как я вернулась сюда, я чувствовала присутствие Алекс. И сколько бы я ни говорила себе, что призраков не существует, мой страх не ослабевает.

От солнечного света у меня кружится голова, тепло пощипывает кожу и распространяется лихорадкой по телу. Теряя равновесие, я хватаюсь за поручень и остаюсь стоять у подножия лестницы. Ученицы обходят меня, словно вода обтекает камень, не замечая.

Я знала, что после смерти Алекс возвращение в Дэллоуэй будет трудным. Но я не ожидала, что почувствую запах ее духов, оставшийся на кресле в Годвин-хаус, или холодок, пробегающий по спине, когда я прохожу мимо ее бывшей комнаты.

Я не ожидала, что почувствую себя настолько... *потерянной*.

Я так и слышу голос доктора Ортеги, настаивающий на том, что мне ни в коем случае не стоит прерывать лечение. Что я не готова, что я абсолютно, в том числе и физически, *нездоровая*. Она сказала бы мне, что все пройдет, если я буду хорошей, послушной девочкой и проглочу все, чем они меня пичкают.

Все эти старые призраки поблекли бы и умерли при дневном свете — если бы я просто делала то, что мне сказали.

Но я устала быть хорошей девочкой. Я устала подчиняться.

Мне не нужна нянька. И определенно не нужна женщина, которая благодаря степени в медицине смогла получить теплое местечко в дорогой частной клинике и которая говорит мне: *«Это будет трудно»* и *«Это была не твоя вина»*.

Не кажется, что кто-то еще согласен с моим решением. Уайатт обращается со мной очень мягко, как и остальные.

Иногда мне становится интересно: что будет, если я просто перестану с ними взаимодействовать.

Когда я возвращаюсь, в вестибюле Годвин-хаус оказывается Леони. Она вздрагивает, когда я пинком захлопываю дверь; она ждала меня.

— Привет, — говорит она.

— Привет.

— Как прошел первый день занятий?

— Прекрасно. — Не знаю, почему она заговорила со мной. Незнание рождает подозрительность.

— Мы готовим ужин на кухне. Если ты хочешь... — Кажется, она не может подобрать слова, чтобы закончить предложение, поэтому просто таращится на меня большими карими глазами.

Мне хочется оставить ее здесь, такой неловкой и неуверенной. Это было бы чем-то вроде дружеской мести — расплатой за ту ужасную ночь в комнате отдыха, за невидимую стену, которой эти четверо отгородились от меня.

Но я не позволю им сделать меня такой, поэтому уступаю.

— Конечно я помогу.

Я точно знаю, что эта идея — не Леони. Все придумала Эллис. Это единственное объяснение, единственная причина, по которой любая из них согласилась бы долго терпеть мое присутствие без особой необходимости. Но, когда я вхожу в кухню, они все там — острые локти, забрызганные бульоном кулинарные книги и деревянные ложки, стучащие по столешницам, — и Каджал передает мне клетчатый фартук. Сейчас мне легко находиться среди них.

— Мы готовим равиоли с грибами и бальзамическим соусом, — говорит Клара, головой указывая на деревянную корзину с грибами шиитаке рядом с собой. Она уже нарезала примерно полфунта, испачкав разделочную доску землей.

— Я не очень хорошо готовлю, — признаюсь я.

Эллис поднимает на меня взгляд, стоя на углу кухонного островка; стальная спагетница прикреплена сбоку стола. Вдоль щеки Эллис тянется полоска муки.

— Мы все тоже. Но нам нужен кто-нибудь на лепку равиоли, если ты считаешь, что справишься.

Я справлюсь.

В кухне возобновляется разговор, будто они снова ставят иглу на виниловую пластинку и продолжают с того места, где прервалась мелодия.

— Не могу поверить, что я в этом году у Линдквист, — стонет Клара из своего места в углу. В кухне слишком много девушек и слишком мало дел, поэтому, закончив с грибами, Клара раскрывает на коленях свои книги и вертит в руках авторучку. — Она меня ненавидит.

— Ты же в прошлом году была у Янг? — спрашивает Каджал.

— Да. А теперь меня безжалостно вышвырнули.

— Янг консультирует только первый и второй курс, — поясню я, прищипывая край ravioli. — Линдквист, МакДональд и Уайатт консультируют всех.

— Я знаю, — вздыхает Клара, — но я надеялась, что она сделает исключение.

Так похоже на разговоры, что мы обычно вели в Годвин-хаус до моего ухода. Хотя наши, наверное, были более злыми; мы создали некий рейтинг преподавателей английского языка школы Дэллоуэй, учитывающий такие показатели, как неговорчивость, интеллект, подозрительность к различным оправданиям задержки работ и вероятность смерти от старости до конца семестра. Линдквист была в начале нашего списка, МакДональд — в конце (хотя, если честно, не в ее пользу был тот факт, что она жила в Годвин-хаус и точно знала, что наши эссе запаздывали потому, что мы всю ночь развлекались на вечеринке, а не из-за того, что наша третья бабушка умерла).

— А ты у кого? — встретив мой взгляд и несмело улыбнувшись, спрашивает Леони. Я улыбаюсь в ответ, хотя все еще подозреваю, что она благожелательна по приказу Эллис.

— Уайатт.

— Каджал тоже у Уайатт, — говорит Леони, указывая на Каджал, которая тонким ножом крошит очередной зубчик чеснока и не смотрит на нас.

Я не привыкла чувствовать себя неуверенно на людях. В первый год в Дэллоуэе — год перед тем, как все полетело к черту вместе с Алекс, перед тем восхождением и его результатом, моим уходом с занятий — меня любили. Ну, если не любили, то по меньшей мере *завидовали*: моя мать каждый месяц переводила мне огромные суммы и не интересовалась, как я их трачу, поэтому я транжирила всё на сшитые на заказ платья, прически и воскресные поездки в город с подругами из Годвина. И хотя я была не самой богатой девушкой в Дэллоуэе, мой подход к трате денег дал мне определенный иммунитет в разрезе социальных ошибок. У всех бывают неловкие моменты; мне прощали мои.

«По крайней мере мне не пришлось покупать себе друзей», — сказала Алекс в ночь своей смерти, с пылающими от ярости щеками; и даже тогда я знала, что она права.

Но покупать дружбу Эллис или ее шайки у меня нет никакого желания. Сейчас мне трудно заботиться о социальной иерархии.

Алекс бы гордилась.

— О чем твоя дипломная? — спрашиваю я у Каджал, потому что больше не считаю притворное безразличие доказательством превосходства, и она поднимает глаза — кажется, удивлена, что я все еще с ней разговариваю.

— Женщины — мыслители и философы эпохи Просвещения, — говорит Каджал. — *Салонная литература*. Маколей, д'Эпине, де Гуж, Уоллстонкрафт...

— Мэри Эстел? «Серьезное предложение»*?

— Разумеется. — Каджал заметно расслабляется; она нарезает чеснок быстрыми, четкими движениями. — На мой взгляд, она чересчур религиозна, но думаю, в то время это было неизбежно.

— Хотя этот достаточно картезианский подход** породил ее концепцию добродетельной дружбы, — говорю я, — поэтому не нужно слишком сильно осуждать ее.

Каджал пожимает плечами.

— Именно так, — Эллис вмешивается в разговор, — как сказала сама Эстел, «было бы хорошо, если бы мы могли заглянуть в глубину души любимого человека, чтобы обнаружить, как она похожа на нашу собственную».

Мой взгляд ловит легкую улыбку, тронувшую уголки губ Эллис, — на какой-то миг ее взгляд сталкивается с моим, и она вновь принимается за тесто.

— Мне нравится леди Мэри Чадли***, — из угла сообщает Клара; на ее щеке темнеет чернильное пятно.

— Хмм, — говорит Эллис. — Я всегда находила Чадли не очень оригинальной.

Бледное лицо Клары становится пунцовым, она бормочет:

— О. Ну, я имела в виду... да, она явно находилась под влиянием Эстел, поэтому...

* «Серьезное предложение дамам» — труд английской писательницы Мэри Эстел (1666–1731), отражающий новый взгляд на женское образование и вопросы необходимости брака.

** Картезианство — направление в истории философии, для которого характерны скептицизм и рационализм.

*** Мэри Чадли (1656–1710) — английская поэтесса, поднимавшая в своем творчестве преимущественно темы человеческих отношений и феминизма.

Эллис молчит, и Клара краснеет еще сильнее. Я не очень понимаю, почему ее так расстраивает возможность неодобрения со стороны Эллис, но опять же я и не претендую на то, чтобы понять тот культ личности, который создали новые члены Годвин-хаус в отношении Эллис.

— Я полагаю, Чадли сама это признавала, — говорю я, слепив очередную порцию равиоли и опуская ее в миску. — Клара, ты могла бы загуглить это с помощью своего телефона.

Саркастический взгляд Клары в мою сторону прожжет бы даже сталь.

— У меня нет *телефона*.

— Ни у кого из нас нет, — добавляет Леони. — Технологии так отвлекают. Я слышала, что сейчас люди разучились быть внимательными, потому что все читают онлайн.

Я поворачиваюсь к Эллис, но она отошла к раковине и начала мыть посуду. Без сомнения, это она так развлекается.

Я заканчиваю лепить равиоли и вытираю испачканные мукой руки о фартук. Не то чтобы я сильно была привязана к своему телефону, но... все же не могу представить, как обходиться совсем без него. В соцсетях я не слишком активна, но мне *действительно* нравится слушать музыку во время пробежки. Мы с Алекс постоянно писали друг другу, прятали телефоны под партой или между книгами: «*Этот урок никогда не кончится*» и «*Идем в горы в этот уик-энд?*» и «*Причешься — ты похожа на ежика*».

Может быть, без этого всего жить намного проще.

Мы едим в столовой, стол из красного дерева покрыт белой скатертью, горящие свечи возвышаются среди обилия потрескавшейся посуды. В этот раз я тоже говорю немного,

но в отличие от первой ночи в комнате отдыха я не чувствую себя изгоем. Я здесь, за столом вместе со всеми, сижу между Леони и Кларой, воду мне налили из той же бутылки, что и им. Серые глаза Эллис встречаются с моими, когда Каджал вслух вспоминает, как быстро Эллис покинула вечеринку в Болейн. Мимолетная улыбка — и она отводит взгляд.

МакДональд с нами нет. В прошлом году она была бы. Интересно, это больше из-за Эллис или из-за меня?

— Идем? — говорит Эллис, когда мы все заканчиваем ужинать.

Она ведет нас в комнату отдыха. Там Каджал достает с полки тонкую книжку стихов в зеленом кожаном переплете, а сама Эллис извлекает из низкого шкафчика хрустальный графин с бурбоном и со звоном ставит его на кофейный столик.

— Что это? — Леони поднимает брови.

— Бурбон. Castle and Key. — говорит Эллис, выставляя пять стаканов в ряд на краю стола. — Самая первая бочка. Моя сестра купила его для меня, когда прошлой зимой ездила на винокурню; новые владельцы проделали фантастическую работу по восстановлению производства Old Tailor.

Я не имею представления, как истолковать слова, слетевшие с губ Эллис. Но она обсуждает бурбон так, будто знает, о чем говорит, ее протяжный южный акцент звучит спокойно и уверенно, словно она такой же большой эксперт в области виски, как и в сфере литературы.

Она смотрит на меня:

— Тебе нравится «Олд Фэшн», Фелисити? — Держа в руке маленькую коричневую бутылочку, Эллис пипеткой наливает в каждый стакан темную жидкость.

— Что такое «Олд Фэшн»? Звучит как-то... старомодно*.

Эллис смеется:

— О, тебе очень понравится. Садись.

— Эллис кайфует от виски, — сообщает мне Каджал, поднимая безупречные брови. Она произносит это так, словно провела с Эллис достаточно времени, чтобы узнать все о ней и ее *кайфе*. — Говорят, что герой ее новой книги любит виски. Это значит, что Эллис должна любить виски.

— Как можно понять внутренний мир персонажа, если не разделять его жизненный опыт? — насмешливо произносит Эллис. В одной руке у нее нож, в другой — апельсин, из-под лезвия вылетает лента кожуры. — Если вы просто придумали ваше произведение, не пережив его, — читатель это почувствует.

— Значит, актерский подход, — подытоживаю я.

В ответ получаю язвительную усмешку.

— Точно. *Писательский* подход. — Эллис сжимает кожуру над ближайшим к ней напитком; стакан наполняется легким туманом.

— Однажды Эллис две недели спала на улице зимой в Канаде и покупала героин у дальнбойщика в придорожном туалете, — говорит Клара.

Мне очень трудно в это поверить. То, что Эллис Хейли выдает за интересные истории, можно прочитать в любом литературном журнале — преувеличенно-драматичные для пущего эффекта; ни один родитель не позволил бы своему ребенку-старшекласснику совершить что-либо подобное.

Но Эллис этого не отрицает.

Потому что этого не было?

* Игра слов: с английского языка название коктейля «Олд Фэшн» переводится как «старомодный».

Или потому что было?

Эллис доделывает коктейли и раздает нам. Хрустальный стакан тяжело лежит в моей ладони. Эллис, устроившись на подлокотнике дивана, открывает книжку стихов и начинает читать из Сент-Винсент Миллей: *«Смерть, мое сердце склонилось пред Вами! О, мама!..»*

Я поднимаю стакан и делаю глоток. «Олд Фэшн» оказывается на удивление горьким, крепость виски разбавлена чем-то дымным. Сладость проявляется лишь в послевкусии. Я не уверена, что мне это нравится.

Судя по выражению лиц других девушек, я не одинока.
— *«Это красное платье — для тебя стало саваном».* —

Эллис передает книжку Леони, которая листает ее свободной рукой и выбирает другое стихотворение. Мы перемещаемся по комнате, каждая читает что-нибудь на выбор; когда приходит моя очередь, я выбираю Дикинсон. Судя по взгляду, который из-под густых ресниц бросает в мою сторону Эллис, думаю, она и меня считает незатейливой, как Мэри Чадли.

Мы передаем книгу по кругу шесть раз, и когда все уже устают от поэзии, Эллис варит кофе и вовлекает нас в оживленный спор о рекурсивной женской природе рождения и смерти. Леони и Клара у открытого окна передают друг другу сигарету, ночной ветерок играет каштановыми волосами Клары, а Леони подсовывает ноги в носках под ее бедро. Каджал спит на диване, закрыв лицо книгой «Дорогая жизнь». Эллис читает в кресле, зубами она покусывает нижнюю губу, пока та не становится ярко-красной. Я возвращаюсь наверх, в молчаливый сумрак своей комнаты. Но теперь затененные углы не таят в себе угрозы.

Я вытягиваю карту: Рыцарь Кубков. Моя комната пахнет духами Алекс.

Среди книг на полке спрятаны все письма, что она мне адресовала, записки, переданные на уроке, открытки, присланные по почте из тех невыносимых походов, в которые она отправлялась с матерью. Я прикалываю одну из открыток к стене возле зеркала. Подпись подруги — большая затайливая «А», острые согласные — бросается мне в глаза.

Алекс мертва. И, может быть, ее дух сейчас здесь, бродит по кривым коридорам Годвин-хаус. Я оборачиваюсь к пустой комнате и говорю:

— Я тебя не боюсь.

ГЛАВА 6

Когда занятия идут полным ходом, легче забыть, что меня преследуют призраки.

В течение следующих двух недель поэтически-экзистенциальные сеансы Годвин-хаус перемещаются с будничных ночей на выходные, потому что внимание наше переключается с мертвых поэтов и лирики на домашние задания и сроки их выполнения. Не раз я застаю Леони сидящей на полу в кухне и читающей то, что задали, когда на плите позади нее кипит забытый обед. Мой список для чтения становится все длиннее; женских книг в жанре ужасов бесчисленное количество, и в течение семестра почти нет времени, чтобы все это читать.

Я нахожу первое издание книги Ширли Джексон «Призрак дома на холме» у букиниста и сразу выясняю, что в Годвин-хаус эту книгу читать невозможно. Здесь негде сесть, чтобы не повернуться при этом спиной к окну либо двери; едва осилив полстраницы, я оглядываюсь через плечо, почти готовая обнаружить гротескную безликую фигуру, смотрящую на меня из темных углов. Поэтому я много читаю на улице, днем, бросив вязаное одеяло

на траву во дворе, поставив рядом с собой термос с чаем, — все это поглощает темноту и ужас, как и яркий солнечный свет, обжигающий мой затылок.

Двор служит превосходной позицией для наблюдения за полным циклом дневных занятий в школе Дэллоуэй. Я смотрю, как стажерки-инженеры, опустив головы, бегут по тротуарам с чертежами в руках; как художницы бродят по траве, оставляя за собой аромат пачули; спеша на очередное совещание, учителя бросают взгляд на наручные часы, которые стоят половину их зарплаты. Однажды я даже замечаю Клару, которая возвращается из библиотеки в Дэллоуэй, держа книгу перед глазами. Блуждая мыслями где-то далеко, она, кажется, не замечает, что другие ученицы вынуждены оглядывать ее.

Эллис покидает Годвин-хаус лишь однажды, несмотря на то, что сегодня уже пятница. Может быть, Эллис Хейли не обязательно посещать занятия. Я вижу, как она, в брючном костюме, низко опустив голову, пересекает двор и входит в административное здание. Она остается там минут двадцать, а затем я могу продолжить шпионить за ней снаружи. На этот раз ее руки заняты охапкой бумаг. Я громко окликаю ее по имени; она поднимает глаза на меня, а затем отворачивается и идет дальше, словно меня и не было.

Ну и ладно. Я не ее подруга. Я, должно быть, сделала нечто, ее задевшее: использование мобильного телефона, вероятно, довольно серьезный повод навсегда изгнать меня из компании.

Когда в сумерках я возвращаюсь в Годвин, Эллис сидит на полу, скрестив ноги, перед ней на ковре циферблатом вниз лежат старинные часы, их внутренности разбросаны вокруг, как шrapнель.

— Все сложнее, чем кажется, — говорит она, указывая на часы отверткой.

— Я бы лучше вызвала специалиста.

Она пожимает плечами.

— Это неинтересно. И я нашла в библиотеке вот это, так что... — На ее колене лежит книга, открытая на странице со схемами. — Если соображу, как сделать, наверное, вставлю это в свой роман.

Столько трудов для сцены, которая, возможно, не будет реализована. И, опять же, подозреваю, что желание отложить работу на потом — особенность универсальная. И даже великая Эллис Хейли подвержена этой заразе.

Я оставляю Эллис там и ухожу наверх. До завтра мне нужно написать эссе для Уайатт; я погружаюсь в работу и не реагирую, когда МакДональд зовет меня ужинать, включаю настольную лампу, когда солнце окончательно соскальзывает за горизонт. Я дописываю седьмую страницу, выключаю ноутбук, упираюсь пальцами ног в стену, выпрямляю спину и вытягиваю руки над головой, и тут раздается стук в дверь.

Я думаю, что это МакДональд принесла остатки ужина, но, когда я разрешаю войти, вместо нее входит Эллис с кружкой кофе в руках.

— Я решила, что тебе не помешает подкрепиться, — говорит она.

Кофе — это последнее, что мне нужно в одиннадцать вечера, когда на следующий день с самого утра необходимо идти на уроки. Я собираюсь сказать это Эллис, но она подвигает кружку, и я заглядываю внутрь.

— Это не кофе, — говорю я.

— Это ромашка, — отвечает Эллис. — Немного лимонного сока и пол чайной ложки меда. Ты такое пьешь, верно?

Я даже не подозревала, что она заметит, какой чай я пью или что любой мой прием пищи начинается именно с него.

И вот она стоит, заложив руки за спину, а чай исходит паром рядом с горшком с эхеверией. Я поднимаю брови, беру кружку и делаю глоток.

Боже, она даже угадала с температурой.

— Классно.

— Я знаю.

Именно такие вещи заставляют меня сомневаться в том, кем же я являюсь для Эллис Хейли. Я не понимаю, как ей удалось сегодня во дворе выглядеть абсолютно равнодушной ко мне, ведь внутри неровных стен Годвин-хаус появляется ощущение, что мы знаем друг друга уже несколько месяцев. Я прихожу к выводу, что это раздвоение личности: знаменитая писательница Эллис Хейли, вундеркинд, чье лицо украшало обложку журнала «Тайм», и Эллис — ученица частной школы, которая до винтика разбирает антикварные часы и пробует новые коктейли с подругами, которая заявляется в фойе Годвина потная, с пылающими щеками после тренировки по фехтованию, с ножнами, перекинутыми через плечо и с заклеенной пластырем бровью, этакая раненая Афина.

Похоже, она предлагает мир, поэтому, чуть помедлив, я говорю:

— Как продвигается работа над книгой?

Она морщится.

— Так себе. Я подумываю о том, что писать про убийство было не лучшей идеей, принимая во внимание...

— Принимая во внимание, что ты не можешь убить кого-нибудь, чтобы посмотреть, как это происходит.

— Точно, — вздыхает Эллис. — Конечно, история не про убийство как таковое, это лишь набросок особенностей персонажа, но уверена, что, когда книга выйдет, я услышу всевозможные жалобы от убийц по поводу моего недостаточно четкого представления об их времяпрепровождении.

Ее взгляд тверд, и в глазах или в изгибе губ нет ничего, что подразумевало бы иной смысл в ее словах. Но внезапно я ощущаю, будто она хватается нити, связывающие меня, и туго натягивает их, почти до разрыва.

— Я думаю, ты могла бы почитать мемуары, — предлагаю я, нарушая тишину.

Эллис смеется, и это совсем не та реакция, которую я ждала от девушки, относящейся к своим писательским привычкам — если верить Ханне Стрэтфорд — так серьезно, что она намеренно добивалась ареста в маленьком городке Миссисипи, чтобы просто посмотреть, как это происходит.

— Да, полагаю, что могла бы. Что посоветуешь?

Вопрос совсем не невинный. Эллис — писательница; она умеет выбирать слова. Она на что-то намекает. Она намекает на виновность.

Мой ответ звучит напряженно и неестественно:

— Боюсь, я не настолько хорошо разбираюсь в мемуарах убийц.

— Но твоя курсовая посвящена ведьмам Дэллоуэя, — говорит она. — Наверняка ты знаешь многое, в частности об этих убийствах. Ты и представить не можешь масштаб исследования, которое я собираюсь проделать, чтобы как можно точнее воссоздать на бумаге жизнь и смерть тех девушек.

Мой желудок превращается в камень. Я застываю, не донеся чай до губ, все оправдания замирают на языке...

Дело вовсе не в моих извинениях. Как бы я смогла объяснить, почему мое прошлое кажется мне переплетенным с их прошлым? Ту черную магию, что кусает меня за пятки, как бы быстро я ни бежала?

Она знает.

Она не может знать.

Но Эллис уже не смотрит на меня, она внимательно разглядывает полки с книгами.

— Это что такое?

Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть. Какое-то мгновение мне кажется, что она указывает на открытку Алекс — но нет, она ниже.

— Карты таро.

Я перестала убирать их в тайник.

— Таро?

— С их помощью я читаю будущее. Гипотетически.

Темная бровь Эллис ползет вверх.

— Ты экстрасенс, Фелисити Морроу?

— Нет. Но в любом случае с ними забавно. На самом деле я не верю в... это все.

Впервые слова оставляют привкус фальши на моем языке. Может, потому, что даже воздух в комнате стал тяжелее с тех пор, когда вошла Эллис. По моей шее пробегают мурашки. Я ерзаю на стуле, и он — балансирующий на трех ножках на неровном полу — качается.

Эллис берет колоду и перебирает карты, останавливаясь на Смерти. Все так делают.

— Ты можешь прочесть мое будущее? — неожиданно спрашивает она.

— Прямо сейчас?

— Если только ты не хочешь дождаться ведьминогo часа*.

* В фольклоре ведьмин час — это ночное время, связанное со сверхъестественными событиями, когда считается, что нечисть проявляет наибольшую силу. По разным данным ведьминым часом считается час сразу после полуночи или время между тремя и четырьмя часами утра.

Двусмысленность сказанного заставляет меня вздрогнуть. Тем не менее какая-то часть меня хочет сказать «да», просто эстетики ради. Другая же часть хочет категорически отказаться — потому что это похоже на ход в шахматной партии, на игру, в которой я не знаю правил.

Но мое «нет» может повлиять на подозрения Эллис. Это покажет ей, что меня можно напугать.

Я поднимаюсь со стула, и мы устраиваемся на кровати, Эллис передает мне колоду, я тасую ее. Эллис откидывается на подушки, опираясь локтем на матрас, черные волосы рассыпаются по одеялу.

— Я закурю, ты не возражаешь?

Конечно я возражаю. Но почему-то отрицательно качаю головой — и она вытаскивает серебряный портсигар из кармана жакета. На моем подоконнике рядом с расставленными свечами лежит коробок спичек; она берет его без спроса, закуривает сигарету и машет спичкой, чтобы погасить пламя. В воздухе повисает запах красного фосфора.

— Тебе нужно подумать о вопросе, который хочешь задать картам. — Я опять разделяю колоду, перетасовываю.

— Я должна рассказать тебе, что это за вопрос?

— Да, это поможет мне истолковать значение карт.

— Хорошо. Спроси их о нас. О тебе и обо мне. — Ее губы дрогнули. — Мы будем подругами?

Я сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, но она кажется серьезной, поэтому я прикусываю щеку и вытаскиваю три карты.

— Посмотрим. «Мы будем подругами?» Первая карта — это ты. — Я стучу по рубашке этой карты. — Вторая — это я. Третья карта — мы вместе.

Эллис выпрямляется, скрещивает ноги и, как ребенок в школе, кладет руки на колени.

— Я готова.

Я переворачиваю первую карту. На ней — женщина верхом на жеребце, с поднятым мечом, волосы развеваются за ее спиной, как знамя.

— Рыцарь Мечей, — говорю я. — Ты — вот это сюрприз — честолюбива и с высокой мотивацией. Ты знаешь, чего хочешь, и добиваешься этого любой ценой. Это может быть хорошо, конечно, но есть и обратная сторона: ты также бываешь импульсивной и безрассудной, больше сосредоточенной на своей цели, чем на связанных с ней рисках.

Она кивает с легкой улыбкой — и я понимаю, что она весьма довольна собой.

Переворачиваю следующую карту.

— Отшельник. Это я. — В плаще и с посохом, рука протянута, чтобы взять фонарь. Свет прорезает темноту вокруг меня, на моей ладони — звезда. — Мне нужно быть готовой к долгому процессу самопознания и самоанализа. Не все будет понятно сразу; я смогу видеть лишь на несколько шагов вперед. Мне следует доверять себе и собственной интуиции.

Я снова поворачиваю голову к Эллис. Она слегка наклонилась вперед, оперлась локтями на колени и теперь неотрывно смотрит на таро: пару бледных лиц Отшельника и Рыцаря и украшенную цветочным орнаментом рубашку третьей карты, лежащей лицом вниз.

— А последняя? Где мы вместе?

Я переворачиваю ее. Это та же карта, что так завороживала Эллис, когда она впервые увидела колоду.

Смерть скачет верхом на бледном коне, от лезвия косы отражается свет заходящего солнца. От ее взмаха погибают и крестьяне, и королевы. За спиной Смерти расцветает белая роза.

— Кажется, это не слишком хорошо, — сухо замечает Эллис.

— Карта смерти не так пагубна, как ты, наверное, считаешь, — говорю я ей, проводя кончиками пальцев по шершавой поверхности карты. — Она может означать изменения или какой-нибудь переворот. Что-то жизненно важное подойдет к концу. Но... — Я прикасаюсь к розе с пятью лепестками. — На этом месте вырастет что-то новое.

Когда наши глаза вновь встречаются, я замечаю на лице Эллис странное выражение. Маска треснула, нечто, когда-то спрятанное, проступает сквозь лакированный фасад.

Эллис берет карты в руки и просматривает их, одну за другой. На последней она вновь задерживается, проводя большим пальцем по лицу Смерти.

— Ты ей тоже раскладывала карты?

Я медлю, решая, не притвориться ли, что не понимаю, о чем она говорит. Но я понимаю, и Эллис это знает. Становится даже легче от того, что она наконец-то перешла к делу после таких долгих пируэтов.

— Да. Пару раз.

— Ты когда-нибудь вытаскивала Смерть?

Я облизываю пересохшие губы; внезапно все внутри меня становится хрупким, как выщелоченная глина.

— Нет. Никогда.

Она возвращает мне карты, я смешиваю их с остальными и запикиваю колоду в коробку, чтобы больше не видеть ее.

Эллис ни разу не назвала имени Алекс, но, несмотря на это, ее присутствие, словно запах духов, витает в воздухе между нами.

И даже когда Эллис уходит, этот тошнотворный запах остается. Я не могу избавиться от подозрения, что лишь

из-за этой истории она со мной и разговаривает. Эллис единственная из них, кто это сделал, — пошел за мной после вечеринки в Болейн. Однако это было две недели назад. С тех пор она игнорировала меня, по крайней мере пока не последила сегодня и не заставила гадать. Что изменилось?

Очень легко представить, как Клара снова нашептывает Эллис полуистлевшие рассказы о пропавших девушках и пустынных горных кручах и о том, как Фелисити Морроу утверждала, что это был несчастный случай, но очевидцев, чтобы подтвердить ее слова, не было.

Быть может, Эллис в Дэллоуэе интересуют все же не старые убийства. Возможно, это я. Я — ключ к пониманию, имеющий тот *жизненный опыт*, который она жаждет использовать в своей книге.

Я смотрю на свои ладони. Интересно, видит ли Эллис, что мои руки залиты красным?

Отсутствие Эллис разорвало все привязи, удерживавшие тени на расстоянии. Ночь опустилась несколько часов назад, но кажется, только сейчас темнота начинает выползать из углов и угрожает поглотить весь дом.

Я долго лежу в постели с зажмуренными глазами и бешено колотящимся сердцем. Мое сознание никак не успокоится — мечется от одного образа к другому, словно меня заставляют смотреть отвратительный фильм. Я вижу кишасшие личинками кости, гниющие в безымянных могилах; плавающее в озере раздутое тело Корделии Дарлинг с волосами, кровавым нимбом окружающими лицо; призрачную фигуру с тусклыми глазами и костлявыми пальцами. Из темноты выступает лицо Эллис, бледная маска, которая трескается, обнажая осунувшиеся черты трупа Марджери Лемонт. Рот Марджери открывается широко, еще шире, зияет пропастью, а язык, словно черная змея, распухает между зубами...

Я включаю ночник. Его тусклого света едва хватает, чтобы осветить этот угол кровати. За его пределами в невидимом пространстве может скрываться все что угодно.

Я зажигаю свечи на всех подоконниках, пока мрак не рассеивается, и заползаю обратно в кровать, с картами таро, прижатыми к груди. Я не гадаю, просто мне лучше, когда они рядом со мной. Как жаль, что вместо них я не держу свои кристаллы, черный обсидиан и крестовик, у самого сердца, их сила подобна золотой сфере вокруг меня, которую не мог разрушить ни один дух.

Я не могу этого сделать. Я знаю, что не могу. Магия для меня опасна. Возможно, кто-то способен забавляться с ней, но не я...

Боже. Только на прошлой неделе раз за разом я прокручивала в своей голове мысль, что *магии не существует*. Но она есть; я знаю наверняка. И вопрос даже не в том, реальна ли она. А в том, смогу ли я прикоснуться к ней и не быть испепеленной ею.

Я крепче сжимаю колоду таро, закрываю глаза и думаю про свет во тьме, я прочно стою на уготованном мне пути, защищенная не магией, но собственной волей. *«Твой разум силен, Фелисити, — сказала доктор Ортега. — Ты можешь вызывать ужасные сущности. Но у тебя есть способность изгонять их»*.

Вот только пока я лежу в своем убежище, натянув одеяло на голову, ветка дерева упорно царапает окно, словно костяные пальцы скребутся в поисках входа, и я уверена как никогда, что даже лампы Отшельника недостаточно, чтобы удержат призраков в их могилах.

В этот день из анонимных источников поступила жалоба, согласно которой упомянутые дочери подозреваются в гнусном убийстве некоей Флоры Грейфрайар нечестивым способом, суд требует ареста Марджери Лемонт, Корделии Дарлинг, Беатрикс Уокер и Тамсин Пенхалигон из школы Дэллоуэй, чтобы предстали они перед нами и говорили правду перед Богом и Правосудием, дабы противостоять серьезному ущербу и разрушениям, нанесенным руками дьявола.

*Провинция Нью-Йорк, 1712 год от Рождества Христова;
Материалы суда Гудзона, том 32, док. № 987*

Неужели нет выхода за пределы разума?

Сильвия Плат, «Опасения»

ГЛАВА 7

Мы с Алекс полюбили друг друга, пройдя череду бед.

Во время первого семестра в Дэллоуэе я жила в Фаркуар-хаус в одной комнате с тощей, беспокойной девушкой по имени Тереза. У нее была скверная привычка ковыряться в голове и съесть то, что наскребла.

Желая держаться от Терезы подальше, я либо проводила больше времени в общей комнате Фаркуар, либо делала вид, что я из других домов. Там я пряталась в общих комнатах, вела дружбу с домоправительницами и пила тамошний чай.

Я познакомилась с Алекс в десять минут первого ночи в общей комнате Лемонт-хаус. Обычно к этому времени я с большой неохотой уже возвращалась в Фаркуар (к Терезиной перхоти), но предупреждение о буре заставило меня остаться. Нам говорили укрываться в доме, пока опасность не минует.

— Может быть, тебе лучше идти к себе? — сказала она, стоя в дверях. Она была одета во флисовую куртку и походные штаны, на ногах были уютные шерстяные тапочки, пользовавшиеся популярностью несколько лет, несмотря на их уродский вид.

— Снег все еще идет.

— Уверена, ты видела снег и раньше.

— Ммм, — выдавила я, гоняя в голове навязчивую мысль, что *меня достал разговор с этой девушкой.*

А вот ей, очевидно, было не в тягость болтать со мной. Алекс прошла в комнату и встала перед моим креслом, скрестив руки на груди. Я не пыталась делать вид, что не замечаю ее. Напротив, не сводила с нее глаз.

Прелестна. Может быть, ее слишком квадратные скулы, очень широко расставленные глаза, вечно всклокоченные рыжие волосы, неряшливо забранные в косу, и не делали ее королевой красоты, но бьющая из нее ключом энергия захватывала дыхание.

С первого дня я хотела ее.

В первый раз нам пришлось провести всю ночь, тесно прижавшись друг к другу на диване и поддерживая огонь в камине, потому что как только Алекс заговорила о падении нравственных устоев, отключили электричество.

Трудно удерживать к кому-то неприязнь, когда вы проводите вместе восемь часов в темноте. Алекс могла бы пойти спать. Я бы на ее месте пошла. Но она осталась, укутавшись в плед, и выяснилось, что мы обе любим Дафну Дюморье и Маргарет Этвуд, в одинаковой степени терпеть не можем заносчивых студенток естественнонаучных специальностей. А самое главное — мы обе были полны решимости попасть в Годвин-хаус.

Секретничать по ночам, чтобы стать подругами, было недостаточно. Я почти не видела ее после того случая, но лишь до того момента, как сломала руку в декабре. Мы встретились с Алекс в приемном отделении скорой помощи. Она лежала на каталке и корчилась от боли, покрываясь потом, как позже выяснилось, от приступа

аппендицита. Алекс каким-то образом заметила меня и подозвала в основном для того, чтобы я придерживала ей волосы сзади, пока ее тошнило.

Я осталась с ней после того, как мою руку забинтовали. Ее мать — охваченная паникой, суматошно размахивающая руками, подобно дикой птице, женщина — появилась до того, как Алекс повезли в операционную. Мне удалось усадить госпожу Хейвуд на стул и успокоить. Я гладила ее по голове, как ребенка, пока Алекс корчилась на койке.

Я помню, как мисс Хейвуд меня очаровала: она плакала и говорила такие теплые слова, что Алекс, даже будучи в плохом состоянии, расцвела в ее присутствии. Мисс Хейвуд по-матерински прижалась губами к виску дочери.

— Я так рада, что у нее есть ты, — произнесла мисс Хейвуд, вытирая рукой мокрые щеки.

— Алекс рассказала мне, какие отвратительные все девушки из Дэллоуэя. Но ты... ты такая милая. Прекрасный друг!

Оказалось, что Алекс — одна из трех девушек на нашем курсе, кто получает полную стипендию. Мисс Хейвуд растила дочь как мать-одиночка и работала на двух работах. Алекс училась в государственной общеобразовательной, а не в частной школе. В результате этого Алекс была изгоем в каждой социальной группе кампуса.

Конечно, сейчас ситуация изменилась. Но тогда полшколы вызывало у меня неприязнь, когда я видела, что их интерес ко мне зависел от того, знают они имя моей матери или нет.

Алекс, я была совершенно уверена, понятия не имела, кто такая Сесилия Морроу, и меня это устраивало.

Мы с Алекс сдружились. Две противоположности: одна — бунтарка, другая — наследница из благородной семьи. Нельзя было не любить эту девушку за ее особое очарование.

Мы впервые поцеловались на вечеринке, устроенной на крыше, на которую отправились в пятницу вечером. То место было всего в часе езды отсюда. Имея при себе кредитку матери, чтобы купить алкоголь в баре, я надеялась, что она никогда не посещала его — мне бы не хотелось слышать истории об этом и испытывать неловкость.

Крыша была украшена зеленью и иллюминацией, мерцание которой отражалось в бассейне напротив бара. Нам было всего лишь по шестнадцать, но это не сыграло роли — никто даже не взглянул на наши фальшивые пропуска. Со смоки-айс, красными губами и на каблуках мы вполне выглядели на двадцать три.

Алекс была в ярко-лиловом платье, и ее убранные на затылке в пучок волосы обнажали спину, вдоль которой висела изящная цепочка с мерцающим гранатом. Я знала, что камень поддельный. Но в этом необычном, теплом свете все казалось настоящим.

Никогда еще в своей жизни я не хотела так прикоснуться к человеку.

— Мне до сих пор не верится, что ты провалила тест по географии, — сказала она. С бокалами игристого вина в руках мы стояли, облокотившись на железные перила. Она уже в четвертый раз заводила тему об этом, с тех пор как по дороге из Дэллоуэя я имела неосторожность рассказать ей о своем плачевном результате.

Алекс созерцала панораму города. Ее волосы сияли алым. Она словно сошла с картин художников-прерафаэлитов.

Я потягивала вино и не отвечала. Это был уже третий бокал. От алкоголя все поплыло перед глазами, и меня мутило. Половина девушек, которых я знала в Дэллоуэе, пили, а я думала лишь о матери. Это отравляло мое существование. Интересно, что бы сказала Алекс, если бы я вылила остатки вина за край крыши? Наконец я выдавила:

— Неудачный день, наверное.

Алекс оглянулась.

— Мы ведь изучали эту тему, — ответила она с легким упреком.

Я вертела холодный запотевший бокал между пальцами.

— Знаю.

— Ну так что произошло? Ты знала материал. *Меня* проверяла по нему.

Я прикусила нижнюю губу до боли. Я не умела лгать Алекс. Наконец я вздохнула и запрокинула голову, глядя на звезды, точнее, туда, где могли бы быть звезды, если бы не такое количество иллюминации в городе.

— Я намеренно провалила тест.

— Ты *что*?

Алекс схватила меня за руку и встряхнула, чтоб я посмотрела на нее. Сложно сказать, было выражение ее лица неприязненным или довольным.

— Я знаю, — ответила я, — но... Ты помнишь Мари из нашей группы?

Алекс кивнула.

— Она обожает географию. Я с ней беседовала на днях за ужином. Она сказала, что намерена специализироваться на этой дисциплине и пойти в аспирантуру, чтобы получить ученую степень. И мне показалось...

Алекс смотрела на меня так, будто видела впервые.

Я пожала плечами.

— У меня сейчас самый высокий результат по этому курсу. И я подумала, может, стоит ей уступить... Только, кажется, я перестаралась с исправлениями, и... все закончилось провалом.

Алекс моментально успокоилась и кротко улыбнулась.

— Ты — добрая душа, Фелисити Морроу.

Я не нашлась, что ответить тогда. А сейчас я бы точно сказала: *«Нет, я совсем не добрая»*.

Тогда на крыше, когда город кипел жизнью вокруг нас, Алекс провела пальцами по моей щеке, подошла ближе и поцеловала меня. Подул легкий ветер, дрожащей рукой я держала бокал, а Алекс продолжала меня целовать. На ее губах чувствовался вкус шоколада.

Но я больше не думаю о ней и уже не вспоминаю тот поцелуй.

Не хочу.

В этом году я выбрала курс по истории искусства.

Приняв это решение в порыве чувств, затем, в последние две недели лета, я пожалела об этом, видя, как моя мать принимает десяток репетиторов в нашей гостиной и проводит им экскурсии по нашей галерее. На перекрашенных стенах, увешанных новыми полотнами, не было ни малейшего признака бесчинства, хотя еще и месяца не прошло, как моя мать порезала ножом свою коллекцию бесценных картин и разбила скульптуры, повалив их на мраморный пол.

Я пряталась в своей комнате, пока она орала и в ярости крушила вещи. И наконец, отважившись спуститься вниз, я увидела ее сидящей на корточках посреди обломков. Она сметала осколки фарфора в совок для мусора, словно это был лишь рассыпанный сахар.

— Идем, родная, поможешь мне, — заплетающимся языком после всего выпитого за ужином вина сказала она. И я послушалась.

Искусство меня больше не интересует. Но менять расписание уже слишком поздно. На первых двух уроках мы обсуждали учебный план, и от рассказов о предстоящих проектах и эссе, о которых я сейчас не желаю и слышать, больше всего хотелось свернуться клубочком и уснуть.

Позапрошлым летом у меня было смутное представление, что все мы будем бродить по залам в музее искусств Кингстона, рассуждая об особенностях мазков и красках, смешанных с мышьяком. Теперь же все, чего я жду от курса, это бесконечная череда изображений и засыпание под щелчки пульта, управляющего потолочным проектором, в темной комнате.

Я боюсь этого урока больше всего, потому что по плану именно сегодня мы будем обсуждать наши зачетные проекты. Откровенно говоря, слово *групповой* определенно не вяжется у меня со словом *проект*, но это неизбежно.

За несколько минут до звонка я прокрадываюсь в класс мимо нашего преподавателя, тощей женщины с «птичьим гнездом» на голове. Она стоит у входа, на ее плечи накинута шаль с бахромой. Помню, в первый день мне казалось, будто она — само воплощение Беатрикс Уокер или Корделии Дарлинг, явившееся откуда-то из темного прошлого Дэллоуэя.

Даже сейчас я все еще во власти сомнений. Интересно, если бы она, одержимая духом одной из тех девушек, занималась спиритизмом, вызывая призраков, которые никогда не оставят ее в покое, смогла ли бы я почувствовать исходящий от нее тонкий, подобно легчайшему парфюму, аромат магии?

Надеясь остаться незамеченной другими студентками, выбиравшими себе напарницу по проекту, я занимаю место у окна подальше от центра аудитории. Я с радостью выберу себе напарницу из оставшихся, после того как разберут всех богатых девочек.

Устроившись за ноутбуком, я замечаю Эллис Хейли. Она сидит за одной из парт, держа в руке перьевую ручку, склонившись над тонким черным блокнотом, лежащим перед ней.

Должно быть, она чувствует, что я смотрю на нее. Поэтому поднимает голову и, встретившись со мной взглядом, криво ухмыляется. Преподавательница делает замечание.

В начале звучит *крайне неожиданный* вопрос: *что такое история искусства?* Далее следует куча определений.

Описание проекта оказывается не таким страшным, как я опасалась. Далее нас ждут посещения музеев, в том числе и самостоятельные походы туда. Эту работу необходимо сдать до конца семестра.

— Вы с напарницей, — объясняет преподавательница, — выберете два произведения искусства и совместно напишете сравнительное исследование, рассматривая их в ракурсе соответствующих исторических контекстов. Это не то задание, которое можно отложить на последний момент. Для того чтобы получить хорошую оценку, вам необходимо будет много читать и исследовать как процесс создания работ, так и жизнеописания их авторов, социокультурные аспекты их жизни и то, как эти шедевры были приняты современниками. Я буду оценивать строго.

Удивительно, насколько широко она истолковала понятие *искусство*, — может быть, мне заняться архитектурой или сочинениями Джордж Элиот?

Или я могла бы написать о созидании и разрушении, о моей матери с ножом в руке, о звуке рвущегося полотна.

— Я разбила вас на пары в произвольном порядке, одна группа будет состоять из трех студенток, поскольку у нас получилось нечетное количество...

Преподавательница зачитывает список. Эллис поставили в пару с Урсулой Принс, по выражению лица которой казалось, будто она получила награду. Меня же присоединили к Бриджит Креншоу. И как только преподаватель произносит мое имя, Бриджит тотчас тянет руку вверх.

— Я не могу работать с Фелисити, — не дожидаясь, когда ее назовут, заявляет она, — мне с ней некомфортно.

За этим скрывается *«Я не буду работать с девушкой, которая убила свою лучшую подругу»*.

Держа руки под столом, я сжимаю кулаки, так как все смотрят на меня. Бриджит складывает розовые от помады губы в гнусную улыбочку, и я тут же понимаю, в чем дело. Это вовсе не связано с Алекс. Это из-за того, что Бриджит каждый год делала запрос в Годвин-хаус, но так и не попала туда. И поскольку мы с Алекс были королевами Годвина, все считали это и нашей виной. Можно подумать, мы воспользовались своей популярностью, чтобы не оставить Бриджит шансов. Неважно, что Бриджит входит в ковен Марджери и что она, без сомнения, повлияла на решение исключить меня из клуба.

Я больше не королева. Это переворот.

— Я буду в паре с Фелисити, — звучит знакомый голос.

Я вижу Эллис с поднятой рукой и ручкой, заложенной за ухо. Урсула Принс, сидящая слева от нее, выглядит обескураженной.

Преподаватель истории искусства делает пометку в своем планшете.

— Отлично. Бриджит, вы можете работать с Урсулой. До тех пор, пока не возникнут претензии и к мисс Принс.

В классе раздается хихиканье. Щеки Бриджит покрываются пятнами. Она молчит.

Не стоило бы это расценивать как победу, но так оно и есть. Если она стала хуже относиться ко мне из-за произошедшего, из-за того, что мне пришлось уйти из школы, я хочу ее пристыдить. Если она боится меня, думая, что я убила Алекс, — что ж, тогда я стану безжалостной.

После урока я ловлю Эллис уже во дворе. Меня пробивает дрожь от сентябрьского ветра, продувающего мою тонкую льняную блузку насквозь. Надо было надеть свитер. Эллис в водолазке, которая выглядит не менее тонкой, чем моя блузка, по-моему, даже не замечает холода.

— Тебе не надо было этого делать, — начала я.

— Чего именно? — отвечает она, лишь искоса глядя на меня. — Я не хочу работать с Урсулой Принс. Только и всего.

Только и всего.

Что-то мне так не кажется.

Осень вступает в свои права: ветер становится холоднее, листва желтеет, а затем приобретает алый оттенок. С начала занятий прошло только три недели, но нам уже не обойтись без плотных колготок и свитеров из кашемира, и я обнаруживаю, что вся моя зимняя одежда теперь мне очень велика. За покупкой вещей со мной в город из всех студенток отправляется одна Каджал. Мы мерим юбки из шотландки и пиджаки. Каджал смотрит на себя в зеркало в полный рост и, прижимая руку к плоскому животу, недовольно кривит губы.

— Хорошо смотрится, — стоя за ней в двух шагах, с одобрением говорю я ей и застегиваю пуговицу на своей рубашке.

Она разворачивается в другую сторону и смотрит на себя сбоку.

— Не очень стройнит.

К слову, Каджал одна из самых стройных людей, что я встречала в жизни.

— Ты выглядишь прекрасно. — говорю я ей. — Мне нравится, как смотрится с ремнем. Очень винтажно.

Костюм похож на те, что носят все приспешницы Эллис. Но этого я не озвучиваю.

Правда, не из-за каких-то высоких моральных принципов. Сама я завалила раздевалку костюмами из твида, кардиганами и пиджаками с заплатками на локтях. Главным образом потому, что я всегда так одеваюсь в осенний период. Алекс говорила, что меня больше заботит эстетика осени, чем комфорт.

Каджал вздыхает:

— Наверное.

Еще с минуту она пристально рассматривает себя в зеркале, капризно кривя губы, словно хочет снять свое тело вместе с платьем. Мне это напомнило о Флоренс Даунпатрик, моей бывшей соседке по комнате в Сильвер-Лейк. Флоренс с таким же прищуром рассматривала себя в зеркале, словно хотела найти какие-то недостатки. Или, пока мы читали в комнате отдыха, обхватывала пальцами запястье и наблюдала, как далеко предплечье пройдет через сомкнутые пальцы до их разъединения.

— Хорошо смотрится, — повторяю я, но Каджал безмолвно исчезает в раздевалке. Я остаюсь перед зеркалом в одиночестве.

Я стараюсь смотреть не на себя, а лишь на одежду. Юбка длиной ниже колена. Ее темно-синий цвет перекликается с синей нитью моего твидового пиджака в елочку. Похожа на профессора университета. Я тоньше Каджал, но это не имеет ни малейшего отношения к диете, а связано с тем, что к концу лета я неделями не могла есть. Словно моя пищеварительная система активно бунтовала против возвращения сюда, отказываясь от всего, что я проглотила, будто надеялась ослабнуть и умереть, прежде чем я смогу снова увидеть Дэллоуэй.

То, как Каджал всегда смотрит на меня, сейчас приобретает новый смысл. Она думает, что я похожа на нее? Или что у нас с ней тихая конкуренция и мое одобрение преисполнено самодовольством и радостью победы?

Клара сидит в комнате отдыха. Мы возвращаемся, увешанные сумками. Она оборачивается в нашу сторону — и я старательно скрываю дрожь. Взгляд в ее сторону ухватил лишь отблеск рыжих волос в вечернем свете и книгу, уложенную на коленях. Сердце подкатывает к горлу, а имя Алекс готово сорваться с губ. Клянусь, это была она.

— Хорошо сходили? — ледяным тоном спрашивает Клара.

Я невольно хмурюсь.

— Да, — отвечает Каджал. — Погода хорошая.

— Могли бы меня позвать. Мне тоже нужна новая одежда к зиме, знаете ли.

Каджал пожимает плечами:

— Прости.

Не проронив больше ни слова, она идет к лестнице. С тяжелыми сумками я следую за ней, не в силах оставаться здесь и любоваться недовольным лицом Клары.

— Что с ней? — шепотом спрашиваю я Каджал, когда мы по лестнице поднимаемся в свои комнаты.

— Клара новенькая, — отвечает Каджал, презрительно махнув рукой. — Эллис говорит, что она чувствует себя беззащитной. Считает, что она не в нашей компании, ведь мы знаем друг друга уже давно, а она лишь...

Молча кивнув мне головой, Каджал шагает в свою комнату и скрывается в ней.

Клара новенькая. Так и Эллис тоже. Но, кажется, на нее это правило не распространяется.

Может быть, в этом и есть проблема. Возможно, она как раз из тех, кто *решает*, будешь ли ты своей в любой компании.

Правда, я тоже не вхожу в этот круг. Во время своей первой попытки обучения в выпускном классе, когда я уже почти год прожила в Годвине, я вшила себя в ткань дома спутанными нитками. Помню, как сильно я хотела, чтобы меня зачислили именно сюда. Я подавала заявку в Болейн и Элиот, но Годвин был домом Пятерки из Дэллоуэя, землей, где они жили и где встретили свой конец. В библиотеке нашлись книги о смерти Тамсин Пенхалигон: она была найдена повешенной на дубе за Годвином через одиннадцать месяцев после убийства Флоры Грейфрайар. Хоть Тамсин и признали самоубийцей, но один из оккультных текстов сообщает, что ее лицо было измазано кровью: на щеки и лоб нанесли неизвестные знаки.

То самое дерево растет прямо перед моей комнатой. В первую ночь я высунулась из окна, чтобы прижать ладонь к коре. Я представила, что внутри дерева бьется сердце погибшей, отдаваясь эхом у меня в груди. С тех пор дуб не пугает меня.

Когда я открываю дверь своей спальни, проклятия сами слетают с губ. По комнате будто прошелся осенний шторм: мусорное ведро перевернуто вверх дном и все его содержимое разбросано по ковру, открытка Алекс сорвана со стены и лежит на полу, словно ее кто-то прочитал и равнодушно выкинул.

Ее призрак.

«*Это неправда*», — повторяю я себе, судорожно дыша.

Хочется успокоить сердцебиение. Есть тому более рациональное объяснение: створки окон распахнулись, туюл разметало, воздух холоден как ночь. Бесшумный и недремлющий дуб простирает в небо свои ветви, подобные черным пальцам.

Призраков не существует. Нельзя терять самообладание. Надо оставаться в здравом уме. Я имею право вернуться сюда. Я докажу, что мое возвращение не было ошибкой.

Я снова ругаюсь и прохожу по комнате, чтобы закрыть окно на защелку. Могу поклясться, что закрывала его перед уходом.

Я собираю мусор и складываю его обратно в ведро. Некоторые из старых писем Алекс, засунутые среди моих книг на полке, выпали.

По-моему, это больше, чем совпадение.

Я поднимаю ее послания мне, бережно отделяя их от прочего хлама, и на этот раз складываю их в ящик моего письменного стола. Все на месте, кроме одного — открытки, которую Алекс послала мне из Вермонта, когда ездила туда зимой с семьей. И где бы я ни искала — под кроватью, за столом, даже на газоне Годвин-хаус, — я так и не смогла ее найти.

ГЛАВА 8

Вот вся правда.

То, что случилось с Алекс, не было несчастным случаем. Не только потому, что она упала, или потому, что мы подрались, или потому, что я перерезала веревку, но и из-за того, что произошло в прошлом октябре.

Тогда я только определилась с темой моей дипломной работы.

— Я предупреждаю, не нужно, — сказала Уайатт, когда я поделилась с ней тем, что хочу изучить описания колдовства в литературе. — Вам придется повоевать, чтобы получить одобрение темы колдовства от администрации, и ваша успеваемость не имеет значения. Дэллоуэй — это уважаемая школа — это отнюдь не Схоломанс*.

— Я не понимаю, в чем проблема, — ответила я. — Я не утверждаю, что ведьмы Дэллоуэя были *реальными*.

* Scholomance Academy — компьютерная карточная игра, действие которой происходит в школе магии.

Просто такая концепция колдовства существовала в восемнадцатом веке, и на нее повлияло представление того времени о женской воле и психических заболеваниях. Я хочу объединить реальность их жизни с литературными выдумками об этих женщинах.

Уайатт устремила на меня пронзительный взгляд и сказала:

— Только до тех пор, пока вы сосредоточены на *литературе*, мисс Морроу, а не на полетах фантазии. — И она подписала документы.

Но когда я рассказала о своих планах матери, она была потрясена.

— Эта школа плохо на тебя влияет, — сказала мать, когда я несколькими неделями позже была дома на каникулах в честь Дня благодарения. — Я думала, ты знаешь, что лучше не верить во всю эту чепуху про ведьм.

Наверное, ее страхи были оправданны. Конечно, в то время я только презрительно фыркала. Я не верю в существование ведьм, настаивала я, и это было правдой. До Дэллоуэя я воображала себя рационалисткой — даже *слишком* рациональной, чтобы допустить возможность того, что реальность порой хранит больше тайн, чем может понять мой слабый смертный разум. Но было нечто в истории Пятерки из Дэллоуэя, привлекавшее меня, эти ведьмы словно обнимали меня своими холодными мертвыми руками. Они были реальными людьми: существовало историческое подтверждение их жизни и смерти. И я представляла себе, что их магия, пронизывая время, словно нить, передается от матери к дочери, сверкающая цепь тянется от основателя через Марджери Лемонт ко мне.

Когда-то она ощущалась как поддержка. После Хеллоуина же стала больше походить на проклятие.

До той ночи у меня было множество возможностей увлечься легендами и преданиями. Моя комната в Годвин-хаус была завалена сканированными страницами заклинаний и записями о сверхъестественном. Алекс наблюдала за всем этим с каким-то чисто теоретическим интересом; она никак не могла понять, почему меня так тянет во тьму. Она всегда была на стороне солнечного света.

— Тебе не кажется, что ты относишься к этому слишком серьезно? — размахивая в воздухе спичкой, чтобы погасить пламя, спросила Алекс в ту ночь, когда все пошло не так. — Ты немного перегнула палку с этой дипломной. Тебе не кажется, что ты начинаешь слегка путаться в реальности? Фелисити, магии не существует.

— Ты так в этом уверена?

— Ну, если честно... да.

Она долго смотрела мне в глаза; я первой отвела взгляд, вернувшись к спиритической доске, установленной между нами.

— Для меня это важно, — призналась я доске. Я смочила тряпку соленой водой и вытерла ею поверхность, очищая ее для сеанса. — И вовсе не потому, что я верю, а потому, что *они* верили.

— И ты ими одержима. Пятеркой из Дэллоуэя.

— Я не одержима. Это наша история — история дома Годвин. Они убили девушку. Это случилось на самом деле, верим мы в колдовство или нет. И мы знаем, что они устроили спиритический сеанс — это было зафиксировано в рамках судебного процесса. Считали они это реальным или притворялись, но они совершили ритуал, вызывая дух. И Флора умерла через несколько дней.

Основные источники, с которыми я ознакомилась в библиотеке Дэллоуэя, были противоречивы в отношении

истинной причины смерти Флоры Грейфрайар. В том отчете, что я прочитала, описано практически ритуальное убийство: Флоре перерезали горло и разрезанный живот набили костями животных и травами. Но в других источниках того времени отмечается, что ее нашли в лесу с мушкетной пулей в животе, застреленную словно чудовище. Казалось бы, нет ничего проще, чем определить, как умерла девушка: ее застрелили или ей перерезали горло? Стоит верить судебным документам или письмам матери Флоры? У кого было больше мотивов для лжи?

Либо девушки из Дэллоуэя были ведьмами и они убили Флору, заключив сделку с дьяволом, либо смерть Флоры имела гораздо более прозаичное объяснение. Возможно, несчастный случай на охоте. Ссора любовников. Или даже фанатичный горожанин, услышавший о спиритическом сеансе и захотевший посмотреть, как девушек накажут за связь с неподвластными им силами.

Не стоит забывать, что Флора была первой жертвой, но не последней. После нее каждая из ведьм Дэллоуэя умерла необъяснимым образом. Тела девушек были найдены на территории Годвин-хаус, словно сам дом был полон решимости оставить их у себя. Будто они были прокляты, будто пробудили духа, твердо решившего увидеть их всех мертвыми.

Более правдоподобное объяснение — что они были убиты религиозными горцами, боявшимися женщин, вернее, той магии, которую они приписывали женщинам, — было менее привлекательным.

Несмотря ни на что, Алекс была права. Я неделями не могла выбросить из головы Дэллоуэйскую Пятерку. Они даже приснились мне накануне ночью: волосы Беатрикс Уокер, словно спутанные кукурузные рыльца, и костлявые

пальцы Тамсин Пенхалигон, ползущие по моей щеке. Эти девушки проникли внутрь меня, словно грибковые споры, и пустили корни. Иногда у меня возникало чувство, что они всегда были во мне. Я прочитала о реинкарнации, о людях, рождающихся вновь и вновь, и представила Марджери Лемонт, шепчущую нежные слова в глубине моего сознания. Всякий раз, прикасаясь к ее черепу в Болейн-хаус, я чувствовала ее в своей крови.

Возможно, я сходила с ума. А может, это и значило ощущать историю, *понимать* ее верно. Когда я читала книги, сдвигались границы между моим миром и остальными. Я могла представить другие реальности. Я так ясно представляла себе эти истории, что мне казалось, будто я живу в них.

История Пятерки из Дэллоуэя была легендой, рожденной в Годвин-хаус. Почему бы легенде не оказаться правдой?

И если бы этот ритуал сработал — если бы мы поговорили с ними, — мы могли бы развеять мифы раз и навсегда.

В воздухе витал аромат сандалового дерева. Мы уже выключили освещение; кожа Алекс сияла теплым серебром в свете мерцающих свечей.

— Тогда все в порядке, — сказала Алекс. — Давай вызывать старых мертвых ведьм.

Я записала заклинание вызова в свой «Молескин»: заклинание было скопировано из древнего тома в отделе оккультной литературы нашей библиотеки. Пришлось изрядно повозиться, никто в восемнадцатом веке, казалось, не обладал разборчивым почерком. И уж конечно в восемнадцатом веке не было досок для спиритических сеансов, да и это хитроумное приспособление марки «Хасбро», купленное в небольшом книжном магазинчике в городе, вряд ли годилось для настоящего колдовства. Но это было лучше, чем

ничего. Я положила блокнот на колени, и мы с Алекс поднесли пальцы к планшетке-указателю, едва касаясь ее.

И хотя я еще ничего не сказала, комната сразу стала казаться темнее: углы провалились, воздух начал давить на кожу. Я сделала короткий вдох и прочитала вслух заклинание.

— Ничего не происходит, — через несколько секунд сказала Алекс. — Указатель на месте.

— Наберись терпения.

— Ты ведь знаешь, что он движется, потому что *мы* его двигаем, так? Вроде бы проводилось исследование по этому вопросу.

Я не стала отвечать и закрыла глаза. Я украла череп Марджери; он стоял на алтаре, довольно близко, чтобы я могла его коснуться. Какая-то часть меня хотела это сделать. Желание было почти нестерпимым. Может, если бы я поддалась этому порыву... Может быть, именно это *нужно* для ритуала.

Я наклонилась вперед с закрытыми глазами, потянулась пальцами. Ощутила прикосновение к холодной кости, и в этот момент планшетка сдвинулась.

Я распахнула глаза. Планшетка указывала на цифру 5.

— Что это значит? — спросила Алекс, а я покачала головой.

Пятерка из Дэллоуэя.

Свечи затрепетали, словно от невидимого ветра. В комнате стало прохладно, по моему позвоночнику пробежали мурашки. Я старалась, чтобы прикосновение к планшетке оставалось легким, и от этого напряжения дрожали пальцы; я отказывалась верить в теорию Алекс. Если бы доска заговорила, это не было бы результатом воздействия моих рук.

Прежде я никогда не пробовала делать что-либо подобное. Я не знала, чего ожидать.

Приди. Мне нужно, чтобы ты пришла.

— Ты в самом деле здесь? — прошептала я. — Это... Марджери Лемонт? Или...

Я запнулась на полуслове и уставилась на надпись «да» на планшетке. Но ничего не произошло, в прорези по-прежнему виднелось число 5.

Недостаточно. Ладан, свечи, даже гладкий череп Марджери под моей ладонью. Этого было недостаточно.

Я читала об этом. Я прочла десятки книг, сотни исследований для своей дипломной работы. Я *знала*, как действует магия. Я *знала*, чего требуют такие дүхи.

— Мы должны принести жертву, — резко сказала я Алекс. — Как это сделали с лягушкой на своем сеансе Дэллоуэйтские ведьмы. Если они в самом деле были колдуньями, то сильными. С чего бы им с нами разговаривать, если мы не даем им что-нибудь взамен?

Алекс скептически поморщилась:

— Ну, я забыла прихватить с собой подходящего жертвенного козла, так что...

Но я уже знала, чего хочет Марджери.

Я отпустила планшетку и схватила нож для писем — тот, которым я открыла коробку с доской для спиритических сеансов.

— Фелисити, *не смей*...

Я полоснула лезвием по ладони. По моим венам пробежал белый огонь, из пореза заструилась темная кровь. Когда я протянула руку, Алекс отшатнулась, но не покинула круг, не отступила — только смотрела широко раскрытыми глазами, как моя кровь брызжет на корону, венчающую череп Марджери Лемонт.

Свечи погасли.

Алекс завизжала. Сердце колотилось у меня в груди — бешено, беспорядочно. Была ли реальной фигура, что вышла

из тени, с блестящими в темноте, словно новенькие монеты, глазами?

Алекс чиркнула спичкой — и призрак пропал. Место, где он стоял, было непроглядно черным, и я все еще чувствовала его присутствие. Возможно, он не исчез. Может быть, он *расширился*, поглощая нас.

Мы с Алекс усталились друг на друга поверх доски. Плечи Алекс мелко дрожали, она облизывала пересохшие губы. Стало еще холоднее, чем прежде, словно температура упала на несколько градусов, когда погасли свечи.

Я хотела сказать ей, что *все в порядке*, но язык замер во рту, тяжелый, с мерзким привкусом. Словно я наелась могильной земли.

Марджери Лемонт была похоронена заживо.

Кровь на ладони была липкой, ее медный запах витал в воздухе, перекрывая мускус благовоний. Алекс вновь зажгла свечи — три ближние. От их света на доске появлялись причудливые фигуры, большинство букв тонули в темноте.

Ни одна из нас больше не прикасалась к планшетке, но в прорези теперь виднелось слово «*да*».

— Ты двигала указатель?

Алекс покачала головой.

Я впиалась зубами в нижнюю губу. Мы с Алекс вновь наклонились над планшеткой, сомкнув дрожащие пальцы.

— Рассказы о вас — правда? — спросила я. — Вы на самом деле были ведьмами?

Если рассказ о ритуале, приведшем к смерти Флоры, был правдивым, то обряд явно был взят у друидов: в некоторых греко-римских отчетах-фальшивках сообщается, что древние кельты практиковали человеческие жертвоприношения в день осеннего равноденствия и что будущее может быть предсказано по тому, как дергаются конечности умирающей

жертвы. Даже то, как жертва истекала кровью, имело прогностическую ценность.

В дневнике городской акушерки излагается версия этой истории, по которой тело Флоры Грейфрайар было найдено с полуобгоревшей кожей, а ее одежда лежала среди пепла на ведьмовском алтаре. Листья серебристого коровяка были рассыпаны вокруг, в волосах красовалась корона из полыни, горло было мокрым от крови.

Я знала ответ на свой вопрос, но все-таки хотела, чтобы Марджери сказала это.

Планшетка под нашими руками дрогнула, я затаила дыхание — указатель сдвинулся и немедленно вернулся в положение «да».

Меня распирало от множества новых вопросов. *Слишком большого количества вопросов. Невозможно ответить на все. Невозможно с помощью гадательной доски узнать то, что интересовало меня по-настоящему:*

Чему из области магии ты можешь научить меня?

Я была готова спросить Пятерку из Дэллоуэя, почему умерла Флора, какой ритуал они пытались осуществить в ту ночь осеннего равноденствия — если они вообще были виновны в ее смерти, — когда планшетка вновь задвигалась.

— Возьми записную книжку, — ахнула Алекс, а я быстро вернула свой «Молескин» на колени и трясущимися пальцами сдернула колпачок с ручки.

Планшетка под нашими руками рывками перемещалась по доске.

— Я ... с ...

Воздух теперь был холодным, мороз пробирал до костей. Я не осмеливалась отвести взгляд от доски и именно поэтому, когда планшетка, наконец, остановилась — когда я,

наконец, перевела взгляд на записную книжку, — с трудом смогла разобрать собственный почерк.

— Что она говорит? — нервно спросила Алекс, обеспокоенная моим молчанием.

— Она говорит... — Я потрясла головой, нервно слотнула; во рту у меня пересохло. — Она говорит: «Я собираюсь убить тебя».

Я подняла глаза. Алекс, судорожно сжав кулаки на коленях, уставилась на меня с другого конца доски. Ее лицо при свечах казалось зеленоватым, это жутко и...

Что-то прикоснулось к моему затылку, холодный палец скользнул вдоль спины.

— Алекс. — У меня перехватило дыхание.

— С тобой все в порядке?

Ощущение прикосновения пропало; по затылку словно прошелся легкий ветерок. Охваченная ужасом, я не осмелилась оглянуться.

— Клянусь, прямо сейчас что-то...

Тени сгустились, за клубились, как дым. За спиной у Алекс призрачным силуэтом выросла фигура, вокруг головы которой развевались длинные волосы, она тянулась когтистыми руками...

Тянулась к ее горлу.

— Алекс, сзади!

Она резко обернулась — и в тот же момент призрак исчез, разлетевшись на осколки, мгновенно растаявшие во тьме.

Марджери.

— Нет там никого, — сказала Алекс.

Однако я все еще чувствовала ее присутствие: дух Марджери Лемонт глубоко вонзил свои когти в мое сердце, кровь в моих венах превратилась в яд.

Я покачала головой:

— Она была... Клянусь, она была там. Она была *именно там*.

Как там в стихотворении?

*И этот дух, пришедший от нее,
Касается плеча и шепчет в уши...
Ее не слышат или ж слышать не хотят*.*

— Все это чушь собачья, — заявила Алекс.

— Нет, Алекс, не...

Слишком поздно. Она смахнула планшетку с доски и затушила благовония.

— Это все неправда, Фелисити. Успокойся.

Нет. Нет, все вышло из-под контроля. Мы должны были закончить сеанс правильно. Марджери все еще была здесь, она притаилась, во время Самайна** грань между нашим миром и миром теней стала очень тонкой, полупрозрачной. Марджери было совсем легко проникнуть сюда.

Но я была готова к такой перспективе: достаточно поджечь смесь из молотого аниса и гвоздики, чтобы защититься от самого жестокого духа. По крайней мере, так уверяла библиотечная копия «Магии для непосвященных».

Алекс же рассыпала специи по полу, сделав их бесполезными.

Позже я поняла, что именно тот момент привел все в движение, что дьявольское колесо закрутилось, когда моя кровь пролилась на череп Марджери и она взяла нити наших судеб

* Строки из стихотворения The One Forgotten ирландской поэтессы Доры Сигерсон Шортер (1866–1918).

** Самайн — кельтский праздник окончания уборки урожая.

в свои руки. Мы сами себя проклинали. Она заставила меня сказать: «*Я собираюсь убить тебя*». И она была права.

В этом было какое-то нелогичное ощущение неизбежности. Я продолжала думать о проведенном Пятеркой из Дэллоуэя сеансе, том самом, который был прерван. Об умершей через три дня Флоре. Как каждая из девушек погибла при таинственных необъяснимых обстоятельствах и, наконец, о самой Марджери, которую похоронили заживо. Будто вызванный ими дух проклял их — и не успокоился, пока не умерли все до единой.

Но тогда я позволила Алекс убедить меня. Как только зажегся свет, все стало казаться довольно забавным: свечи погасли, потому что мы оставили окно открытым, из-за него, кстати, и было прохладно. Фигура, которую я увидела позади Алекс, сложилась из искаженных вытянутых теней, отбрасываемых свечами. Всему нашлось разумное объяснение, и Алекс была права. Странная, призрачная обстановка, старые школьные легенды, праздник Самайн: мы слишком поддались этому; вот и все.

Я не рассказала ей, что после той ночи не могла перестать думать о Марджери или что спала с анисом и гвоздикой под подушкой, чтобы избавиться от ее духа.

Через несколько месяцев Алекс была мертва, и теперь...

Теперь я не могу спрятаться от правды.

ГЛАВА 9

Открытки нигде нет. Несколько дней я продолжаю ее поиски везде, даже в дыре за шкафом, но безрезультатно. Открытка пропала, канула в бездну, где исчезают потерянные предметы.

Или, возможно, обрела нового хозяина.

Для своей дипломной работы этим утром я начинаю читать «Мы всегда жили в замке»*. Интересно, сработала бы магия сестер Мэррикат здесь — я бы завязала черную ленту узлами и сожгла бы ее на заднем дворе, бормоча заклинания, а утром проснулась бы и нашла открытку на прежнем месте, на стене?

Не то чтобы я этим занималась. Если открытке суждено быть утраченной, она будет утрачена.

Позже в этот день, когда нам нужно идти на лекцию по истории искусства, Эллис стучится в дверную раму моей открытой двери и говорит:

— Давай прогуляем.

* «Мы всегда жили в замке» — готический триллер американской писательницы Ширли Джексон (1916–1965).

Я только что сложила тетради в портфель; когда я оглядываюсь, Эллис уже стоит в комнате, прислонившись к стене, скрестив руки на груди и упершись каблуком в плинтус. Она одета в брюки и рубашку с накрахмаленным воротником, строгость ее запонок и подтяжек несколько подорвана тем, что ее волосы собраны в неряшливый узел, словно она только что встала.

— У нас, вообще-то, урок, — говорю я.

— Я думала, мы могли бы вместо этого сходить в город, — отвечает она. — Там, на Дорчестер, есть антикварный магазинчик, который я давно хотела исследовать.

Все это подозрительно похоже на жалость. Бриджит Креншоу, возможно, и избежала мучений, связанных с нашим совместным выполнением проекта, но это не остановило ее от попыток настроить полшколы против меня. Невероятно, сколько вреда может причинить одна-единственная девица всего за два дня.

Из всех людей мне сказала об этом только Ханна Стрэтфорд.

— Знаешь, ты можешь поговорить со мной, — обратилась она ко мне в очереди в кафе. — Если хочешь.

Я не поняла, о чем она говорит, пока она не продолжила:

— Моя сестра тоже так болела. Она попыталась... ну, ты знаешь. Попыталась... — Ханна понизила голос до шепота, — *убить себя*. Ей сейчас уже лучше, но я просто... я подумала, если тебе нужно поговорить...

— Я, черт возьми, не пыталась *убить* себя.

— О! — Лицо Ханны стало таким же лиловым, как лак на ее ногтях. Я сомневалась, что смущение имело какое-то отношение к ее ошибке; она просто раньше никогда не слышала ругательств. — Я только... Я слышала...

Я смотрела на нее, предоставив ей самой выбиратьсь на более безопасную почву.

— Просто Бриджит сказала...

— «Бриджит сказала», — повторила я, а Ханна пробормотала извинения и наконец выпорхнула в другую очередь, за сэндвичами.

Бриджит сказала.

И вот, теперь я не только убийца; я еще и самоубийца.

Я не понимала, как Бриджит смогла узнать. Не про мою попытку самоубийства — я никогда не пыталась убить себя, — но...

Тот факт, что в прошлом семестре я отсутствовала, не был тайной. Четыре месяца я провела в частном жилом комплексе, затерянном возле Каскадов*, слушая людей с кучей сертификатов на стенах, объяснявших мне, что *это не моя вина*, что у меня не было выбора, и то, что я взяла нож, перерезала веревку и убила свою лучшую подругу, не делает меня психопаткой. Будто без них я этого не знала.

В Дэллоуэе новости расходятся быстро. До Эллис слухи уже должны были дойти.

Но даже если это жалость, она не изменит того факта, что меньше всего я хочу идти на этот проклятый урок, сидеть там и ловить на себе трагические взгляды Бриджит Креншоу.

— Хорошо, — говорю я и выкладываю тетради из сумки.

Антикварный магазин разместился в старом доме Викторианской эпохи между книжным магазином и тайским рестораном. Фасад дома огибает узкая веранда, несколько старинных кресел-качалок смотрят на дорогу. Если бы мы были ближе к воде, я бы представила старую вдову

* Вероятнее всего, речь идет об одной из самых больших горных цепей между США и Канадой под названием Северные Каскады.

в черном, устроившуюся в одном из тех кресел и упорно смотрящую на море в бинокль в ожидании возвращения любимого.

Эллис поднимается по лестнице впереди меня. Веранда, похоже, когда-то была выкрашена в белый цвет, но теперь седого от времени дерева больше, чем краски. Когда мы входим, над дверью звенит маленький колокольчик. Эллис через плечо улыбается мне, и я не могу удержаться от ответной улыбки; это так похоже на Эллис — быть очарованной чем-нибудь старомодным и простым.

За прилавком сидит сморщенная женщина. При нашем появлении она встает, хотя это не делает ее выше ни на дюйм.

— Показать вам что-нибудь конкретное, девушки?

— Мы просто смотрим, — говорит Эллис.

Улыбка у женщины такая же неуверенная, как и ее колени. Ее руки вцепились в край конторки, словно ей нужна опора, чтобы сохранять равновесие.

Алекс никогда не будет такой старой.

— Что ж, если я вам понадобится... — говорит женщина, но я не могу на нее больше смотреть. Я отворачиваюсь, делая вид, что очарована лампой с резьбой в виде обнаженной дамы.

Эллис проходит вглубь магазина, я иду следом, наблюдая, как ее бледные руки исследуют изгибы старинной мебели и пыльных ваз.

— Обожаю это, — говорит Эллис. Она поднимает горсть разноцветных шариков и отсыпает немного в мои протянутые ладони. В каждой сфере в центре есть непохожая на другие звездочка, ее лучики вспыхивают в свете ламп.

— Они напоминают мне о бабушкином доме, — говорю я.

Эллис вопросительно смотрит на меня.

— У нее были вазы с шариками и срезанными цветами. И с ракушками. Это был дом на побережье. — Однажды я взяла один из тех шариков и проглотила его, надеясь, что волшебство из него прорастет, как семечко, внутри меня и станет моей частью.

— На каком побережье?

— Бофорт. На Внутренних отмелях в Северной Каролине.

— Никогда не была там, — говорит Эллис. — Стыдно в этом признаться, так как я из Джорджии — могла бы съездить в любое время.

— Ты ничего не потеряла.

Это была неправда, и я не знаю, зачем так сказала. Я очень любила бабушкин дом. Я любила, как волны разбивались о скалистый берег. Любила дюны, скрепленные постоянными ветрами и высокой травой. Любила ощущать причал под босыми ногами, запах соли и крабов, которых мы ловили в маленькие проволочные клетки.

Еще я любила шипение, с которым выходил воздух из панцирей крабов, когда мы варили их живыми.

«*Это они кричат?*» — спрашивала я бабушку, одновременно испуганная и очарованная, и она закрывала кастрюлю крышкой, чтобы я не смотрела.

— Откуда именно из Джорджии? — спрашиваю я.

Беседа прервалась, и воцарилась какая-то неестественная тишина. Возможно, я хочу, чтобы Эллис продолжила рассказывать о себе, о самых обычных вещах — родном городе и летних каникулах. Обычные темы, которые обсуждают обычные люди.

— Из Саванны. Твоя бабушка так и живет в том доме?

— Она умерла несколько лет назад. Сейчас дом принадлежит моей тете.

— Как печально. — Эллис высыпает шарики обратно в чашу. — Ты, должно быть, скучаешь по ней.

Я запускаю руку в корзину с кружевными шальями, пахнущими пылью. Эллис осматривает скульптуру солдата верхом на скачущем жеребце, грива коня развевается на ветру.

С момента смерти бабушки прошло уже три года. Иногда трудно вспомнить черты ее лица или голос. Интересно, после своего ухода мы все исчезнем из памяти так быстро? Хотелось бы знать, я когда-нибудь забуду голос Алекса?

— Согласись, это гораздо лучше, чем урок? — спрашивает Эллис, не дождавшись ответа. — Зачем сидеть на жестком металлическом стуле и таращиться на узор на полу, — она проводит пальцами по лошадиному боку, — когда ты можешь *чувствовать*?

Я внимательно смотрю на движение кисти ее руки, эта кисть — сама по себе произведение искусства: изящные пальцы и миндалевидные ногти, на большом пальце чернильное пятно.

Она ловит мой взгляд. Я вытаскиваю одну из шалей из корзины и накидываю ей на плечи. Кающаяся грешница в белом.

— Это лучше. — В этот раз я улыбаюсь.

Эллис смеется, снимает широкополую шляпу со стоящего неподалеку манекена и надевает себе на голову. Она сразу становится похожей на персонажа из романа Агаты Кристи, превратившись в крутого детектива в костюме в елочку и с чутьем на кровь.

— Кажется, ты что-то упускаешь, — говорю я и передаю ей прогулочную трость, слегка поклонившись, как викторианский паж перед своей госпожой.

— Превосходно. — Она постукивает тростью по полу, с пафосом исполняя свою партию. — Прогуляемся, мадам.

Я просовываю свою руку под ее локоть, и мы шествуем сквозь лабиринт артефактов, лавируя между обшарпанной мебелью и стопками старых номерных знаков. Эллис распала пенсне, а я обзавелась парой перчаток цвета слоновой кости из кожи ягненка.

Я примечаю чугунный чайник, который выглядит древним, словно из восемнадцатого века, и мне интересно, так ли это — ведь его могла использовать одна из Пятерки Дэллоуэя, чья сущность могла бы перейти в какой-нибудь объект, которого она касалась.

— Ты никогда не хотела попасть в прошлое? — тихо говорит Эллис, мечтательно глядя на люстры; их свет мерцает в линзах ее очков. Я отрываю взгляд от чайника и смотрю на нее.

— В какое-нибудь другое время, — уточняет она, — когда все было не таким цивилизованным. Когда правила были менее строгими.

Это противоречит общепринятому мнению. *Более простое время. Время, когда леди была леди.*

— Возможно. Я об этом не задумывалась. — Я потираю край скатерти между большим и указательным пальцами, но чувствую только движение мягких от времени перчаток. — Полагаю, это зависит и от того, где быть. Я бы не хотела, чтобы меня сожгли на костре, как ведьму.

— О, тебе ли обвинять их? Ты и *есть* ведьма. Я даже не сомневаюсь, что ты бы отравила их деревенские посевы, засолила их поля и ввела их дочерей в искушение.

У меня перехватывает дыхание. Но Эллис даже не смотрит на меня — она держит в руке раскрашенную статуэтку и с большим интересом разглядывает резьбу.

На какой-то миг все, что я могу, — это стоять, пытаюсь вздохнуть и сжимая кулаки; натянувшаяся на костяшках пальцев кожа скрипит.

А потом мне, наконец, удастся выдавить:

— Только дочерей?

Эллис оглядывается. Она сняла пенсне; оправа болтается в свободной руке.

— Рыбак рыбака видит издалека.

Это не обвинение. Совсем не то. Это — *констатация*. Факта.

Я стягиваю перчатки.

Эллис продолжает наблюдать. Она смотрит, как я складываю перчатки и оставляю их на столе, наблюдает, как я притворяюсь, что разглядываю вышивку на скатерти.

— В этом нет ничего постыдного, — говорит она.

У меня вырывается сухой смешок:

— Я это знаю.

— Тебе стыдно?

— Нет, конечно. — Слова звучат резче, чем мне хотелось. Я стискиваю зубы и пробую снова. — Нет. Но это не значит, что я готова всем про это рассказывать.

Эллис поднимает руки ладонями вверх: капитулирует.

— Справедливо. Забудь то, что я сказала.

Только теперь, когда все раскрылось, невозможно вернуться назад. И, может быть, я не хочу забывать ее слова.

Эллис направляется в другой зал, и я тенью следую за ней. Но ведь она никому не сказала. Если бы сказала, я бы об этом слышала. Это было бы в интервью, в рекламных очерках.

— Моя подруга хотела, чтобы я об этом не молчала, — говорю я, стоя в центре персидского ковра, а Эллис плюхается в кресло с зеленой обивкой. — Я была не готова. Но она продолжала настаивать.

— Сучка какая-то.

Я пожимаю плечами:

— Не была она такой. По крайней мере... не все время. И не со мной. — Я не хочу сказать, что Алекс *не была сучкой*. Строго говоря, это не являлось бы правдой. Но *сучка* показалось мне грубым словом для девушки, которая отчаянно боролась за место в мире, которому она была не нужна. Алекс была разной. В ней было много всего. Сказать, что она была сучкой *иногда*, — значит стереть все остальное. Ведь она была: храброй, упрямой, страстной, ласковой; девушкой, способной разрушить империю, чтобы спасти любимого человека. — Она была уверена, что я не хочу никому говорить, потому что если люди узнают, они от меня отвернутся.

— Сомневаюсь, что так было бы.

— Нет. Этого бы не случилось. Алекс не скрывала свою сущность, и никто не придавал этому значения. Все ее боготворили.

Я осознаю, что произнесла ее имя, когда оно уже сорвалось с моих губ. Эллис в восторге, сидит, скрестив ноги и покачивая одной из них: феодальная маркиза, восседающая на троне. Она уже, должно быть, представила нас с Алекс вместе, наши отношения неизбежны, как любой поворот сюжета в книге Эллис.

Я потрясла головой, скривила рот в неуместной улыбке.

— Я не знаю. Мне бы подождать до окончания школы. Очень похоже на клише, правда? Лесбиянки в школе для девушек.

— Вот это да. Так получилось, что мне нравится это клише. Я смеюсь.

— Я так и думала.

Моя голова начинает кружиться, словно от шампанского. Люстры кажутся ярче; латунь нахально блестит. В свете,

ляющемся из окон, пыль мерцает, как алмазная крошка. Повинуясь внезапному порыву, я забираю шляпу у Эллис, нахлобучиваю на себя, затем приподнимаю поля и смотрю на нее, изогнув бровь.

— Я бы дымилась на костре рядом с тобой, не сомневайся. — Ее улыбка еще более вымученная, чем моя, но Эллис все же улыбается. *По-настоящему*, ведь в уголках глаз появляются морщинки. Она вдруг кажется моложе, просто девчонка в забавных очках, сидящая в центре магазина, заполненного чьим-то старьем, никому не нужными воспоминаниями.

Я хочу вернуть ей шляпу; она отрицательно качает головой и говорит:

— Она тебе больше идет.

Мы переходим в следующий зал, забитый книгами — всякими, от тяжелых томов в кожаном переплете с золотым тиснением до потрепанных книжек в мягкой обложке. Я вытаскиваю одну особенно толстую, раскрываю на середине и, уткнувшись носом, вдыхаю запах бумаги.

— Расскажи мне о ней, — говорит Эллис. — Алекс. Какой она была?

Я открываю глаза и смотрю на Эллис из-за книги; она стоит в нескольких футах от меня, не обращая никакого внимания на полки.

Конечно, я ждала этого момента. Того самого момента, когда Эллис наберется смелости спросить меня, каково это *чувство*, чтобы добавить эмоциональности в сюжет о Дэллоуэльской Пятёрке.

Именно поэтому она хочет узнать об убийстве Алекс.

Я ее не убивала.

Я почти произношу это, но удерживаюсь. Вместо этого я медленно опускаю книгу, но не кладу ее на место. Мне

приятнее прижать ее к груди, вцепившись руками в кожаный переплет.

Я, наверное, в неоплатном долгу перед Алекс после того, что я сделала. Может быть, если я облеку это в слова...

Говорят, что, зная имя вещи, обретаешь власть над нею. И именно сейчас мне нужна власть. Как можно больше.

Эллис может писать все, что захочет.

— Алекс была... очень умной, — говорю я. Удивительно, как ровно звучит мой голос, словно мне почти не больно. Будто мне вообще все равно. — Она тоже жила в Годвин-хаус. Она в основном читала сатириков.

Эллис не произносит ни слова. Это самый старый прием в книгах, но он работает; я начала говорить и остановиться уже не могу.

— Она была забавной. Иногда была плохой: если ты шел против нее, она могла быть... не жестокой, обязательно, но...

Я не хочу унижать ее. Не перед Эллис Хейли. На самом деле ни перед кем.

А еще, если сказать, что Алекс была жестокой, некоторые могут счесть это поводом для ее убийства.

Я сильнее прижимаю большие пальцы к корешку книги.

— Она любила собак. С ней куда нельзя было пойти — каждый раз при виде собаки она должна была остановиться, поздороваться. Она бросалась в поток машин, если на другой стороне улицы была возможность потискать лабрадора. У нее была жуткая аллергия, но это ничего не меняло.

— Как мило, — говорит Эллис.

— Да, это было мило. Она была милой.

О, боже. Я никогда так много о ней не говорила. Даже во время лечения с доктором Ортегой. «Расскажи, будет легче, — сказала доктор Ортега. — Вспомни, какой она была...»

— Она любила гулять на свежем воздухе, — говорю я. — Любила лазать по скалам, ходить в походы и все такое. Я имею в виду, она была профессионалом — или собиралась им стать. Ее отобрали в самую первую олимпийскую команду по скалолазанию. Она покорила Эверест. Дважды.

Внезапно становится трудно дышать, словно воздух наполнился тяжестью. Я вижу сверкающие в воздухе пылинки, частички мертвой кожи сотен посетителей или, возможно, бывших владельцев всех безделушек, выставленных здесь на продажу. Я представляю, как эта пыль окутывает нас, словно одеяла, и душит.

— Я понимаю, об этом тяжело говорить, — мягко произносит Эллис. Ее рука лежит на крышке соседнего стола. Эллис не двигается, просто добавляет: — Из-за того, как она умерла.

Я с трудом сглатываю. Мое горло словно забито песком.
— Да, верно.

Несколько мгновений наши взгляды обращены друг на друга, Эллис смотрит, не мигая, поверх оправы своего шаткого пенсне.

Я стараюсь не думать о крике, сопровождавшем падение Алекс и оборвавшемся слишком быстро, когда она ударилась о землю. Теперь я слышу его везде: в своих ночных кошмарах, в фильмах. И сейчас он отдается в гудении старой пластинки, крутящейся на проигрывателе у стойки продавца. Музыка смолкла, остались только шумы.

Я не хотела ее смерти. Я никогда не хотела, чтобы она умерла. Но я тоже не безгрешна.

Это то, что упустили врачи в Сильвер-Лейк с их терапией травмы, белыми таблетками и приторной жалостью: что я и есть *причина* ее смерти. Если бы меня там не было, если бы я не вошла в жизнь Алекс Хейвуд, она была бы жива.

Эллис сейчас смотрит на меня, как те врачи, — изучающе, препарирует для своей проклятой книги так же, как доктора, что исследовали мой случай. Как я — в замешательстве, сбита с толку или сломлена? И способна ли я убить муравья, не говоря уже о девушке?

— Клянусь Богом, — говорю я, — если ты скажешь мне, что это *не моя вина*...

— Я не собиралась говорить ничего подобного.

— Хорошо.

Она поднимает бровь.

— Это был несчастный случай. Все это знают. По крайней мере все, кто читал документы.

Я сдаюсь первой. Я перевожу взгляд на книгу, все еще прижатую к груди. От пыли начинают слезиться глаза.

— Да, — говорю я. — Хорошо.

Бумаги не рассказывают всего.

Молчание тянется долго и напряженно — его легко прервать.

Я ставлю книгу на ее место на полке. Отвернувшись от Эллис, мне легче говорить.

— Все считают, что я сгубила ее.

— Ты не сгубила. Я изучаю душегубов, мне лучше знать.

Я издаю звук, который должен звучать насмешливо, но выходит сдавленно, горько — словно для того, чтобы сделать все происходящее еще более унижительным. Я тру тыльной стороной ладони свой лоб, будто это принесет какую-нибудь пользу.

— Эй, — говорит Эллис, теперь она обеими руками держит меня за плечи, чтобы посмотреть мне в глаза. — Эй. Послушай меня. Эта смерть не была преднамеренной. У тебя не было злого умысла. Ты любила ее.

Алекс сказала не так. Алекс настаивала — она *настаивала*, — что я никак не могла любить ее, что я не хотела ее, а просто хотела *обладать* ею. Это было настолько... несправедливо, так жестоко и бессердечно несправедливо, словно прошедший год наших отношений ничего для нее не значил.

Я морщусь:

— Я знаю. Знаю, что не убивала ее, — *не совсем*. Но... мы боролись. Я была все еще так... *так* сердита на нее. И может быть, если бы я не отвлеклась, может быть, если... если бы я уделила больше внимания...

Может быть, я бы смогла спасти ее.

Я не могу знать наверняка. Как я могу доказать это, даже самой себе?

Я знаю, что я не душегуб, но разница между душегубом и убийцей иногда кажется иллюзорной. Я несла ответственность за ее смерть.

Сейчас наша ссора кажется смехотворной. Мы сцепились из-за того же, что и всегда: Алекс назвала меня испорченной, говорила, что я не ценю то, как мне повезло, что я выросла в таких условиях. Этот комментарий никогда мне не нравился. Особенно когда мы были в Колорадо, у моей матери, с ее пустыми винными бутылками и бессодержательными словами.

Если бы мы с Алекс не подрались, возможно, я бы сделала другой выбор.

Или упала бы вместе с ней.

— Ты не могла спасти ее, — говорит Эллис. — Это был несчастный случай.

Она вздыхает, должно быть, понимает, что не убедила меня. Она снимает с меня шляпу и откладывает ее в сторону, словно хочет хорошо меня видеть.

— Это было давно, — говорит она. — Сейчас уже все закончилось.

Для меня ничего не закончилось.

Кажется, больше не имеет значения, использует ли Эллис меня для своей книги. Я могу думать лишь о пропасти между тем, что я только что сказала, и теми признаниями, которые не прозвучали.

Как я смогла бы объяснить, что несчастный случай с Алекс был точкой в конце очень длинного предложения — отдачей давно просроченного долга.

Я боюсь закрыть глаза и оказаться снова там, год назад, при свечах, зажженных благовониях и с шепчущими на ухо ведьмами. Снова погрузиться в тот ритуал, что мы с Алекс пытались совершить. Ритуал, который она прервала. Ритуал, сделавший нас проклятыми.

— Мы поднимались на пик Лонгс, — говорю я. — Мы отправились домой к моей матери. Знаешь, на... Рождество. Мы долго упрасивали ее отпустить нас совершить восхождение в одиночку. Алекс была... очень убедительна. Был декабрь, и ожидалась бурана, но...

Закрывая глаза, я все еще вижу белизну. Все вокруг было белым, снег слепил глаза.

Вот только буря пришла позднее.

— Они так и не нашли тело и не смогли провести вскрытие, чтобы быть уверенными, но нас обеих учили распознавать отек легких. Когда поднимаешься на высоту, иногда... Легкие начинают отекают. Вот это и случилось с Алекс. Ей было очень больно, и она начала задыхаться, поэтому мы... В этом случае самое важное — это спуститься на безопасную высоту как можно скорее...

Глупо, так глупо. Нам следовало повернуть назад, как только у Алекс стали проявляться симптомы. Но мы были безрассудны и, как нам казалось, бессмертны.

К счастью, Эллис хранила абсолютное молчание.

— Ты должен подняться на вершину пика Лонгс до полудня или рискуешь попасть в буран — именно так там погибают люди. А мы продолжили подъем слишком поздно. К тому времени, когда мы стали спускаться... началась буря. Везде было так много снега, было невозможно разобрать что-либо, и мы... Я приняла неверное решение. Мы спустились со скалы. Или я имею в виду... Алекс. Она повисла в воздухе. А я оставалась на горе. Я не могла... У меня не хватило сил вытянуть ее. Она была слишком тяжелой — она забирала мой кислород.

Я кусаю щеку изнутри. Резкая вспышка боли помогает мне продолжать.

— Буря была ужасной. Снег... он менял направление. Мы обе были... Мы слишком много весили вместе. Снег мог обрушиться в любой момент. А мы обе — упасть. — Я киваю, один раз. — Поэтому я перерезала веревку.

Эллис берет меня за локоть. Я вздрагиваю. Я не осознавала, что она подошла и теперь стоит совсем рядом, так близко, что я могу сосчитать ее ресницы. Пенсне вновь исчезло.

— Она кричала, — шепчу я. — Все время. Она кричала, чтобы я вытащила ее.

Признание вспыхивает в пространстве между нами как зажженный фитиль. И вот она: омерзительная правда.

— Алекс умоляла меня не делать этого, но я все равно перерезала веревку.

Эллис неглубоко, но слышно вздыхает. Ее ладонь по-прежнему лежит на моей руке, в конце концов — она не отшатнулась с отвращением.

— Я не понимаю, — говорит она. Я тоже не понимаю. *Я не понимаю.* Я прерывисто дышу и отворачиваюсь, чтобы она не увидела моих слез.

Эллис сжимает мою руку и переступает в направлении моего взгляда, так что я не могу не смотреть на нее.

— Я не понимаю, — повторяет она. — Алекс не погиб-
ла на горе. Она умерла здесь, в школе. Она утонула.

ГЛАВА 10

Слова Эллис тяжело оседают в моем сознании, я отшатываюсь назад, подальше от ее прикосновения.

Она утонула.

Алекс все еще в моей памяти, я вижу ее посиневшие губы и дрожь руки, сжимающей ледоруб. Я все еще чувствую холодный ветер, треплющий мои волосы, и тающий на щеках снег. Ощущение, словно та реальность прижалась к этой, чтобы я могла дотянуться до пыльного воздуха, разорвать его и оказаться вновь на вершине горы. Мы были там. Мы...

— Я прочитала об этом в документах, — говорит Эллис; я едва ее слышу, с трудом вижу ее. — Она упала с выступа у озера. Во всяком случае, так ты сказала полиции. Ты сказала, что она не умела плавать.

Нет.

Произошло совсем не это. Я перерезала веревку. Она была толстая, почти невозможно разрезать — под конец у меня онемела рука. Алекс кричала все время, пока падала.

— Произошло совсем не это, — говорю я каким-то чужим голосом. — Я была там. Я... Нет...

— Фелисити, — говорит Эллис. Она осторожна — так же осторожны были доктора в больнице, осторожны, словно я сумасшедшая. — Чем ты перерезала веревку? Ножом? Ты где его взяла?

Я задумываюсь, приоткрыв рот и затаив дыхание.

Эллис отпускает мою руку, и в том месте, где она прикасалась, теперь холодно. На той скале кожа Алекс тоже была холодной, скользкой от слез, ее тело сверкало, как полированный кварц.

Нет.

Это неправильно. Я никогда не прикасалась к ней. Она упала.

Она упала.

— Вы были там, — говорит Эллис, медленно и абсолютно уверенно. — Помнишь? Ты сказала, что она потеряла равновесие. Ты вернулась в кампус, промокнув до нитки, и сказала, что она упала в озеро.

Я помню. Я помню, как стояла в фойе Годвин-хаус, с холодной ночью за спиной и в грязном платье, прилипшем к ногам. Ледяная вода стекала на пол. Я помню, как МакДональд звонила в полицию. Помню, как они собирали рыжие волосы Алекс, спутанные, зацепившиеся за мои пальцы.

О, боже.

Это был несчастный случай. Я повторяла это снова и снова, как литанию*.

Где Алекс, Фелисити?

Что случилось с Алекс?

Я больше не выдержу; ноги кажутся мне хрупкими, как цветочные стебли, и я опускаюсь на землю. Меня трясет,

* Литания — в христианстве молитва в форме распева, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний.

и Эллис наклоняется надо мной, нерешительно касаясь пальцами моей спины между лопатками.

— Ее не нашли, — шепчу я. Теперь я знаю. Эллис права. Я помню. Я...

Эллис качает головой.

— Нырляльщики осмотрели все озеро и половину побережья Гудзона. Постепенно полиция пришла к выводу, что ее тело, возможно, уплыло в море.

Почему я думала, что она погибла при восхождении? Это было неправдой. Я никогда не ходила в горы с Алекс — я даже не знаю, как это делается.

Выходит, та история проще, чем правда?

Почему она проще?

Может быть, я хотела верить, что Алекс погибла, занимаясь тем, что любила. Я не хотела, чтобы это было там, на том выступе, где мы вдвоем ссорились из-за... из-за...

А потом она упала.

Я наклоняюсь вперед, прижимаюсь лбом к коленям.

Я не могу убежать от воспоминаний, поднимающихся во мне, как соленый прилив.

Алекс, ее щеки пылают от гнева.

Она кричит.

— Я пыталась спасти ее. — Я рыдаю. Я не знаю, когда начала плакать. Я задыхаюсь, ощущая соленые слезы, когда они попадают на губы, на язык. — Я пыталась. Я пыталась. Я плыла за ней, но она... она уже...

Она, должно быть, очень сильно ударилась головой, когда падала; сразу потеряла сознание. Не было никакой отчаянной борьбы, чтобы не утонуть, никаких машущих конечностей или брызг воды. Только ужасная тишина. Я ныряла снова и снова, искала, напряженно вглядываясь в черную воду. Я водила пальцами по илистому дну озера.

Я изрезала руки о каменистые края той скалы, цепляясь за нее и хватая ртом воздух, пока не поняла, что слишком поздно.

Алекс пропала. Озеро поглотило ее и унесло очень, очень далеко. Она никогда не вернется.

— Это была не твоя вина, — говорит Эллис.

— Я этого не знаю, — отвечаю я и смеюсь. Я понимаю, как сейчас выгляжу — возбужденная и неуравновешенная. Та самая ненормальная, какой меня все считают.

Эллис хочет верить именно в это. Я хочу в это верить, и именно поэтому Алекс не отпустит меня. Она преследует меня, потому что знает, впрочем, и я знаю, что если бы все пошло по-другому... если бы я спустилась за ней быстрее, если бы мы не поругались, если бы Алекс не пила...

Губы Эллис кривятся, но она не отстраняется. Вместо этого она легонько берет меня за запястье и держит.

— Как она упала?

Эллис говорит так нежно, что я хочу ей верить. Я хочу доверять ей больше всего на свете. Я хочу, чтобы в этом ужасном и извращенном мире был хоть кто-то, кому я могу верить.

— Она поскользнулась, — шепчу я. — Она была... Мы обе были очень пьяны. Понимаешь, мы были на вечеринке в Болейн по случаю окончания семестра. И мы...

Алекс в черном, расшитом бисером платье, в волосах жемчужины. Кончики ее пальцев пахли сигаретным дымом. Губная помада была размазана.

— Мы ссорились. Я сбежала с вечеринки. Я просто хотела побыть подальше от нее хоть немного. Успокоиться. Но она преследовала меня до самых скал. Она продолжала орать на меня. И я...

Я не хочу об этом думать. Я не хочу это помнить. Я не хочу.

Но я должна. Эллис права; доктор Ортега права. Я должна посмотреть этому в лицо. Я закрываю глаза и вижу округлившиеся в удивлении губы Алекс, ее волосы, цепляющиеся за мои кольца. Слишком поздно. Сожаления всегда приходят очень поздно.

— Знаешь, она... сильно жестикулировала. Когда разговаривала. Особенно когда сердилась. И мне кажется, она... потеряла равновесие. И она... оступилась. Она...

— Ты вообще ни в чем не виновата. Ты не поила ее силой; это был ее выбор. Ты не заставляла ее падать.

Я смеюсь, сдавленно, горько.

— Я не знаю, почему ты не можешь... почему ты не *понимаешь* — ты ведь писатель, верно? Ты же знаешь, что ничего не бывает так просто.

— Что, потому что вы сначала поругались? Люди ругаются, Фелисити. Люди злятся. Очень печально, что она погибла в то время, как вы дрались, но она погибла *не поэтому*. Смерть Алекс была несчастным случаем. — Рукой Эллис скользит по моим волосам; большим пальцем она гладит меня по щеке.

Боже. Хотела бы я быть хоть слегка менее сломленной, не такой унизительно слабой.

Моей матери было бы очень стыдно.

Именно эта мысль, как ничто другое, заставляет меня прерывисто вздохнуть и поднять голову. Тильной стороной ладоней я стираю слезы со щек и встаю, отстраняясь от прикосновений Эллис и выдавливая дрожащую улыбку.

— Я в порядке, — говорю я ей. — Прости. Я не знаю, что... Я обычно не такая.

Слова звучат фальшиво; та часть меня, которая была в больнице, которая неделями лежала, свернувшись калачиком

на тонкой постели, одуревшая от горя и медикаментов, знала правду.

Я всегда была такой.

И Эллис теперь это знает, потому что она видела, как я расклеилась в центре этого антикварного магазина. Она — боже мой — она знает, что я сочинила другую версию смерти Алекс. И что я в нее поверила, она знает тоже.

— Не знаю, зачем я сказала про ту гору, — поясняя я, стараясь не смотреть в лицо Эллис, и вместо этого упорно разглядываю перчатки на руках. Кожа на кончиках пальцев потерта, след чьих-то пальцев, отголосок чьей-то жизни.

Только это тоже неправда. Теперь, когда я здесь и думаю об этом, я вспоминаю. Это придумала доктор Ортега в качестве упражнения. Стараясь убедить меня, что смерть Алекс не была моим проступком.

«Напиши рассказ, — предложила доктор. — Напиши так, словно Алекс погибла где-то совсем в другом месте и без драки».

Я написала о горах, снеге и осенних бурях, о веревке и ноже. Доктор Ортега читала это, склонившись над своим столом, пока я сидела на стуле напротив нее, смирно сложив руки на коленях, ожидая ее вердикта.

«Как ты себя чувствуешь, написав этот рассказ?»

— Я прочитала в какой-то статье, как Алекс рассказывала, что у нее была стычка с профессиональной альпинисткой, — говорит Эллис, притягивая меня обратно. — Она рассвирепела и сломала сопернице нос. За это ее вышибли из олимпийской команды.

Точно. Все верно, она это сделала. Той летней ночью Алекс, вся в слезах, звонила мне, она так сильно плакала, что я с трудом понимала, что она говорит по телефону.

Я закрылась в своей комнате, где мать не могла подслушать, и умоляла Алекс объяснить, как это произошло. Однако она не смогла.

«Этому нет оправдания, — сказала мне Алекс. — Я все испортила, я облажалась, я такая...» И между рыданиями я по крупице собирала историю безжалостных издевательств, дедовщины и вредительства.

По характеру Алекс была как-то особенно порочна и энергична, вспыхивала ярко, как зажженный магний. Не имело значения, заслуживал ли этого ее мучитель, но Алекс срывалась и нападала, не выдержав наконец, что с ней обращаются презрительно из-за того, что она не может позволить себе лучшую экипировку или новейшие ботинки.

Алекс набросилась на ту девушку, тем самым разрушив свою карьеру.

— Да, — говорю я тихо. — Все продолжали обсуждать это, даже когда мы вернулись в школу. Алекс это ненавидела. Она... она ненавидела, как на нее смотрели. Может быть, именно поэтому.

Я хотела бы устроить ей лучший конец. Более счастливый. Чтобы он был не столь жестоким, в котором Алекс не была бы такой сердитой.

Я шмыгаю носом, опять вытираю щеки и, наконец, смотрю на Эллис.

— Прости. Я не хотела устраивать сцену. Я... в порядке.

— Ты уверена? — спрашивает Эллис, и я киваю. Она сжимает губы в тонкую полоску и отворачивается, делая вид, что интересуется древними пожелтевшими книгами, выстроившимися на полке позади нее.

Какая-то часть меня не хочет покидать этот магазин, выходить за эту дверь и возвращаться в кампус, туда, где

умерла Алекс. Я не хочу уходить из реальности, которую написала для доктора Ортеги.

Конечно, у меня нет выбора. Я больше не хочу лгать себе.

Я вновь стараюсь вспомнить, как было на той горе, но в этот раз воспоминания смутные и далекие, похожие на коричневатые фотографии в рамках, стоящие на старинном пианино в этом магазине. Я больше не могу вспомнить вкус снега на языке. Я не помню фактуру веревки.

Мы проводим в магазине еще около получаса в молчании. Эллис покупает шляпу, а я ухожу с чудесным старинным экземпляром «Ребекки», у которой между страниц заложена незабудка.

Мы не разговариваем, пока едем в кампус. Но Эллис протягивает руку и касается моего плеча, прежде чем мы выходим из машины. Всего на мгновение. Но я еще несколько часов ощущаю тепло ее руки.

Не знаю, как мне удастся уснуть этой ночью, но я засыпаю — только чтобы проснуться с бешено колотящимся сердцем и криками Алекс в ушах. Клянусь, ее голос все еще отдается эхом от стен моей тесной спальни, как будто крик этот проник в мой сон из реального мира, а не наоборот. Я смотрю на будильник, обхватив рукой лоб и жмурясь от сияющих красных цифр: 3:00.

В животе у меня беспокойно, меня мутит, как в море во время шторма. Я встаю, включаю свет, обнимаю себя обеими руками за шею и, прижавшись спиной к двери, осматриваю пустую комнату. Здесь никого нет. Никакой закутанный в саван дух не выходит из ада, чтобы мучить меня.

Затем мой взгляд падает на окно. Эта картина, словно выстрел в горло, перекрывает воздух, звон стоит в ушах.

Ночью поднялся туман и заволок окно за моим столом. В этом тумане снаружи на стекле виднеется идеальный отпечаток руки, маленькие ручейки воды стекают по холмистой ладони.

В дневном свете — после долгих часов, которые я провела, свернувшись калачиком под одеялами, потя и чувствуя тошноту; бегая в ванную, пока меня не стошнило так сильно, словно селезенка вышла вместе с содержимым желудка, — я пытаюсь найти обычное объяснение тому, что видела. Но не смогла припомнить, чтобы я когда-нибудь прижимала руку к окну в спальне, к тому же оно слишком высоко, чтобы какой-нибудь прохожий прикасался к нему снаружи. Я воображаю некое злое существо, выползающее из леса, безликое, высокое, как стволы деревьев, как оно вглядывается в окно и видит меня спящую. Я представляю качающуюся на дубе Тамсин Пенхалигон.

Я бы предпочла причину, пришедшую из дикого леса, но подозреваю, что дух, оставивший этот след, живет гораздо ближе.

— Ты нездорова?

Я поднимаю голову от книги. Я читала в главной библиотеке с самого открытия, с восьми утра, убежав от темных углов и наклонных полов Годвина в уютный свет флуоресцентных ламп. Я не могла быть там. Все напоминало о том, как меня мутило ночью, от стакана с водой до зубной щетки на раковине. И казалось, что каждый уголок окутан тайнами, что Алекс смотрит на меня из тени. Пока сидела в библиотеке, я закончила читать «Призраки дома на холме» и принялась за «Ребекку», которая хоть и является моей любимой книгой, но пропитана при этом темой жутких особняков,

в которых обитают призраки мертвых женщин. Тошнота пульсирует под грудью, ненасытная.

Эллис стоит, прислонившись бедром к стене моей кабинки, скрестив длинные ноги в районе щиколоток. Она стоит спокойно и, наверное, довольно долго, а я слишком поглощена слогом Дюморье, чтобы ее заметить.

— Что? — после долгого молчания говорю я.

— Ты бледная. — Она постукивает пальцем под глазом. — Темные круги. Ты нездорова?

Я не понимаю, зачем она спрашивает, после вчерашнего. Она знает, почему я расстроена. Может быть, Эллис так проявляет заботу, не позволяя ей перейти в жалость.

Но мне не нужна забота. Я спала прошлой ночью, вроде бы. Вышла из дома утром. Теперь я далеко от Алекс; мне просто нужно время.

— Я в порядке. Ты меня преследуешь?

Она не удостоивает меня ответом.

— Вставай. Пошли.

— Куда? — спрашиваю я, но уже запихиваю книгу в сумку и поднимаюсь на ноги. Через девять часов надоедает даже библиотека. Эллис могла бы привести меня даже в подземное царство к Персефоне, и я была бы рада смене обстановки.

Следуя за Эллис, я возвращаюсь в комнату отдыха Годвин-хаус, где она усаживает меня в кресло у окна.

— Будь здесь, — приказывает она и исчезает в кухне.

Когда я согласилась идти с ней, то не думала, что она имеет в виду вернуться *сюда*.

Со вздохом я откидываюсь на подушки, подставив лицо солнечному свету. Снаружи, может быть, и зябко, но на мою кожу сквозь стекло льется теплый свет; я представляю, как он проникает сквозь кожный покров и пускает корни в костном

мозге. Здесь нет призраков. Нет воспоминаний о смерти — в горах или где-то еще.

Я больше не позволю Алекс доставать меня.

Эллис появляется с подносом в руке, на котором стоят чашка и чайник. Она ставит поднос на пуфик, присаживается на корточки и наливает дымящуюся чашку жасминового чая — со своего места я чувствую аромат, — длинные лепестки раскрываются на фоне белого фарфора. Чашка только одна.

— А ты не будешь пить? — спрашиваю я.

— Терпеть не могу что-либо без кофеина, — отвечает она. — Открой окно, пожалуйста.

Я подчиняюсь. Щекотка старая; требуется время, чтобы сдвинуть ее и немного приоткрыть окно, впуская свежий воздух. Думаю, это окно не открывали лет пятьдесят. Может быть, и дольше — с тех пор, как в Годвин-хаус жила Пятерка из Дэллоуэя, проливавшая кровь на эту землю.

Эллис усаживается в другое кресло и достает портсигар из внутреннего кармана блейзера.

— Хочешь?

— Нет, спасибо. Я бросила. — Вот это — правда. Вкус сигарет напоминает мне о той последней вечеринке с Алекс в Болейн-хаус.

Я надеюсь, что бы ни хотела сейчас Эллис, это не имеет к тому никакого отношения. Не имеет отношения к ней. Вчера я была очень эмоциональна, говорят, это полезно для здоровья, но я не очень-то стремлюсь к повторению.

Она зажигает спичку и наклоняется вперед, чтобы поджечь сигарету, кончик светится вишневым, когда она затягивается. Знакомый сладкий запах разливается в воздухе, и я поднимаю брови:

— Это?..

— Ты передумала? — лукаво говорит Эллис и передает косяк. Судя по ее хитрой усмешке, она уже знает ответ.

Ее губы оставили на бумаге алый след.

Я делаю глубокую затяжку, касаясь губами следа, оставленного Эллис, и держу дым в легких, пока он не истощается. Когда я выдыхаю, напряжение покидает меня вместе с воздухом. Сейчас это... что-то знакомое, но не связанное с Алекс. Впервые я курила в Сильвер-Лейк, тот косяк украдкой пронесла моя соседка по комнате. Мы разделили его на черной лестнице, тайком выпуская дым в стылый зимний воздух и считая недели до свободы.

Эллис кладет одну ногу на подушку сиденья, ее поза так же грациозна, как у денди девятнадцатого века.

— Пей чай, — говорит Эллис.

Я безоговорочно подчиняюсь и наблюдаю поверх края чашки, как Эллис подносит косяк к красным губам, сложенным, словно для поцелуя.

— Ты не спала прошлой ночью? — спрашивает она.

По мне вновь прокатывается волна озноба, будто холодная капля воды стекает по позвоночнику.

— Немного, — признаюсь я. — Я проснулась в три и не смогла вновь уснуть. Ночной кошмар.

Я мысленно скрещиваю пальцы, чтобы она не припомнила вчерашнее и не связала мою бессонницу с теми откровениями. Я хочу, чтобы она считала меня *нормальной*, не... слабой.

Она раздавливает косяк о чайное блюдце.

— Ну, это ведьмин час, — говорит Эллис, указывая на бабушкины часы. Кажется, она все-таки не смогла починить эту вещь.

Три часа. В это время я проснулась прошлой ночью. В то же время Алекс впервые проникла в мои ночные кошмары

здесь, а в Годвин-хаус остановились старинные часы. Потом я прикинула: три было и тогда, когда мы с Алекс покинули вечеринку, когда она погналась за мной на скалы.

— Несчастливое число — три, — задумчиво говорит Эллис. — Ты знаешь, что через три года после убийства Флоры Грейфрайар все участницы Пятерки из Дэллоуэя были мертвы. Ровно три года, *день в день*.

Конечно я знаю.

— Я вижу, твое исследование здорово продвигается.

Эллис улыбается.

— Не раздражайся так по этому поводу, Фелисити. Вряд ли я начну верить в магию, демонов и все такое просто потому, что читаю о них.

«Ну да, не то что я», — хочется огрызнуться мне — но Эллис ничего такого не имеет в виду. Она *не знает*.

Эллис Хейли — многогранная натура, но в ней нет преднамеренной жестокости.

Даже если и так, мне приходится делать усилие, чтобы моя реакция не отразилась на лице. Я не хочу, чтобы Эллис поняла, как остро ранят ее слова.

— Несчастливое число, — вместо этого соглашаюсь я.

— Ты закончила с чаем?

— О, да. Спасибо.

— Превосходно. — Эллис достает из сумки книгу и кладет на стол, постукивая кончиками пальцев по корешку. — Передай сюда.

Я не задаю вопросов. И только после того, как я устраиваюсь поудобнее на диване лицом к ней и протягиваю ей чашку с блюдцем через стол, мне в голову приходит мысль, что это странная просьба. В любом случае я здесь, сижу напротив Эллис в коричневом в тонкую полоску блейзере, с остатками чая, остывающими в тонком фарфоре.

— Ты слышала о тассеомантии? — спрашивает Эллис. Теперь я вижу, что книга, которую она вытащила из сумки, называется «Предсказание будущего по чаю». Она, должно быть, взяла ее в оккультном отделе библиотеки.

— Чаинки?

Эллис улыбается кончиками губ; ее помада даже не размазалась. Меня это почему-то раздражает.

— Я подумала, что ты смогла бы. Тебе это близко, со всем твоим интересом к таро и всякому такому.

— Ты выставяешь меня какой-то... — Я не могу закончить предложение, но уверена, мои пылающие щеки говорят больше, чем я пытаюсь выразить словами.

— Нет, мне кажется, это мило, — отвечает Эллис, и от ее слов мне становится еще хуже. — Конечно, я читала об этом для своей книги. Думаю, что опишу Тамсин Пенхалигон как гадалку, поэтому хотела бы узнать о том, как делаются предсказания, сама. Ты не возражаешь?

Я вопросительно вскидываю брови.

— Я смогу прочитать твои чаинки? — уточняет Эллис.

— О. — Каждый раз, когда я гадала себе на картах, будущее было темным и невнятным. Я не уверена, что хочу, чтобы Эллис изучала меня с таким интересом. Но неожиданно для себя говорю:

— Хорошо. — И на губах Эллис появляется вполне оправданная ухмылка.

— Фантастика. Ну же, бери свою чашку... Нет, в другую руку. В левую. Взболтай оставшийся чай три раза слева направо.

— Что дальше?

— Теперь переверни чашку вверх дном на блюде и оставь в этом положении.

Так я и делаю. В тишине комнаты звяканье фарфора оглушает.

— Не могу поверить, что ты решила изучить гадание на чаинках.

— Писательский подход, помнишь?

Возможно, меня удивляет не то, что Эллис изучила тасеомантию. А то, что она предпочла узнать о ней из этой книги, которую сейчас так внимательно изучает, скользя пальцами по тексту, чтобы не сбиться. Легче представить ее изучающей жизненный опыт, нежели книгу: Эллис в прокуренном лондонском салоне, развалилась на шелковом диване и курит опиум, пока ясновидящая с закрытым вуалью лицом предсказывает ее будущее по кофейной гуще.

Мы сидим так около минуты, прежде чем Эллис разрешает мне трижды повернуть чашку и затем поднять ее.

— В какой стороне юг? — спрашивает она, и когда я говорю ей, велит мне направить туда ручку чашки, потом тянется через стол и подвигает блюдец к себе.

Эллис наклоняется над чашкой, ее взгляд скользит от маленького пучка листьев, собравшихся напротив ручки, к пятнышкам, размазанным по дну. Ее лицо застыло в маске сосредоточенности; хотелось бы мне иметь способность проникнуть в ее голову, пролистать ее мысли, прочитав их так же легко, как она, похоже, читает мои.

— Я должна была придумать вопрос? — Карты таро обычно спрашивают. Я не знаю, нужно ли это для гадания по чаинкам.

— О, я понятия не имею. Предполагаю, что смогу предсказать твою судьбу в целом, если ты не возражаешь.

Я не против. Я определенно предпочту, чтобы она задала общий вопрос и не смогла его интерпретировать, чем сама буду спрашивать что-то конкретное, например: оставит ли меня в покое дух Алекс? Или смогу ли я когда-нибудь снова собрать себя воедино?

— Тут крест, — говорит Эллис. Она пролистывает книгу о гадании по чайинкам до указателя, ведет пальцем по длинному списку ключевых слов, пока не находит нужное. — Он означает смерть — не удивительно, наверное, учитывая твою историю. Он находится на дне чашки, следовательно, это события, произошедшие в прошлом.

Я немного наклоняюсь вперед, стараясь заглянуть в чашку из-за ниспадающих непослушных волос Эллис. Конечно, я не могу ничего из этого понять.

— Гора, — говорит она. — Это обычно влиятельные друзья. О, очевидно, ты сделаешь еще и успешную карьеру, как славно. Наверное, на этом пути ты и встретишь этих влиятельных друзей? — Она одаривает меня мимолетной улыбкой. — А еще у нас есть нечто, похожее на руку. — Она снова полезла в книгу, перелистывая главы вперед и назад. — Это означает какие-то отношения: либо ты поможешь людям, либо они помогут тебе. Еще это может означать правосудие. Но это совсем разные интерпретации, не так ли?

— Я думаю, у тебя ничего не получилось, — криво улынувшись, сообщаю я ей.

Она улыбается и снова склоняется над чашкой.

— Ладно, в последний раз. Это похоже на какую-то птицу... это знак опасной ситуации. Но также это может означать, что за тобой следят злые духи — я не уверена, какие именно. Может быть, призраки Пятерки из Дэллоуэя приходят, чтобы преследовать своего колдовского наследника?

Духи. Или дух, единственный. В этом доме я попыталась не обращать внимания на свое подавленное состояние, но после прошлой ночи... тот отпечаток на окне, сразу после того, как я осознала правду... слишком много совпадений. Я вновь ощущаю тот металлический привкус на моем языке.

Алекс вечно говорила, что я одержима Пятеркой из Дэллоуэя и магией в целом. Говорила, что я противоречу здравому смыслу. Что я сумасшедшая.

Но это совсем не так.

Некоторые вещи слишком мрачные, чтобы их можно было разглядеть или объяснить.

Должно быть, я заметно вздрагиваю, потому что Эллис захлопывает книгу и отодвигает чашку, столкнувшись с моим взглядом через стол.

— Не переживай, — говорю я с натянутой улыбкой, — я не испугалась какого-то намокшего...

Звон разбивающейся керамики такой громкий, что кажется выстрелом. Вскочив на ноги, дрожа, я таращусь в другой конец комнаты, где с каминной полки упал цветок, разбрасывая глиняные осколки и черную землю по паркету.

Это она. Я знала. Она не оставит меня в покое. Ни сейчас, ни впредь. *Это она, это она...*

Эти слова крутятся в моей голове, пульсируют в мозгу. Эллис отодвигает блюдо и наклоняется ко мне, ее распахнутые глаза серые, как холодная вода в пруду.

— Фелисити, — начинает она, потянувшись ко мне; я отшатываюсь.

— Это она, — задыхаюсь я. Я хочу прижать руку к лицу, но не осмеливаюсь закрыть глаза. Даже здесь, даже при Эллис, Алекс не оставит меня в покое. — Она никогда не будет... Она...

— Поговори со мной, Фелисити.

Я делаю глубокий резкий вдох, заставляю себя отвести взгляд от цветка. Его, должно быть, недавно поливали; темная жижа растекается по полу, пачкая бахромой ковра.

— Что происходит? — Эллис настойчива.

Я сажусь, но меня трясет так сильно, что Эллис, наверное, чувствует это, когда я опираюсь локтем на стол.

— Ничего, — отвечаю я, стараясь успокоиться.

Но Эллис почуяла кровь, мое мягкое подбрюшье обнажилось, и в этом смысле — да во всех смыслах — она акула, и никак иначе:

— Расскажи мне.

Я складываю руки на коленях, пряча их под кофейный столик. Дыхание обжигает мне затылок. Интересно, может ли Эллис видеть позади меня Алекс, чьи костлявые пальцы смыкаются на моем горле?

— Ты подумаешь, что я дура.

Эллис окидывает меня жестким неодобрительным взглядом:

— *Никогда* бы не подумала, что ты дура.

«*Сейчас ты уже это сделала*», — говорит голос в моей голове. Потому что слишком поздно. Я закрылась и создала этим для Эллис загадку. Мне придется что-то сказать, иначе она не оставит попытки развязать эти узлы — и если я подставляюсь Эллис во второй раз, боюсь, мне больше не удастся собрать себя воедино.

Я поморщилась:

— Это... — *Давай начистоту*. Хватит уклоняться, ты в тупике. — Ты веришь в призраков? — спрашиваю я. — Настоящих.

К ее чести, Эллис не смеется.

— Я уверена, что призраки — это всеобщий культурный феномен, — говорит Эллис. — Верю ли в них лично я, не принципиально; многие верят, возможно, они знают что-то, неизвестное мне.

Мне почти смешно. Реакция настолько характерна, это *насколько* Эллис, что ее я и ожидала.

Несмотря на все, что я прятала от Эллис, она от меня не скрывалась. Она — открытая книга.

— Как академично.

— Такая уж я, — говорит она. — Интеллектуалка широких взглядов.

Эллис по-прежнему смотрит настороженно, но страх уже перестал сжимать мои плечи, они опустились, руки расслабились.

— Не знаю. Может быть, мне все привиделось.

Эллис не отвечает. Она молча ждет, и я продолжаю говорить, чтобы заполнить эту тишину.

— Но... с тех пор, как я вернулась сюда, в Годвин-хаус... я чувствую, что она... Алекс... что она, возможно... — Боже. Нужно перестать увиливать. Необходимо облечь это явление в слова. Мне нужно назвать его, дать ему имя и уничтожить его власть надо мной. — Я считаю, что она меня преследует.

Взгляд Эллис метнулся к чашке, к налившим чаинкам, сообщившим о смерти и предательстве. О *моем*, конечно, предательстве по отношению к Алекс.

— А почему бы и нет? — я продолжаю, понизив голос до шепота. — Призракам не нужен отдых. А она умерла, потому что я... Я бы тоже захотела отомстить.

— Ты думаешь, будто она считает, что ты ее убила, — говорит Эллис.

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю, что думает Алекс.

Но я знаю, что думают все остальные. Я читаю это во взглядах исподтишка, в тайных перешептываниях. Я помню, как Клара изобразила пальцами ножницы на вечеринке в Болейн. Прежде в моем затуманенном сознании была мысль, что они обвиняют меня в том, что я перерезала

веревку. Сейчас я знаю — они вообще не поверили в мой рассказ.

Несколько бесконечных мгновений Эллис смотрит на меня, сузив глаза и сжав рот в тонкую линию. Я почти не сомневаюсь, что она откажется от своих вчерашних слов, скажет: «*Действительно — ты и есть убийца*», пустится в свойственные ей расспросы о том, почему я это сделала и как я себя при этом чувствовала. Как удобно для Эллис иметь настоящую убийцу прямо под боком, готовую наполнить яркими красками образ вымышленного ею психопата.

Но потом...

— Ладно, — говорит Эллис. — Хватит об этом. Ты будешь помогать мне с моим проектом.

— С каким проектом?

— С исследованием для моего романа, — говорит она. — Мне нужно как-то восстановить обстоятельства убийств в Дэллоуэе, поэтому я обдумывала, как бы это спланировать. Если я возьму их смерти в качестве вдохновения, смоделирую современную версию убийств так, как, считаю, они *могли* бы произойти, — если я пройду весь путь от начала до конца, — тогда я смогу об этом написать. А ты, — она приподнимает бровь, — поможешь мне.

В этот раз я все-таки смеюсь, но смех выходит лающим, похожим на кашель умирающего.

— Почему? — говорю я. — Потому что ты считаешь, я знаю нечто об убийствах людей?

Я ведь солгала ей, в конце концов. Я солгала, и воспоминания об этом все еще висят между нами, как дым, отравляющий наши легкие. Я умудрилась забыть слишком многое о той ночи с Алекс, и Эллис теперь об этом знает.

Что еще она, по ее мнению, знает обо мне?

О чем еще подозревает?

— Нет. — Эллис отодвигает чашку с блюдцем и снова наклоняется над столом, упираясь локтями в столешницу и устроив подбородок на сложенные кисти рук. — Потому что ты знаешь все, что только можно узнать, о Пятерке из Дэллоуэя. Потому что ты *провела исследование* по ним — ты четко выполнила домашнее задание. Не хочу показаться тебе прагматичной, но я бы хотела извлечь из этого выгоду.

— В нашей школе целая оккультная библиотека, — общаю я ей. — Ты могла бы просто пойти туда.

— Дело не только в этом. Ты никого не убивала, Фелисити, у тебя не было злого умысла, и тебя никто не преследует. Призраков не существует, магии — тоже, и ты не убивала Алекс. Я тебе это докажу. Кроме того, — добавляет она, — если ты поможешь мне с работой, может быть, сможешь вернуться к твоей старой теме. Ты так много знаешь о ведьмах Дэллоуэя; это знание не должно пропасть даром. Вся эта литература ужасов заставляет тебя верить в призраков. Реальность есть реальность. Совершенно очевидно, что в последние недели ты далеко отклонилась от нее. Тебе не кажется, что пора бы уже вернуться на твердую почву, заглянуть истории в глаза и назвать ее так, как она и зовется?

— Я не потеряла связь с реальностью, — спорю я, но и сама не верю в это. Я потеряла. Вчера я это и продемонстрировала. Я хочу возразить, что многие люди верят в духов и ведьм и никто не сомневается в их здравомыслии, но подозреваю, что Эллис умудрится извратить мои слова.

— Помоги мне, — говорит Эллис. — Я хочу воспроизвести убийства в Дэллоуэе. Конечно, не по-настоящему — но мы сможем понять, как все произошло. Потому что там не было магии, какими бы невероятными ни казались эти смерти. Возможно, кто-то хотел подставить девушек

из Дэллоуэя, чтобы преследовать их, обвиняя в создании собственной организации. Тогда было бы легко убедить людей в том, что пять необычных образованных девушек были ведьмами. Мы пройдем через каждую смерть, одну за другой, и выясним, как они были реализованы без использования магии. Мне будет полезно понять механику всего этого для моей книги.

Нелепое предложение. Я это знаю. Я *знаю* это. Но Эллис смотрит на меня глазами, горящими каким-то таинственным внутренним светом, длинная прядь черных волос спадает ей на лицо. Все, чего я хочу, — это заправить ее обратно Эллис за ухо — это сильно отвлекает, — но неожиданно для себя говорю:

— Хорошо.

— Хорошо?

— *Прекрасно*. Я помогу тебе. Мы... — Нервный смешок вырывается из меня; я никогда не была истеричной. — Мы реконструируем убийства в Дэллоуэе, и ты напишешь свою книгу, и тогда мы все будем жить долго и счастливо. Не та концовка, которую ожидаешь от Эллис Хейли.

Эллис закатывает глаза, и у меня мелькает мысль, не являюсь ли я первым человеком, кому удалось заставить Эллис Хейли сделать что-то столь банальное, как *закатывание* глаз.

— Это будет хорошим завершением для тебя, — говорит она, встает и берет веник, чтобы убрать разбитый горшок. — Доверься мне.

— Даже не знаю, — отвечаю я, но мы обе понимаем, что это мало на что влияет.

Доверяю я Эллис или нет, мне нужно это сделать. Мне необходимо понять, что случилось в ту ночь, когда погибла Алекс. Мне нужно знать, не затаилась ли в моей душе тень Марджерии Лемонт, управляющая моими руками и словами.

Призрак, вызванный Пятеркой из Дэллоуэя, не успокоился, пока не погубил их всех. Я хочу узнать, не довлеет ли надо мной то же проклятие. Не проклял ли нас с Алекс дух Марджери во время того незавершенного ритуала. Не он ли убил ее.

Что бы ни было причиной осколков горшка на полу и туманного отпечатка ладони на окне, я должна встретиться с этим лицом к лицу.

Мне нужно посмотреть правде в глаза.

ГЛАВА 11

Я не говорю Уайатт, что снова изучаю ведьм.

Наверное, потому, что знаю, что она скажет. Я даже представляю себе, как на ее лице проступает разочарование. Я могу предположить, что она решит позвонить моей матери, которая позвонит доктору Ортеге, которая спросит, принимала ли я свои лекарства.

Лучше подождать, доказать, что я здорова — стабильна, — прежде чем я расскажу Уайатт правду.

И еще мне нужно провести исследование, теперь не только для себя, но и для Эллис, если я собираюсь помочь ей писать книгу. Я перечитала свои старые записи десятки раз, но они полны ссылок на первоисточники, на полях нацарапаны вопросы, на которые я намеревалась ответить позже, когда смогу вернуться к собранию оккультных книг.

Выбора нет. Мне необходимо получить доступ к первоисточникам, прежде чем я смогу сделать что-нибудь еще. В прошлом году Уайатт дала мне подписанный бланк допуска, который нужен, чтобы студент мог попасть в оккультную библиотеку. Говорят, это потому, что книги старые и редкие, но на самом деле все из-за того, что администрация опасается, что кто-нибудь еще может оказаться в моей

ситуации. Не имею никакого представления, действует ли мой старый допуск, но все равно улыбаюсь библиотекарю за стойкой регистрации, когда передаю его вместе со студенческим удостоверением.

— Добрый вечер, — говорю я и замечаю, что произношу слова более четко — с акцентом моей матери, пропитанным всеми оттенками привилегий и власти. — Мне нужно в отдел оккультной литературы. Фелисити Морроу.

Библиотекарь изучает мой допуск и сканирует удостоверение. Она отрицательно качает головой.

— Боюсь, ваш допуск к работе с этими книгами был отозван, — говорит она, возвращая мне удостоверение.

Ну конечно, отозван.

— Вы уверены? Проверьте еще раз, пожалуйста, — прошу я.

Женщина поворачивает монитор компьютера, чтобы я видела экран, набирает мое имя, и я вижу, как на ярко-красном фоне появляется надпись: ЗАПРЕЩЕНО.

Я точно знаю, что Эллис захаживала в оккультный отдел; в конце концов, где бы еще она взяла книгу по тассеомантии. И все же что-то во мне противится перспективе просить ее пойти за меня. Не хочу давать ей возможность задавать вопросы, на которые я не могу ответить.

Поэтому я возвращаюсь в Годвин-хаус, кладу в сумку сэндвич и бутылку воды, а затем возвращаюсь в библиотеку и заказываю кабинку для работы на пятом этаже — самом пустом этаже, отведенном под школьный отдел энциклопедий. Я занимаюсь тем, что дочитываю новую книгу Ширли Джексон, а после печатаю несколько абзацев для своего эссе по европейской истории.

Постепенно редуют ряды даже тех немногих учениц, что добрались до пятого этажа, последние из них начинают

укладываться, когда моргает свет, сигнализируя, что библиотека вот-вот закроется на ночь.

Раньше я была одной из тех непослушных учениц, которые задерживались как можно дольше, чтобы закончить еще одну главу, еще страничку. Библиотекари пройдут мимо в любую минуту, проверяя, все ли ушли домой; в основном я знаю это из опыта. А еще я знаю, что они не будут проверять *везде*.

Я беру свой сэндвич и усаживаюсь среди стеллажей, поглощаю свой поздний ужин и слушаю эхо, раздающееся от стука каблучков по паркету, когда одна из библиотекарей обходит кабинки для чтения.

Потом следует звук закрывающейся двери, свет гаснет, теперь меня окружает тьма.

Я вытаскиваю фонарик и щелкаю выключателем. Янтарный луч света прорезает мрак узкого тоннеля. Стеллажи теперь кажутся выше, настороженно нависают из темноты, когда я прохожу мимо. Наверное, это было не такой уж и хорошей затеей; кожу на моем затылке покалывает, когда я опускаюсь на лифте в подвал, примыкающий к оккультному отделу. Я боюсь оглянуться, зная, что, если сделаю это, найду там *ее*, роняющую капли воды на кафельный пол, с глазами, похожими на черные ямы, и острыми зубами.

Я выскакиваю из лифта, как только он останавливается, не дав дверям даже раскрыться полностью. Но становится еще хуже, когда я ныряю под бархатный шнур и протискиваюсь в дверь оккультного отдела. Если Алекс преследует меня, обитает в школе — если Годвин-хаус — это эпицентр *ее* силы, — то здесь эпицентр *их*. Пятерки из Дэллоуэя.

Я ловлю себя на том, что смотрю сквозь железную решетку на лежащий том «Молота ведьм» в кожаном переплете, я дышу неглубоко и часто, боясь утонуть в темноте.

Вот в чем моя проблема. Несмотря на свой страх, несмотря на все, что уничтожила моя одержимость, я *хочу* снова быть здесь. Я тянусь к этим книгам, как мотылек к огню. Я не могу без них.

Раньше я проводила долгие часы в этой комнате, изучая «Истинный гримуар» на листах папируса в переплете из кожи кобры. Я исписала множество страниц заметками из «Книги Парамазды».

Мне бы листать криминальные романы ужасов и видеть кошмары из-за книги «Желтые обои» Шарлотты Гилман. Мне бы проводить день у стеллажей с общей литературой за чтением уютных, успокаивающих книг, потом возвращаться домой к горячему чаю и теплой постели. Мне бы не открывать замок на материалах по делу Годвин, не мыть руки и не усаживаться читать за стол, залитый янтарным светом.

Но собрание оккультной литературы в Дэллоуэе — это единственное место в стране, где я смогла бы найти нужную мне информацию: как избавиться от проклятия, которое мы с Алекс сами на себя навлекли, как завершить ритуал с опозданием на год.

Позвоночник трещит от напряжения, когда я открываю второй том летописей Дэллоуэя, его тяжелый кожаный переплет неохотно опускается на поверхность стола. Его запах не изменился. Как внутри могилы. Заголовок, написанный коричневыми чернилами в каллиграфическом стиле восемнадцатого века вверху первой страницы:

*Отчет о судебном разбирательстве по делу
Марджери Лемонт, Беатрикс Уокер,
Корделии Дарлинг и Тамсин Пенхалигон,
обвиняемых в убийстве Флоры Грэйфрайар*

Суд состоялся в 1712 году, задолго до появления фотографии, но, как и большинство из нас в Дэллоуэе, обвиняемые девушки были из богатых семей. Здесь, в недрах библиотеки, сохранился портрет Марджери Лемонт; он висит на восточной стене рядом с портретом ее матери, основательницы школы. Когда я поднимаю глаза от книги, Марджери смотрит на меня холодным и непроницаемым взглядом. Художник изобразил ее в пышных бледных шелках, черные волосы волнами ниспадают на плечи, вопреки моде того времени. У нее длинный тонкий нос, губы слегка улыбаются, но именно ее глаза привлекали меня больше всего. Светло-зеленые в нижней части радужки, они темнеют до черного за меридианом зрачков. На фоне этой тьмы поблескивает крошечное пятнышко света.

Говорят, что она донимает школу — и, в частности, Годвин-хаус — вместе с остальными из Дэллоуэйской Пятерки. Конечно, эта легенда — выдумка или же была выдумкой, пока мы с Алекс не сделали ее правдой.

Как свидетельствует этот документ, Флора Грейфрайар была найдена обескровленной в лесу, с рассеченной грудиной, и ее белое платье намокло от крови. Ее тело было последним в серии найденных трупов меньшего размера: зарезанный кролик, обескровленная овца. В судебном разбирательстве нет упоминания о ранении из мушкета, хотя повторяется рассказ о травах и цветах, разбросанных по ее телу.

Я перечитываю свидетельские показания девушек. Сложно представить, что они были живыми, розовощеками и энергичными, когда история их смерти настолько чудовищна.

По сути дела, этой ночью я перечитываю полный отчет о расследовании убийства, хотя читала его уже столько раз,

что знаю практически наизусть. Конечно, есть и другие отчеты, но я раз за разом возвращаюсь к этому. Наверное, какая-то часть меня предполагает, что если об этом говорили в зале суда, то, скорее всего, это самая правдоподобная версия событий — хотя я не уверена, что это на самом деле так. Каждый раз, читая, я думаю, что найду какую-нибудь новую деталь: новый намек на заклинания, которые они произносили, какие тайные искусства, требовавшие смерти Флоры, они практиковали — если таковые вообще были. Бесплезно. Девушки заявляют, что они никогда даже не прикасались к Флоре. Они признаются, что проводили спиритический сеанс, такой же, какой я испортила в прошлом году, проводя его с Алекс. Но девушки настаивали, что это было всего лишь забавное развлечение, дружеская шутка, ничего злонамеренного. И что это не имеет отношения к смерти Флоры.

Неважно, что некоторые горожане выступали очевидцами того, как девушки устраивали вакханалии в лесу и, напившись вишневого вина, общались с дьяволом — это был не Салем. И это не был Норфолк, где Грейс Шервуд выжила в испытании водой и была оправдана по обвинению в колдовстве; или не Аннаполис через год после расследования в Дэллоуэе, где Верчу Вайолл также была признана невиновной. Первые лица города были образованны и богаты, далеко не пуритане; они не поверили, что молодые девушки были способны на такую сатанинскую жестокость.

Или, может быть, они просто испугались тогдашней директрисы Дэллоуэя, дочери салемской ведьмы.

Если Марджери избежала своей участи потому, что была дочерью Деливанс Лемонт, это не помогло ей прожить долгую жизнь. И если городские власти были слишком образованными, чтобы поверить в магию, это вовсе не относилось

к простым людям, которые, чтобы выжить, полагались на благоприятный урожай и рогатый скот. Если девушки в школе были ведьмами и обратили бы свои дьявольские взоры на поля и фермы, то город бы пропал. В конце концов, обычные работающие люди не имеют возможности жить за счет преподавания и на деньги, полученные в наследство.

По крайней мере, именно это, по словам историков, и произошло с девушками. Возбужденные толпы безумцев жаждали сурового правосудия.

И вот, одна за другой, девушки Пятерки из Дэллоуэя умирают — каждая при мистических обстоятельствах. Ритуальное убийство Флоры Грейфрайар было искуплено их кровью.

Все эти смерти Эллис хочет воспроизвести. Она настаивает, что здесь нет мистических причин, хотя я до сих пор не понимаю, что она считает альтернативой. Также я не понимаю, почему она принимает за чистую монету мнение толпы.

«Я хочу перепроверить версию о психопатии», — сказала Эллис.

Может быть, она считает, что Марджери несет за все это ответственность.

Я тоже в это верю. Согласно более поздним записям, как только закончился суд, она призналась. Она *призналась*. Анджелин Уилшир, булочница, утверждала, что однажды в воскресенье Марджери Лемонт, покупая хлеб, хвасталась, что принесла Флору в жертву дьяволу. Якобы Марджери сказала, что та была одержима духом, демоном. И если Марджери была виновна в смерти Флоры, то почему бы и не в остальных тоже?

Упоминание демона — это то, что раньше сдерживало мое недоверие.

И еще той ночью мы с Алекс были там, когда призрак Марджери Лемонт вышел из легенды в реальный мир. Я вовлекла ее в наши жизни и удержала здесь против ее воли. Я все еще чувствую ее пальцы, зацепившиеся за нити моей судьбы.

Если Марджери в самом деле была одержима... если девушкам не удалось завершить сеанс, если они заперли духа в нашем мире и он не успокоился, пока все участники не умерли...

Кто скажет, что она не сделала то же самое с нами?

«Как долго ты будешь наказывать меня?» — спрашиваю я чернила, которыми написано имя Марджери.

Но я здесь не поэтому. По крайней мере, это не единственная причина.

Я вытаскиваю записную книжку и нахожу список литературы, сверяя содержание с фолиантом, открытым на столе передо мной. Я делаю записи для Эллис — все, что может иметь отношение к делу, все, что наводит на мысль о вине Марджери, вместе со списком страниц на случай, если она захочет прийти сама.

Закончив записи, я возвращаю судебные протоколы на место, в стеклянный футляр. Нужно уходить. Я сделала то, зачем пришла. Нет нужды просматривать какие-либо другие книги.

Но я не могу перестать смотреть на колдовской том в шкафу возле двери. Это книга в синем переплете, таком старом, что он уже кажется серым, обложка покрыта темными пятнами от вина, посаженными какой-то древней ведьмой во время чтения.

Мои руки сжимаются в кулаки. Я не должна. Я не могу. Если я снова начну это, никогда не смогу остановиться.

С другой стороны... С другой стороны, было так трудно пробраться сюда. Я не могу быть уверена, что снова выпадет

такая возможность. Что, если бы Эллис использовала некоторые заклинания в своей книге? Это может быть полезным.

Увяз коготок — всей птичке пропасть...

Я открываю шкаф и, вытащив книгу заклинаний, быстро несу ее на стол для чтения. Это глупо, но какая-то часть меня считает, что магия не проникнет внутрь, если я не буду прикасаться с ней долго.

Я смотрю на книгу — во рту пересохло. Это *просто* книга. В ней нет особенной силы. Она не навредит мне, если я не позволю ей.

Истертая сотнями рук за сотню лет кожа легко гнется, когда я открываю обложку. Толстая пергаментная бумага царапает мои пальцы в перчатках, когда я переворачиваю страницы.

У этой книги не один автор. Почерк весь разный: иногда ровный, устойчивый, иногда неразборчивый. Иногда чернила яркие, черные; в другом месте они бледные, красно-коричневые, линии тонкие настолько, что невозможно разобрать написанного.

Я открываю записную книжку и снимаю колпачок с ручки. Мои руки трясутся — кляксы в конце каждой буквы, неровные поперечные линии, — пока я переписываю заклинание для изгнания злых духов. Но Эллис это может понадобиться.

А я... Я не буду его использовать. Но возьму так, на всякий случай.

Я вновь переворачиваю страницу — и вдруг мне становится нечем дышать. Воздух стал тяжелым, влажным, словно я выкурила целую пачку сигарет за раз.

На обороте — иллюстрация во всю страницу. Молодая женщина стоит на коленях, обнаженная, у ног высокой фигуры с белым, как кость, лицом. Изможденная вытянутая

образина с закрученными рогами и черными провалами на месте глаз, острые зазубренные ноздри: череп козла. Это создание протягивает тонкую руку, с которой капает кровь, чтобы нарисовать знак на лбу женщины.

Посвящение.

Члены ковена Марджери и так нечасто говорят об этом, но вне ритуалов и вовсе никогда. Эллис, возможно, даже не знает о том, что есть посвящение. Секреты Дэллоуэя доступны лишь немногим избранным: тем, кого мы посчитали достойными, и тем, кто достаточно силен, чтобы пережить страх. Но за запертыми дверьми, на тайных сходках по двое-трое девушек из каждого дома, некоторые из нас заглядывают во тьму.

Забуду ли я когда-нибудь, как выглядела Алекс той ночью? Нас поставили лицом друг к другу, двух новопосвященных из Годвин-хаус. Алекс была во фланелевых брюках и майке, обнажавшей тонкие ключицы и мускулистые плечи. Она выглядела такой чужеродной в окружении старших девушек в черных балахонах и масках в виде черепа.

Они зажгли свечи и благовония. Читали нараспев на латыни, греческом и арамейском — причудливая малопонятная смесь языков; сейчас меня это поражает, но в то время мне казалось, что тени росли и активизировались, подчиняясь нашей оккультной власти. Это была великолепная бесконечная ночь; она могла бы продолжаться и три часа, и три дня. Когда мой лоб мазали козлиной кровью, она была свежей, растекалась по лицу и застывала на ресницах. Руки были связаны, и я не могла ее вытереть; просто сидела, пока по моим щекам текли алые слезы.

В ту ночь я, наконец, стала одной из них — девушкой из Дэллоуэя, девушкой из Годвина — наследницей тех ведьм, что заложили камни, на которых мы стоим.

В ту ночь я впервые пожалела, что магии не существует.

Я закрываю книгу заклинаний и кладу на место. Кажется, тьма вздыхает за моей спиной, когда я покидаю библиотеку: словно духи наблюдали, ждали, когда я уйду.

Я возвращаюсь в Годвин-хаус в тишине и одиночестве, особенно когда приходится подниматься на холм через лес. Окна в Годвине темные, зашторенные; у меня возникает странное ощущение, что его душу высосали через щели под неровными дверями.

Я не захожу внутрь. Вместо этого пробираюсь на задний двор и плечом открываю шаткую дверь в садовый сарай. Маленькое каменное сооружение погружено в тень, мрак в этом месте сгущается так, что становится почти осязаемым.

Я нахожу маски на прежнем месте — даже если я уезжала на целый год, даже если инициировавшие меня сестры закончили учебу, некоторые вещи никогда не меняются. Я присаживаюсь на утоптаный пол сарая и провожу пальцем по маске, по отверстию для рта; на полу вокруг меня валяются секаторы и совки, прикрывающие память о нашем сообществе.

Меня могли исключить из ковена Марджери, но Эллис — нет.

Когда я возвращаюсь в дом, то вижу, что Эллис обосновалась на кухне. Ее пишущая машинка стоит на столе с видом на лес позади Годвина, черты лица и страница освещены одинокой мерцающей свечой. Эллис оборачивается, когда я вхожу, и свет отбрасывает на ее лицо тени, как от витражных стекол.

— У меня есть идея, — говорю я ей.

Если Эллис хочет понять ведьм Дэллоуэя, если она хочет подтвердить, что магии не существует, сначала она должна стать одной из нас.

ГЛАВА 12

— Отличная идея, — сразу говорит Эллис, когда я рассказываю о ковене Марджери. Конечно, в первую очередь я делюсь с ней тем, как шабаш происходит в современности, среди девушек из нескольких домов Дэллоуэя, — но упоминаю также и о Пятерке ведьм, танцующих обнаженными, молящихся старым богиням вокруг огромных костров и собирающих магические травы. Рассказы об их магии сохранились в школе, несмотря на самые строгие меры, предпринятые администрацией.

И честное слово, меня больше не волнует, что скажет доктор Ортега. Легенда не лжет.

По крайней мере Эллис следует знать о ковене Марджери. Она должна понять, что может быть инициирована.

— Это колдовство, — рассказываю я. — Либо Пятерка из Дэллоуэя верила, что это было оно. Разве это не *противоречит* всей твоей работе?

Но Эллис по-прежнему расхаживает по тесной кухне, Подошвы ее итальянских кожаных туфель стучат по каменному полу.

— Нисколько. Это ничем не отличается от спиритических сеансов Викторианской эпохи: люди сходили с ума от медиумов, решивших, что могут общаться с умершими. Оккультизм был развлечением, ничего по-настоящему потустороннего. Кто скажет, что девушки из Дэллоуэя не могли развлекаться подобным образом?

— Это был 1711 год, а не 1870-й, — говорю я. — За такое развлечение могли и убить.

Эллис прекращает ходить, поворачивается и улыбается мне, стоя в нескольких футах. Она поднимает руку и проводит ладонью по моему виску, заправляя выбившийся локон за ухо. Я с трудом перевожу дыхание.

— Нет, это отличная идея, — снова говорит Эллис. — Но кого волнуют эти шикарные современные девицы и их игра в ковен? Давай сделаем свой собственный.

От неожиданности я поперхнулась. Эллис хлопает меня по спине, пока я пытаюсь прокашляться.

— Прошу прощения? — наконец могу прохрипеть я.

Я хотела, чтобы Эллис вступила в ковен Марджери. Я хотела, чтобы она завернулась в саван их темных игр — но не тащила меня за собой. Ковен Марджери выглядел безопасным. Они не практиковали настоящее колдовство — их действо было эстетским и претенциозным, глупые игры богатых девиц, которые хотели почувствовать себя могущественными, хотели прикоснуться к краешку тьмы, но и только, ничего *настоящего*.

— Настоящее колдовство — это совсем другое. Настоящая магия опасна.

Эллис пожимает плечом.

— Давай проведем свой шабаш. Почему бы и нет? Если все делать правильно, то мне следует, как настоящему писателю, заняться тем же самым, чем занимались девушки

из Пятерки. Даже если они погибли не из-за колдовства, есть те, кто до сих пор верит, что они занимались магией.

Мои ладони становятся влажными, когда я прижимаю их к лицу и делаю несколько жарких глубоких вдохов. Я прекрасно осознаю свое двуличие: сначала стараюсь заманить ее на шабаш, затем пасую перед той же самой идеей. Но Эллис не понимает — даже если она сможет заигрывать с дьяволом, я не смогу. Не смогу.

— Есть то, с чем играть нельзя, Эллис. Колдовство опасно.

— Колдовства не *существует*, — отвечает Эллис.

— Ты этого не знаешь.

Она вздыхает:

— Я полагаю, ты из тех, кто предпочитает быть агностиками в отношении божеств или садовых фей. Да, всегда есть *вероятность* их существования. Но веришь ли ты в это на самом деле?

Я сжимаю зубы так, что челюсти начинают болеть.

— Ты же знаешь, что верю.

— Я тебе уже говорила, я докажу, что при убийствах Дэллоуэйской Пятерки не использовалась магия. Нет там волшебства, и точка. Мы можем провести наш шабаш настолько *магически*, насколько ты захочешь, но ни один демон не придет к нам из преисподней. И кроме того... возможно, именно так убьют девушек в моей книге. Марджери нужно будет заманить своих жертв подальше от безопасного места. Именно так.

Я думаю, что когда мы будем в лесу, залитом лунным светом, она увидит все по-другому. Кто знает, что скрывается в лесах, какие существа правят бал в холодном мире, раскинувшимся под кронами деревьев?

А может быть, вреда не будет. Быть может, я слишком остро реагирую: вдруг одно только присутствие Эллис

послужит щитом, ее рациональный ум будет противостоять безумию. Я провожу остаток ночи в раздумьях: прикидываю, какие заклинания можно попробовать, как адаптировать к современности магию, которая, наверное, действовала триста лет тому назад.

Только к следующему вечеру страх накрывает меня, как соленое море, я застываю в шаге от выхода из своей спальни, уже обувшись, но все еще судорожно сжимая пальто в обеих руках.

Это неправильно. Я обещала, что не буду больше колдовать; все фантазии прошлой ночи о кострах и вакханалиях обнажают свои острые грани, когда спускаются сумерки.

Я боюсь, что, если сделаю это, пути назад не будет. Я навсегда потеряю контроль над собой.

«Но именно поэтому ты должна это сделать», — шепчет внутренний голос, подозрительно похожий на голос Эллис Хейли.

Мне нужно прикоснуться к темноте так, чтобы она меня не поглотила.

Приглашения в виде трех записок, написанных от руки на бумаге, которую Эллис вырвала из корешков нелюбимых книг, мы подсунули в щели под дверями комнат Годвин-хаус:

Встретимся здесь в полночь. Никому не говори, куда идешь.
Затем координаты места и подпись Эллис.

Время Эллис указала разное, чтобы, выйдя из дома, ни с кем не пересечься, — каждая обительница Годвина думает, что она идет одна.

Я выдыхаю и заставляю себя открыть дверь. Эллис ждет меня внизу, уже в маске. В тусклом свете она видится худым черным скелетом, с нечеловеческим черепом и дырой вместо рта. Трудно представить, что в глубине этих пустых глазниц существует душа. В ковене Марджери нам говорили,

что, когда посвященный надевает маску, его душа покидает тело; ее место занимает дух ведьмы из Дэллоуэя. Одной из Пятерки.

Я прижимаю руку к груди, в мою ладонь стучится сердце. *Мое сердце?*

Или чье-то иное?

Это ошибка.

Что, если Марджери хочет именно этого? Ее дух мог наблюдать за мной, терпеливо ожидая случая, чтобы сломить мою волю. И она смогла бы овладеть мною, когда я не защищена, уже одной ногой во тьме. Она бы заставила меня плясать под ее дудку. Убивать, пока мертвые не будут довольны. Погибнуть, чтобы ее призрак смог обрести покой.

Может быть, меня никогда и не преследовали призраки. Возможно, всё это время и Марджери, и Алекс знали, что им не придется охотиться на меня.

Они знали, что я приду искать их сама.

Темнота дает ощущение близости, важности. Мы идем сквозь нее словно привидения, молча — мы становимся частью Годвин-хаус, проросшими из неровного пола и темных углов потомками и дочерьми ведьм, умерших несколько веков тому назад.

И вот мы уже вне дома, в лесу, заходим по тропе ведьм так далеко, что дом проваливается в раскрытый зев ночи, и тьма под деревьями такая плотная, что даже наше дыхание звучит приглушенно. Где-то рядом ухает сова, предупреждая о нашем приближении. Греки верили, что ведьмы могут превращаться в сов, чтобы преследовать своих жертв. Я постоянно думаю о том, что увидела Эллис в моей чашке: птицу, *опасную ситуацию*.

— Они не придут, — говорю я, когда мы доходим до поляны. Кажется, что лес, голодный и зубастый, приблизился к нам. Я снимаю маску; я больше не могу чувствовать себя полуслепой и не знать, что происходит вне поля зрения.

— Они придут, — отвечает Эллис.

Я не верю ей, но все равно готовлюсь. В моей сумке есть всё, что нужно, извлеченное из дыры в стенке шкафа: свечи и благовония, флакон с кровью козла, которую я купила в городе у мясника.

Услышав треск ветки, я резко выпрямляюсь, почти готовая увидеть ее, Алекс. Но это всего лишь Каджал, появившаяся из-за деревьев, с грязным пятном на коленке и недовольным выражением лица.

— Морроу, — говорит она. — Что ты здесь делаешь?

Я понимаю, что она замечает Эллис, по тому, как напрягается ее спина, и Каджал рефлекторно отступает на полшага назад. Я оборачиваюсь в тот самый момент, когда Эллис снимает с лица козлиную маску.

— Это я, — говорит она.

— Что за хрень, Эллис!

Эллис вытаскивает из кармана портсигар. Она довольно долго молчит, закуривает и выдыхает дым к звездам, затем говорит:

— Я объясню, когда придут остальные.

Я торчу между ними — Эллис, бледной и невозмутимой, и Каджал, переминающейся с ноги на ногу и явно обдумывающей, не вернуться ли в Годвин. Но нет. Она остается, наблюдая в настороженном молчании, как я заканчиваю строить круг из свечей и черных турмалинов. Может быть, Эллис права — нет никакой опасности от Марджери или ее родственников, — но все равно под защитой кристаллов я чувствую себя лучше.

Клара и Леони появляются в течение следующих пятнадцати минут, Леони идеально причесана, совсем как кандидат в президенты, словно она приехала в лесную чащу на такси, а не тащилась по сучьям и камням. Клара выглядит довольно потрепанной, но не жалуется. Она, наверное, очень рада, что ее вообще позвали.

Эллис стоит рядом со мной, сжимая пальцами мой локоть: бережно, успокаивающе. Не думаю, что она осознает, насколько мне необходима сейчас такая поддержка.

Леони узнает маску Эллис. Я определила это по тому, как она, увидев ее, чуть замялась, но не дрогнула: череп козла пугает меньше, если вы видели его раньше. Возможно, она одна из новеньких членов ковена Марджери, включенная туда, пока я гнила на больничной койке.

Если так, она знает, что я тоже была одной из сестер?

И что была отлучена от ковена?

— Эллис, — медленно, осторожно говорит Леони, — это что?

Эллис, докурив сигарету, уже надела маску обратно, но сейчас отодвигает ее от лица:

— Это маска, Шуйлер. А на что она похожа?

— Где ты взяла ее?

— У меня, — вмешиваюсь я. — Она взяла ее у меня. Я была частью... Эмм... — Я не могу сказать это вслух; пусть даже я была изгнана из ковена Марджери, чувствую, что связана его правилами. Леони не сводит с меня темный пристальный взгляд, твердый и пронизательный. — Я дала ее, — говорю я.

— Я подумала, что мы могли бы немного поиграть, — произносит Эллис, наконец-то полностью отбросив маску и улыбаясь нам, своим послушницам, собравшимся для проповеди. — Я полагаю, вы слышали про Пятерку из Дэллоуэя.

Все кивнули.

— Твоя книга о них, — отважилась Клара. — О ведьмах.

— Верно. И вы знаете мой стиль — я методичный писатель. Говорят, что девушки из Дэллоуэя были ведьмами или по меньшей мере они проводили спиритические сеансы и произносили заклинания. Так что я тоже должна.

Клара с обожанием смотрит на Эллис, словно та только что предложила ей свою вечную дружбу за пустячную цену ее души. Леони и Каджал переглянулись.

— Я думаю, это чудесная мысль, — наконец говорю я, потому что эти двое явно не согласны, но слишком нервничают, чтобы прямо возражать Эллис.

— Я тоже, — поддакивает Клара.

Каджал наматывает на палец локон черных волос:

— Полагаю, это будет забавно...

Остается одна. Эллис пристально смотрит на Леони, и та вздыхает, а затем кивает. Всё, наш договор заключен.

— Нам нужно название, — говорит Клара. Ее тон слишком оживлен для подобной обстановки, неуместен под этим густым покровом деревьев и лианами, ползущими под ногами.

Название. Как-то непочтительно *называть* то, чем мы заняты. С другой стороны, для Клары это *игра*. Она не понимает, как магия может затянуть, подчинить. Каждое заклинание — это гранатовое зернышко на языке, связывающее с подземным миром.

Наверное, не для всех. Но точно для людей вроде меня.

*...красные рябины ягоды
и в темном небе
ночные перелеты птиц.*

— Что ты сказала? — Леони странно смотрит на меня; должно быть, я говорила вслух.

Я глотаю комок в горле.

— «Ночные перелеты», говорю я. — Знаешь, стихотворение Луизы Глюк.

Мне отвечают непонимающие взгляды. Дискомфорт, словно от проглоченного камня, ноет внутри меня.

— Из сборника «Аверно» — чуть помедлив, говорит Эллис, и, когда я оборачиваюсь к ней, улыбается. — В нем поэтесса рассказывает о том, как Персефона заключает брак в подземном мире. Стихи вращаются вокруг одного и того же вопроса: как может душа человека вынести то, что однажды красота жизни становится недостижимой?

— Да, — шепчу я.

Алекс писала эссе по этим стихотворениям. Ее экземпляр «Аверно», возможно, до сих пор обитает на полках Годвинхауса.

Эллис кивает, словно приняв решение:

— Добро пожаловать, — говорит она, — в «Ночные перелеты».

Наступившая тишина тянется, как длинная лента, шелковисто-гладкая; мы все, как дети, подмененные эльфами, ловим каждое слово Эллис.

— Правила такие, — продолжает Эллис. — Первое: никаких разговоров о «Ночных перелетах». Никаких, если только мы не будем здесь, в лесу или в еще каком-то месте встречи.

— Но это же не бойцовский клуб, — говорит Каджал.

— Нет, но так прикольное, — отвечает Эллис. — Второе: мы с Фелисити выбираем, когда и где. Никаких обсуждений и споров по этому пункту не будет. В-третьих, вы будете знать о времени и месте еженедельных встреч из записок, которые мы подсунем под ваши двери. И поскольку вы не будете ни с кем обсуждать «Ночные перелеты», то не узнаете, в какое время скажут прийти остальным.

Но я *предупрежу* вас, если время сбора изменится. Дорога к месту встречи — это часть испытания. Как в жизни, кажда́я женщина должна путешествовать в одиночестве.

Потом взгляд Эллис скользнул по мне, и я подумала, что уловила что-то похожее на веселье в ее серых глазах — хотя то мог быть лишь отблеск свечей. Если бы наша игра была настоящей, то и прогулки «Ночных перелетов» происходили бы по сценарию реальности: рожден в одиночестве, умрешь в одиночестве. *Но теперь*, как утверждает одно из стихотворений «Аверно», *начинается вся ее жизнь — к несчастью, это будет короткая жизнь*.

— А это что? — с отвращением спрашивает Каджал, указывая на сооруженный мною круг, а затем на набор мышиных черепов, выложенных вдоль скалы. Все были собраны в прошлом году, все в Годвин-хаус. Я не считала их сверхъестественными, пока не погибла Алекс.

— Ты не можешь играть, если не соблюдаешь правила игры, — говорю я.

Рядом со мной смеется Эллис.

На следующее утро мои воспоминания о посвящении расплываются, как масляная краска, стекающая в воду. Я помню, как выглядели остальные, сидя на лесной почве, с папоротником и сухими листьями, разбросанными у них на коленях. Я помню, как мазала кровью лоб Эллис, ее взгляд, словно она могла сквозь маску заглянуть в мое сердце.

Мои пальцы на ее коже, влажной и кроваво-красной, и она шепчет мое имя.

Каковы бы ни были чувства остальных, я знаю, что увидела прошлой ночью в глазах Эллис.

Эйфорию.

Самой важной частью любого оккультного ритуала является завершение. Ведьмы, друиды и авгуры могут взаимодействовать с существами из мира мертвых, но мы тоже обязаны защищать потусторонний мир от мистического влияния. Открывая дверь, мы также должны запереть ее, иначе рискуем впустить зло.

«Нечестивая магия»

Александра Хейвуд, альпинистка высшего разряда и вторая по возрасту девушка на вершине Мак-Кинли, исчезла во время пребывания в школе-интернате. Ей 17. Недавно имя Хейвуд появлялось в новостях из-за ее участия в драке с коллегой-альпинисткой Эсме Делакруа. Анонимный детектив, общавшийся с «Ассошиэйтед Пресс», сказал, что полиция рассматривает несколько версий. Водолазы обследуют озеро возле школы на случай, если она утонула, но следователи не исключили, что Хейвуд, возможно, сбежала от общественного внимания из-за ее нападения.

*Цитата из статьи Мэрили Рейес,
журналистки из «Ежеквартальника альпиниста»*

ГЛАВА 13

— У меня для тебя кое-что есть, — говорит Эллис, появившись в дверях моей комнаты без приглашения. Это становится ее привычкой. Она одета в твидовый жилет и шейный платок. Держит руку за спиной.

Уже нет знаков, которые мы наносили на ее лоб прошлой ночью, все смыто.

Я прикрываю ноутбук, чтобы гаджет не оскорблял ее чувство прекрасного.

— Больше никакого чая.

— Это лучше, — уверяет она меня и входит в комнату без разрешения. — Дай руку.

Я протягиваю руку, и она кладет в мою ладонь что-то завернутое в коричневую бумагу и перевязанное бечевкой. Кивком головы Эллис заставляет меня потянуть за одну ниточку. Шнурок развязывается, бумага спадает и...

— Эллис, — чуть дыша, произношу я. Если бы не разлетающиеся между моими пальцами карты таро, от которых я не могла оторвать взгляда, мне было бы стыдно. Черные матовые карты, выстланные тончайшими нитями металлического золота в форме скелетов. Глянцевое покрытие

заполняет сплетение черепов и костей, рождая их блеск при дневном свете. — Это...

— Я подумала, что тебе они понравятся, — говорит она.

Я перевожу взгляд с колоды на Эллис. На ее губах играет легкая улыбка. Не та, что растягивается на лице, морща уголки глаз, а искренняя, судя по ее мягкости и по тому, как Эллис на меня смотрит.

Я предлагаю колоду, Эллис вытягивает одну карту из середины и переворачивает. Я вижу Мага.

— Что бы ни было, добивайся, — объясняю я. — Все получится. Вся нужная сила у тебя в руках.

— Очень надеюсь на это, — отвечает она.

Я убираю карты на почетное место на полке рядом со свечами и нашим с Алекс общим фото, сделанным во время поездки на озеро, где вечерний солнечный свет пылал огнем в ее волосах. Эта фотография раньше лежала в шкафу среди всякой всячины прошлых лет. Я вновь взглянула на нее лишь этой ночью. Когда я увидела наши улыбающиеся лица, мне вдруг стало стыдно бросать ее обратно в темный угол.

— Это она? — спрашивает Эллис из-за моего плеча.

— Она, — отвечаю я, вглядываясь в лицо Алекс. Плавный контур носа, россыпь коричневых веснушек, изгиб красных губ. Та Алекс, что на фото, понятия не имела, что умрет в течение года.

— Молодо выглядишь, — замечает Эллис. Да, согласна. На фото я смеюсь, положив руку на широкие плечи Алекс, словно никогда не отпущу ее.

— Это было два года назад. Мне было шестнадцать.

Мы только въехали в Годвин-хаус. В то время я еще не верила в привидения.

Эллис смотрит на фото еще какое-то время, потом разворачивается и целенаправленно идет к моему стулу,

стоящему у письменного стола. Мне остается лишь сесть на кровать.

— Есть еще кое-что, — заявляет она. — Я хочу закончить свою книгу до конца этого года. Значит, у нас не так много времени. Мне нужно выяснить, как случились эти смерти.

— Хорошо, — я хватаю со стола свой блокнот, лежащий у локтя Эллис. Она подает мне ручку.

Несколько мгновений я держу ручку в руке; ее тяжесть сродни дурному предзнаменованию. Прошлая ночь, возможно, была ошибкой. Еще не поздно отказаться и остановить все это.

Но Эллис заводит разговор, не оставляя места моим сомнениям.

— Сначала, — произносит она, — предполагаемые жертвы. Четыре смерти, по одной на каждую из ведьм Дэллоуэя, разумеется, не считая Марджери Лемонт, от чьего имени будет рассказ.

— Не самая приятная история, — признаюсь я. — Мы ведь не будем ее здесь разыгрывать, да?

Эллис смеется. Впервые я услышала ее чистый и залихватый, как зимние колокольчики, смех.

— Смешная ты, — говорит Эллис. — Естественно, будем. У каждой из нас будет уникальная возможность вжиться в историю Флоры Грейфрайар, Тамсин Пенхалигон, Беатрикс Уокер и Корделии Дарлинг. Будет весело.

— Весело, — повторяю я.

Эллис кивает.

— Конечно. Не вредничай, Фелисити. Это всего лишь игра.

Я хватаюсь свободной рукой за сиденье стула. Ладони стали влажными. Должно быть, от стылого воздуха, налетевшего

со стороны озера через распахнутое окно, у меня закололо в затылке.

У нас с Эллис совершенно разные понятия о веселье. Но ей это нужно, и мне, кажется, тоже.

— Прекрасно. Я так понимаю, магии в твоей книге нет, учитывая твоё мнение по этому поводу. Ведьмы не особо-то общаются с дьяволом, они просто страдают от тяжкого бремени людских чаяний.

— Точно, — соглашается она, пихнув меня в ногу узким носком своей туфли. — Колдовство — это просто аллегория женской скорби и гнева. Я говорила тебе.

— Ну конечно. Как я могла забыть.

— Поэтому тебе это пойдет на пользу, Фелисити, — подчеркивает Эллис. — Чтобы ты *не* забыла.

Все как-то по-детски: сидим вдвоем в моей комнате, болтая о предполагаемом убийстве, как дети на пижамной вечеринке под одеялами с фонариками. Но Эллис, похоже, никогда в своей жизни не носила пижамы, а уж о ночевках и говорить не приходится.

Вполне возможно, что наши намерения становятся серьезными только благодаря ее присутствию.

— Давай продумаем способ, — задумчиво говорит она, подперев рукой подбородок, и устремляет взгляд в окно, словно может найти решения в тенях леса.

— Всех пятерых из Дэллоуэя постигла разная участь: Флора погибла от резаных ран, Тамсин задохнулась, Корделия утонула...

— Я не собираюсь нападать на кого-то с ножом, — заявляю я.

Во взгляде Эллис нет и тени насмешки.

— Фелисити, это не...

— Понарошку тоже не буду.

Она вздыхает.

— Хорошо, тогда возьмем другое убийство. Если я должна буду пырнуть кого-то, то, по справедливости, ты задушишь Тамсин.

— Идет. Это легче. Все, что я должна сделать, это вздернуть ее на виселице. *Сорок футов над землей.*

Вот почему эти смерти считали деянием колдовских сил — все они были совершены при странных, невероятных обстоятельствах. Неясно, как труп Тамсин Пенхалигон оказался на том дереве настолько высоко, слишком высоко, и при этом ветви не сломались под тяжестью веса человека, вскарабкивающегося по ним.

— Да, — подтверждает Эллис, — но убийства не должны повторяться *точь-в-точь*. Мы с тобой знаем, что представление исторического факта — это в большей или меньшей степени историческая пропаганда. Необходимо найти способы умерщвления Пятерки, которые соответствовали бы причинам их смерти, отмеченным в записях. История, которую постоянно пересказывают, теряет свою подлинность. Значит, Леони должна быть задушена как в легенде Дэллоуэя, но не петлей. А как насчет... Ой!

— Что?

Эллис выпрямляется стрункой, сидя на стуле. Ее глаза поблескивают таинственным светом.

— Удавка.

— Ты имеешь в виду... — Я жестом описываю невидимую проволоку, обвитую вокруг своей шеи.

— Совершенно верно. В идеале немного крови и тишина. Этим пользовались во время войны для уничтожения часовых без лишнего шума.

Не знаю, откуда она это берет. Я читала первую книгу Эллис, в ней нет ничего о войне. Это значит, что подобные

знания не связаны с ее исследованием. Но должна признать, мне нравится идея. На мой взгляд, это... Настоящая романтика. В голове сразу возникают образы привлекательных героинь и жестоких убийц, мглистые улицы Лондона и цокот лошадиных копыт на мостовой, свет газовых ламп и тиканье часов в ночи.

Такая участь могла постигнуть человека в 1712 году.

— Удавка, — повторяю я и ловлю себя на том, что снова и снова черчу в блокноте круг, похожий на фортепианную проволоку.

— Нравится?

Я не привыкла видеть на лице Эллис довольную улыбку, но она заразительна. Я замечаю, что улыбаюсь подруге в ответ, записывая метод: *удавка*.

— Хорошо. — Снова поднимаю взгляд на нее. — Знаешь, интересно, что в этих делах не было подозреваемых. Все лишь утверждали, что те девушки из Дэллоуэя закономерно расплатились своими жизнями за магию.

А особенно Марджери, если учесть, что мстительные горожане похоронили ее заживо, закончив таким образом ее колдовские преступления.

— Я об этом и говорю, — отвечает Эллис с некоторым нетерпением. — Это то, что надо! Все ведьмы умирают как ведьмы, никакого убийства. Ты правда веришь?

Не хочу отвечать. Особенно когда нам обоим известен правильный ответ.

— Прекрасно, — говорю я. — Ты и это хочешь отразить в книге? Я думала, что ты сделаешь Марджери убийцей.

— Вы к ужину-то спуститесь?

Я резко оборачиваюсь к двери, откуда доносится голос. Эллис, в свою очередь, совсем не обеспокоена появлением Леони Шуйлер в моей комнате. Сегодня на той юбка

из шотландки и изящный пиджак с искусно завязанным шелковым шарфом — совсем как школьница прошлых лет. Нет больше распущенных кудрей. Теперь множество косичек, переплетенных тонкой золотой лентой. О том, что собиралась в город, она даже не сказала, но явно там была: ее образ безупречен. Меня в некотором смысле поражает, что девочки Годвина живут своей жизнью, обходятся без нас, без *Эллис*.

— Как сказать... — говорит *Эллис*. — Сегодня ведь очередь Каджал, так? Что она приготовила?

Интересно, слышит ли Леони через всю комнату стук моего сердца? Кажется, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

— Курица в вине, — отвечает Леони — с картофелем, запеченным гармошкой, и салат. Она приготовила какую-то вегетарианскую версию курицы для тебя, *Эллис*.

Курица в вине по-вегетариански звучит для меня отвратительно. Но Каджал изумительно готовит, поэтому я откладываю книгу и мы следуем за Леони вниз. *Эллис* оглядывается на меня, рукой скользит по перилам и изгибает алые губы, напоминая о существовании нашей общей тайны.

Когда она отворачивается, я пальцами дотрагиваюсь до дерева в том месте, где касалась ее рука. Словно между нами натянута прочная нить, продетая сквозь кожу.

ГЛАВА 14

После первого шабаша «Ночного перелета» все изменилось.

Магия или нет, но что-то связало нас всех в тех лесах. Леони ставит пластинку в проигрыватель, Каджал в красном платье танцует. Даже Клара кажется более раскрепощенной. Она охотнее улыбается, когда мы смеемся за ужином. Это снова *Годвин*, как раньше. Мы словно сестры.

Первая наша неделя наполнена яркими красками. Я раскладываю таро для остальных девочек в комнате отдыха: подвыпившая Каджал вновь и вновь пристает ко мне с картами, пока я не разложу то, что она хочет, Леони наматывает тюль на голову, словно верховная жрица, Эллис свернулась калачиком на диване и изучает магию. На окне в ящиках Клара выращивает травы, которые вянут через два дня. Она плачет из-за этого, хотя это просто растения. Мне удастся успокоить ее.

Целая неделя уходит на то, чтобы понять происходящее, произнести вслух: «*Я счастлива*». Я признаюсь в этом чувстве с раскинутыми руками, стоя на кофейном столике, и слышу вопли восторга и аплодисменты от остальных,

и Эллис помогает мне спуститься, придерживая рукой в черной перчатке.

Я счастлива. Эллис была права. Мне становится *лучше*.

Свои оставшиеся таблетки я закапываю на заднем дворе под дубом Тамсин Пенхалигон и прижимаю их кварцевым камнем. Они мне больше не нужны. Я уже не тот человек. Не та девушка, которая видела привидений в каждом углу и боялась, что ее разумом овладела более темная, паразитарная сущность.

Теперь со мной все будет в порядке.

— Нам необходимо научиться подделывать почерк, — в раздумье бормочет Эллис, когда записывает вторую часть заметок о «Ночном перелете». — Что бы ни сочинила Марджери, чтобы заманить своих жертв в лес, это было написано не в ее манере.

Мне начинает казаться, что у Эллис есть на все ответ. Она хочет, чтобы мы ворвались в запертый дом, просто чтобы выяснить, сможем ли мы; хочет отметить расположение всех камер вокруг Годвина и найти лучший способ очистить одежду от крови. Понятия не имею, сколько из этого будет отражено в книге Эллис, если вообще будет.

— Сомневаюсь, что Марджери вела какие-нибудь записи, — признаюсь я, но Эллис пожимает плечами и добавляет завитушку к имени Клары на последнем конверте.

— Возможно, и нет, но так веселее, согласись?

Для сегодняшней ночной встречи Эллис выбрала место намного ближе той поляны, которую я определила для нас в прошлый раз. Короткий пеший путь через лес. Сухая листва безжизненно хрустит под ногами, а лучи наших фонариков танцуют среди ветвей.

Мы с Эллис прибываем на встречу в 23:40, за пять минут до Леони — у нас достаточно времени, чтобы успеть разжечь огонь. Эллис облачилась в оттенки от угольно-серого до черного. Она почти слилась с вечерними тенями. Я чувствую себя рядом с ней как светящийся фонарь. В этот раз мы без масок.

— Новая луна, — говорит она, глядя в беззвездное небо. — Не знаю, почему мифы всегда связывают полнолуние с чем-то сверхъестественным. Перед абсолютной тьмой еще больше цепенеешь.

— Полагаю, при молодой луне у тебя больше шансов умереть из-за спотыкания о собственные ноги, чем из-за встречи с призраком.

Она смеется.

— Или, возможно, где-то в лесах тебя убьют две девушки из Годвина — задушат удавкой.

Две недели назад я бы дрогнула. Сегодня же улыбаюсь вместе с Эллис.

Я приседаю на корточки и подбираю длинную палку, чтобы расшевелить еле тлеющие остатки нашего костра. Угли не хотят гореть, и ветки вспыхивают слабо: далеко не так, как мы представляли. Я дую на угли — и искры разлетаются в воздухе словно светлячки. Место костра мы обложили камнями, чтобы избежать пожара, но сейчас, похоже, нам это совсем и не грозит.

— В следующий раз нужно будет на кладбище встречаться, — задумывается Эллис. Она наклоняется в мою сторону, чтобы поджечь сигарету от углей костра, который, наконец, разгорается.

Вскоре прибывает Леони, затем и две оставшиеся девушки. Они плюхаются на землю, будто их совсем не заботят их сшитые на заказ юбки.

Эллис устраивается у огня так, что, кажется, языки пламени, подбирающиеся к ее брюкам, вот-вот достанут ее. С книгой в руках, она словно наставник в присутствии учеников.

— *За знанием идет расплата,* — говорит она.

В ответ слышится лишь треск прогорающих поленьев, будто выстрелы в гулкой ночи. И мы в полумраке как призраки. Никогда раньше я не ощущала подобного. Ковен Марджери был создан для общения и патронажа выпускниц, но не как сестринская община. *Это...* Это правда.

— Что произошло с кровью козла? — спрашивает Каджал.

— Это поэтические чтения. — Леони недвусмысленно намекает на книгу в руке Эллис. Я ожидала услышать насмешку, но нет. Слова обернулись музыкой в устах Леони.

Эллис поднимает над головой «Аверно» и улыбается.

— Идеально подходит, — заявляет она — учитывая наше название.

Мы становимся вокруг костра и читаем: сначала Эллис, потом Клара, далее по кругу. И так два-три раза. Эллис выдергивает бутылку виски из моей сумки, и мы выпиваем, давась горьким напитком и уверяя себя, что это не бензин.

К концу последнего стихотворения я чувствую, как легко и хорошо становится моему разуму, а мысли расплываются по глади золотого моря. Клара, по-детски улыбаясь, сжимает мои руки. Каджал танцует в папоротнике, а Леони лежит на спине, забыв про грязь.

— Посмотри, как легко они поддаются эмоциям, — тихо шепчет мне в ухо Эллис и запускает пальцы в мои волосы. — Ни наркотиков, ни магии не надо. Неужели те Пятеро из Дэллоуэя делали то же самое?

Но если это и магия, то, я уверена, не та, которой занималась Пятерка. На этот раз в лесу нет призраков, небо ясное и звездное. Никакое зло не коснется нас, лесных нимф: осень веселит нас, а звездный свет для нас подобен воздуху.

Так или иначе, даже дриады должны спать. Пропахшие дымом от костра, мы плетемся друг за другом домой, продираясь сквозь колючие кусты. На следующий день Эллис прикрепляет страничку со стихом из «Аверно» на стену в своей комнате и говорит мне, что с этого начинается наша история. Это история, где нет темных закоулков, а есть лишь мы, счастье и свобода.

Странно, но я ей верю.

Воскресенье. Мы с Эллис идем на озеро. Для пикника она принесла корзину с сырами, клюквенным соком и крекерами с укропом. А еще взяла карту окружающей местности.

Ранним утром гладь озера отликает золотом в солнечном свете. На озере тихо и спокойно. Я знаю, тела Алекс там нет: водолазы исследовали все илистое дно, обыскали каждую пещеру вдоль берега, но все равно невольно содрогаюсь.

— Что это? — спрашиваю я, тыча пальцем в карту.

Эллис раскладывает карту на траве и указывает ножичком для сыра в сторону озера.

— Озеро, — говорит она.

— А здесь, — она показывает на место в полумиле на восток от Годвина, — место, где нашли тело Корделии Дарлинг.

Так вот в чем дело. Еще одно убийство рассмотрено и разгадано.

— С водой в легких, — тихо добавляю я. Утопленница на суше — достаточная причина думать, что это ведьмовство.

Я хотела бы обсудить здесь с ней кончину кого-нибудь другого из Пятерки, но не Корделии.

Эллис делает небольшой сэндвич из сыра и крекеров и протягивает мне. Я беру, просто чтобы отвлечься от мыслей. Сэндвич острый на вкус и перченый.

— Отсюда видно, где нашли Корделию, — говорит Эллис, касается моего подбородка и мягко обращает мое лицо к восходу. — Смотри.

Зеленый кусочек земли еле различим, особенно с такого расстояния. Годвин темным надгробием с закрытыми окнами и покосившимися фронтонами возвышается над брэнной могилой Корделии на лесистом холме.

— Я знаю, что ты сейчас скажешь, — обращаюсь я к ней. — Кто-то утопил Корделию, или она сама утонула, а потом ее унесло на полмили в ту сторону. Вот и вся загадка.

— Ммм... ну так ведь ответ и так ясен, да? — отвечает Эллис, вскидывая бровь. Не думаю, что она издевается надо мной.

На этот раз моя очередь указывать.

— В начале восемнадцатого века озера не существовало, — заявляю я, стукнув по карте. — Была просто долина. Само озеро создали для предупреждения наводнений в 1904 году. Была только река Гудзон, и она сужалась здесь.

Эллис морщит лоб и сгибается над картой, вероятно, для того, чтобы проверить небольшие топографические линии. Это обозначения крутизны скал и глубины долин на местности вокруг школы Дэллоуэй.

— Серьезно?

Я откусываю еще кусочек крекера.

— Абсолютно.

— Любопытно, — бормочет она. И меня не покидает чувство какого-то удовлетворения от того, что я наконец привела ее в смятение. Моя взяла.

— Кстати, даже фанатики в восемнадцатом веке знали, что вполне реально пронести тощую девочку-подростка полкилометра по земле, — говорю я, — промокшую насквозь.

Эллис поднимает на меня глаза.

— Да, а еще нам известно, что, в общем, не так много требуется воды, чтобы утопить человека. Вон, в ванне это можно сделать, в мелкой луже после дождя.

— Можно, — соглашаюсь я, — но почему бы тогда не оставить тело, чтобы его обнаружили позднее? Зачем его выносить? Есть риск на этом попасться.

Этого хватило, чтобы заставить Эллис погрузиться в задумчивое молчание. Тем временем я уплетаю сыр с крекерами и прямо из бутылки большими глотками пью кислый сок. Моя компаньонка щурится в сторону того места, где было найдено тело Корделии. От прищура на лице Эллис, под единственной веснушкой на скуле, появляется морщина.

— Мы действительно сделаем всё это? — спросила я наконец, когда она потянулась ко мне за клюквенным соком.

— Да, — с некоторым удивлением отвечает она и смотрит на меня. — Как же иначе, Фелисити? Для меня это лучший способ написать о смертях.

Я вздыхаю.

— Прекрасно. И когда же мы закончим? У меня своя работа есть, между прочим.

— Это не займет много времени, — обещает она, — мне надо закончить к концу зимы, чтобы книга была вовремя отредактирована. Вся весна уйдет на проверку.

— Отлично. Но ты до сих пор не объяснила мне, как Корделия Дарлинг оказалась утопленной на суше.

Эллис снова смотрит в сторону озера и щурится от яркого солнца.

— Неужели не ясно? — говорит она. — Убийцы сделали так, чтобы все было *похоже* на колдовство. Им нужно было, чтобы в этом обвинили девушек из Дэллоуэя. И они добились своего.

Я иду по следу, протянувшемуся от озера через поле обратно вверх по холму, где Годвин-хаус, словно хищная птица, примостился на скалах и молча выжидает.

Если бы преступление расследовали, то могли бы найти свидетелей. Но, увы, никто этого не сделал, поэтому смерть Корделии так и осталась тайной, до сих пор покрытой мраком.

— Ты говорила, что делаешь Марджери отрицательным персонажем, — упоминаю я.

— Да.

— Зачем ей тогда обвинять своих друзей в смертях? Почему бы не обвинить горожан?

Эллис пожимает плечами.

— Да кто знает? Разум психопата — необъяснимая вещь. Может быть, она думала, что так интереснее сеять страх и истерию внутри ковена — чтобы девушки не знали, кому можно доверять, а кому нет, и так далее.

Я не убеждена в этом, но все же киваю головой.

— Есть еще кое-что, — говорит Эллис.

Страхнув с рук крошки от крекеров, она поднимается с корточек и предлагает мне встать.

— И что же?

— Возьми меня на руки.

— Прости, *не поняла?*

Эллис повела бровью.

— Если бы это Марджери убила всех, тогда ей нужно было бы вытащить сюда тело Корделии Дарлинг, ведь так? А мы видели ее портрет. Она была некрупной.

Конечно, Эллис очень далека от понятия «труп». Ее глаза горят в нетерпении; скрестив руки на груди, она следит за мной, пока ветер треплет по ее лицу пряди черных волос. И все же, когда я наклоняюсь, чтобы поднять ее, она ощущается мертвым грузом в моих руках. Дыхание перехватывает. Стоит сделать два шага, и я спотыкаюсь.

— Спокойно, — шепчет Эллис, и я чувствую ее горячее дыхание.

Стиснув зубы, я делаю еще шаг.

— Ты камни, что ли, на завтрак ела?

— Ну я просто очень высокая для своего возраста, и мой вес больше твоего.

Пройдя еще метр, я бросаю ее прямо на траву, не церемонясь, и, выжатая как лимон, сваливаюсь рядом с ней. Эллис падает навзничь, раскинув руки на земле. Я беспокоюсь, не сломала ли ей что-нибудь, бросив так, но она вдруг говорит:

— Марджери могла ее тащить.

— Что?

Эллис остается неподвижной.

— Марджери тащила ее. Ей не пришлось *нести* Корделию через поле. Есть другие способы переместить тело. Это не доказательство ее невиновности.

Я прячу руки под одежду.

— Не буду я тебя куда тащить.

Эллис приподнимается на локтях, в упор глядя на меня.

— Нет, — секунду спустя произносит она. — Ты не обязана это делать. Хотя могла бы попытаться.

Она перебирается к пледу для пикника. Я остаюсь позади нее на своем месте с ноющей спиной и взмокшим лицом, пока Эллис снова не наполняет стаканы соком и не зовет меня, а я покорно следую за ней.

— Идите без меня, — говорит Эллис на вечеринке по случаю Хеллоуина в Лемонт-хаус. Она сидит в комнате отдыха на одном из высоких стульев у окон, не сводя взгляд со склона. Ее темные волосы рассыпались по плечам, и на рукаве виднеются капли чернил. — Мне надо писать.

Возможно, мы и сблизились, но без ее объединяющей роли мы вчетвером — несуразная группа. И все же мы идем без нее. Леони принесла фляжку: мы передаем друг другу бурбон Эллис (авторитет которой непререкаем даже в ее отсутствие) по дороге через двор. Мне одной не надоело наряжаться. Остальные надели все те же юбки из шотландки и свитеры с узором-косичкой. У Леони на голове берет, на худых ногах Каджал шерстяные чулки. Я в костюме Персефоны выгляжу глупо по сравнению с ними.

— Лучше бы это был Годвин-хаус, — вздыхает Клара при виде кучки хихикающих первокурсниц в их неубедительных образах: сексуальная медсестра, сексуальная вампирша, сексуальная жрица.

— Хорошо бы, чтобы здесь были мы и больше никого.

Мы дружно согласились с этим, но потом я задумалась, на самом ли деле всё так. Действительно ли мне хотелось бы, чтобы мы были здесь одни? Разве мы сильно отличаемся от них всех? Мы лучше?

— Школа только для девушек из Годвина, — вслух произнесла я то, что они хотели услышать. — Мы бы сформировали нашу собственную теоретическую точку зрения на принцип классической литературы. Нас бы цитировали в книгах.

— Приглашали выступать на конференциях.

— Брали бы у нас интервью для газеты «Таймс».

— Спорили бы, идиотки мы или гении.

— И то и другое, — говорит Леони, и в ответ на это смеется даже Каджал.

Но мне не смешно. Год назад мы с Алекс ушли с такой же вечеринки и вернулись в Годвин, спрятав под пальто украденный череп Марджери. Мы зажгли свечи, пролили кровь и вызвали темные силы.

В этом году Самайн выпадает на конец недели. И я чувствую, как этот день приближается, стирая тонкую завесу между двумя мирами.

Что может просочиться сквозь эту завесу, когда она истончится? Жаль, что Эллис сейчас не со мной. Она бы обхватила меня за локоть и губами касалась моего уха, шепча сокровенные тайны. Мне легче забыть о своем наваждении, когда она рядом.

К нашему приходу празднество уже в самом разгаре. Девушка в цилиндре и с кислым выражением лица приветствует нас: очевидно, ей по жребию выпало дежурить сегодня у дверей. Она берет наши пальто и сумки и ведет нас прямо в дом, с раздражением наблюдая, как мы снимаем обувь.

Вскоре я жалею, что сделала это: пол уже стал липким от пролитого пива, везде стоят красные пластиковые стаканчики. Кое-кто из студенток в одиночестве танцует в гостиной, где вся мебель сдвинута к стенам.

— Хорошо, что Эллис не пришла, — отмечает Каджал, а Леони ловко уходит от столкновения с пьяной девушкой, которая направляется к столику с напитками.

Слова Каджал означают, что Эллис не понравилась бы такая вечеринка, но я не могу согласиться с этим. Она чувствовала бы себя здесь как дома даже в своей рубашке с подтяжками и сияющих туфлях, сшитых на заказ. В этом месте, как и в любом другом, она была бы в своей тарелке.

— Я хочу выпить, — заявляю я и пробираюсь сквозь кучку развеселых студенток Клермонт-хаус, чтобы посмотреть, что есть. Почти все бутылки — с текилой.

У этой вечеринки нет ничего общего с праздником в доме Болейн, устроенным в начале года, но все же она напоминает мне ту ночь. Клара о чем-то беседует с Леони, жестикулируя на публику, будто все непременно должны были послушать, о чем она говорит. Видимо, считает, что она важнее и интереснее других. Убийства в нашем с Эллис сюжете могут быть бездоказательными, но меня не покидает мысль, что однажды Клара надоест кому-то до чертиков и ее спустят вниз по лестнице.

Я наливаю текилу в стакан, напиток выплескивается мне на пальцы. Дешевая прозрачная жидкость обжигает до самого нутра, но попутно стирает из памяти все, что произошло между нами. С первого глотка я понимаю, что мне трудно остановиться.

«Точно как твоя мать», — шепчет мне внутренний голос. Достаточно убедительно, чтобы воздерживаться от алкоголя, вот только мысль о матери заставляет пить еще больше. Лица и фигуры принимают размытые очертания. Сначала мы с девушками из Годвина веселимся вместе, я хорошо это помню. Позже каким-то образом я оказываюсь

на заднем дворе Лемонта в свете уличной иллюминации. Я покачиваюсь в такт медленному джазу на виниле, воздеваю руки к небу. Мне встречается красивая девушка с глазами цвета ночи и кожей прохладной как вода. Я говорю ей это, скользнув ладонями по ее щекам. Какой-нибудь серийный убийца сказал бы что-то вроде: *обожаю твою кожу*, но она лишь улыбается мне.

— Честное слово, — бормочу я. Поймав меня рукой за платье, она расстегивает пуговицу на воротнике.

Она не похожа на Алекс: шатенка, но не рыжая, темный цвет лица. Но когда я целую ее, мне все равно мерещится Алекс.

«Одержимость», — мелькает у меня в мыслях. Но действительно ли это настолько странная возможность, чтобы быть невозможной? Чувствуются руки Алекс, ее язык. Я жажду соединить наши души и получить ее прощение. Поцелуй прерывается. Девушка прикасается к моим губам. Мы оба дышим часто и горячо.

— Хочешь, пойдем наверх? — говорит она.

Ответ готов сорваться с губ, но не успев сказать «да», я замечаю ее — Эллис Хейли, ее стройную фигуру в твидовом костюме. Она наблюдала за нами через весь двор с зажженной сигаретой в руке.

— Что такое? — интересуется та, что не Алекс. Я смотрю, как она нахмурила брови. На ее лице видна нерешительность.

Я неправа. Это не наваждение. Алекс никогда в своей жизни ни в чем не сомневалась.

Я поднимаю глаза и, заглядывая девушке за плечо, вижу, что Эллис уже нет.

— Мне надо идти, — отвечаю я и высвобождаюсь из объятий незнакомки, рванув к тому месту, где стояла Эллис.

В воздухе все еще пахнет дымом от ее сигареты, но сама она растворилась в толпе. Я оглядываюсь вокруг, но вижу лишь незнакомцев.

Тут холодно. Как я могла не заметить этого?

Каждый здесь, на заднем дворе, существует в своем мире, поэтому, чтобы вернуться в дом, мне приходится расчищать себе путь острыми локтями.

Внутри дома еще хуже. Грохот басов разносится по полу, окна потеют от такого количества народа. Я спотыкаюсь о чью-то обувь и падаю, ударяясь об пол так, что меня пронзает волна боли от самых колен.

— Ты в порядке?

Ко мне подходит только Ханна Стрэтфорд. Она приседает, сложив розовые губы буквой «О» в притворном беспокойстве.

— Нормально, — отвечаю я.

И все же она берет меня за руку, помогая подняться. Интересно, видела ли она, как я во дворе целуюсь с призраком? Может, это заметили и другие девушки, а потом шептались в уголке, передавая дальше: *я видела Фелисити Морроу...*

Эллис наблюдает за мной. Огонек ее сигареты виднеется во тьме.

Долгое время то, что я — лесбиянка, было тайной. Теперь я отбрасываю стыд в кучу прочего мусора, засорившего этот дом.

— Ты пьяная, что ли?

Глупый вопрос Ханны заставляет меня огрызнуться.

— Нет, — говорю я, — просто ненавижу всех.

Она явно не ожидала такое услышать. Нахмурившись, она напряженно размышляет, как это связать с Фелисити Морроу, которая существует в ее представлении.

— Точно, надралась, — резюмирует Ханна и кладет мою руку на свои плечи, хоть я в общем-то держусь на ногах. — Может быть, мы проводим тебя до дома?

— Я сама, спасибо, — отвечаю я и высвобождаюсь из ее цепких рук, чтобы уложить волосы в конский хвост. В какой-то степени меня это отрезвляет.

— Увидимся, Ханна, — говорю я.

Не найдя своего пальто у входа, я заплетающимся шагом иду домой без него, промерзнув до костей к тому времени, когда наконец поднимаюсь на холм, где стоит Годвин-хаус.

Дверь за мной с шумом захлопывается.

— Эллис? — зову я в фойе.

Тишина. Поздний час: полоска света под дверью комнаты домоправительницы МакДональда еле видна.

Я стягиваю плед с дивана и заворачиваюсь в него. Старый Годвин-хаус плохо утеплен, поэтому внутри ненамного теплее, чем снаружи.

«Возможно, здесь так холодно по другим причинам», — шепчет Алекс в глубинах моего сознания. Мысленно гоню ее прочь.

Поднимаюсь на второй этаж. В отличие от комнаты МакДональда, у Эллис свет горит ярко.

Стучу.

Тишина.

— Эллис? Это я, — стучу настойчивее. — Фелисити.

Ответа так и нет. Но я слышу скрип половицы, когда она... Что? Встает с кресла? Ходит по комнате?

Эллис там. Просто игнорирует меня.

Еще на минуту я задерживаюсь в коридоре и смотрю на желтую полосу света в надежде, что увижу на полу тень Эллис, выдающую ее местоположение. Но никаких движе-

ГЛАВА 14

ний больше не происходит. Я представляю, что она сидит за письменным столом и наблюдает за дверью, как и я. Ждет, пока я уйду.

И я ухожу.

Пусть торжествует.

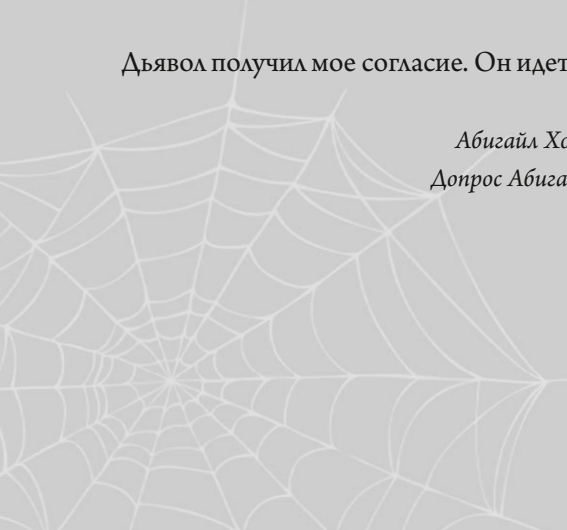
Девушка стала вороной, ворона истлела до костей, кости рассыпались в прах. Теперь я задаюсь вопросом, налагаются ли такие проклятия только на грешников.

Эллис Хейли, «Ночная птица»

Пациент эмоционально нестабилен, с всё более неустойчивыми перепадами настроения и повышенной реактивностью на окружающее. Наблюдаемые положительные симптомы: фиксированный бред и аудиовизуальные галлюцинации, которые не поддаются терапевтическому вмешательству. Будет рекомендована и обсуждена с родителем пациента схема нейролептического лечения.

*Запись в медицинской карте,
Реабилитационный центр Сильвер-Лейк*

Дьявол получил мое согласие. Он идет и причиняет им боль.

*Абигайл Хоббс, признанная ведьмой;
Допрос Абигайл Хоббс в деревне Салем,
19 апреля 1692 г.*

ГЛАВА 15

Когда на следующее утро я просыпаюсь — поздно, с сильной головной болью и вкусом старых носков во рту, — Эллис уже нет в Годвин-хаус.

На кухне я пью ее оставшийся кофе и глотаю столько парацетамола, сколько может выдержать мой пустой желудок. Потом я заставляю себя принять душ и одеться, а затем, сжав зубы, твердой рукой наношу макияж. Я не собираюсь быть *такой*. Я не из тех девушек, которых игнорируют.

— Где Эллис? — спрашиваю я у заведующей МакДональд, стоя в дверях ее кабинета.

— Вы сегодня чудесно выглядите, Фелисити.

— Благодарю вас. Вы видели Эллис?

МакДональд бросает на меня взгляд, свидетельствующий о ее удивлении тем, что я еще не знаю ответа на этот вопрос.

— Суббота, дорогая моя. Она на тренировке по фехтованию.

Ну конечно.

Я выясняю, где проходит тренировка, просматривая сайты фехтовальных команд в телефоне, затем отправляюсь через двор с зажатым в руке термосом с кофе и пледом,

накинутым на плечи; то пальто, что я потеряла, было у меня единственным.

В этом году я еще не была в спортивном комплексе. Раньше я ходила туда с Алекс все время: теннис, беговая дорожка, стена для скалолазания. Теперь я вторгаюсь на чужую территорию.

Здание, в котором находится спортзал, раньше было больницей, лечебницей Святой Агаты — по крайней мере я прочитала об этом однажды в старинных записях, погребенных в архивах библиотеки Дэллоуэя. Интерьер до сих пор сохраняет следы истории. Тренировочный зал раньше был моргом; канавка в полу — чтобы убирать кровь и жидкости во время вскрытия. Бывшая хирургия теперь раздевалка, но смотровой балкон все еще нависает над головой, пустые сиденья собирают пыль, призраки наблюдают сверху, как мы раздеваемся.

Пациенты Святой Агаты должны были платить пошлину, когда их принимали. Деньги были нужны на покрытие расходов на погребение.

Фехтовальные залы находятся на четвертом этаже. Я вхожу внутрь и встаю у стены, наблюдая, как одинаковые женщины в масках колют и рубят друг друга. В этом есть определенная грация — что-то, напоминающее танец. Шпаги из тонкой стали рассекают воздух, длинные руки и ноги движутся в ритме, который может услышать только танцор.

Пусть все фехтовальщицы и одеты в одинаковую белую форму и носят одинаковые сетчатые маски, я узнаю Эллис почти сразу. Нет ни одной столь же высокой, с такими узкими плечами и бедрами; ни одна не двигается так решительно.

Все остальные танцуют, Эллис охотится.

Она замечает меня через несколько секунд, отступает на шаг, ее безликая маска поворачивается ко мне; ее соперница делает выпад — и лезвие щелкает Эллис по груди.

Я улыбаюсь.

Эллис снимает шлем и вышагивает через зал ко мне. Ее волосы выбились из узла, пряди прилипли к потному лбу, щеки покраснелись.

— Ты меня отвлекла.

— Ты игнорировала меня прошлой ночью.

Она упирается кончиком шпаги в плитку пола, как конкистадор.

— Должно быть, теперь мы квиты?

Это та же игра, в которую мы играли до начала семестра. Но в этот раз я не проиграю.

— Почему ты не отозвалась, когда я стучала в дверь?

— Я писала, Фелисити. Я не хотела, чтобы меня беспокоили.

— И правда. Но я решила, что ты закончила с писательством этой ночью, раз все-таки пришла на вечеринку.

Она долго разглядывает меня, по ее носу стекает капля пота. Ее рот плотно сжат.

— Может быть, на меня снова нашло вдохновение.

Мои губы подрагивают. И наконец, Эллис первая отводит взгляд.

— Пошли, — говорит она, ухватив меня за локоть и подталкивая к двери. — Я все равно уже закончила тренировку.

Я жду за пределами раздевалки, пока она помоеется в душе и заменит свои доспехи. По морозу мы возвращаемся в Годвин-хаус, мокрые волосы Эллис покрываются инеем, когда мы шагаем через двор, а после, в помещении, талая вода капает с них на пол. Я сразу иду к камину в комнате

отдыха, мои руки трясутся, и спичка зажигается лишь с третьего или четвертого раза.

— Дерьмо, — шепчет Эллис, дуя в сложенные ковшиком ладони. Она еще дрожит, когда подходит, чтобы сесть на пол рядом со мной, мы прижимаемся друг к другу и ждем, когда разгорится огонь. Вода с ее волос капает мне на плечо; я чувствую, что промерзла до костей.

— Сейчас только двадцать девятое октября, — говорю я. — Будет еще холоднее.

— Я не хочу об этом думать.

Довольно долго мы сидим молча, тишина нарушается только треском разгорающихся поленьев. Кончики пальцев Эллис совсем белые, словно эта часть ее тела умерла.

Интересно, сколько времени понадобилось, чтобы тело Алекс приобрело такой цвет? Я представляю, как холодная зима оберегает ее плоть, ее труп изломан, но прекрасен, словно ледяная кукла.

— Ты собираешься домой на День благодарения? — неожиданно спрашивает Эллис.

Я отрицательно качаю головой.

— Моя мать в Париже до Нового года. Я думаю, что она забыла про этот праздник.

— Я тоже не поеду, — говорит Эллис. — Мне и так нужно будет вернуться домой на зимние каникулы. Этого вполне достаточно.

До смерти хочется спросить Эллис о ее семье. Она никогда не упоминает о них, и я не имею никакого представления, вместе ли живут ее родители, было ли у нее счастливое детство, поддержала ли семья ее мечту стать писателем. Может быть, обычный человек спросил бы. Но только люди с любящими семьями рады говорить о них; когда меня спрашивают о моей матери, я всегда вру.

— В любом случае в Саванне мне делать нечего, — говорит Эллис, и я оглядываюсь, не сумев скрыть удивление.

— Что ты имеешь в виду?

Она вздыхает, приподнимается на локтях и откидывается на ковры, подставляя ноги теплу.

— Мы жили у черта на куличках — на самой окраине. У моих мам есть поместье в сотни акров; ближайший сосед живет в нескольких милях.

— А как же одноклассники?

— Я не ходила в школу, — говорит она. — Мои родители из тех богачей, которые считают, что маленькая армия частных учителей за сотни тысяч долларов — это лучшее вложение, чем Эмма Уиллард*. Естественно, это означало, что Квинн была единственным моим другом — но и она уехала в Йель, когда мне было восемь лет. Остались лишь репетиторы. И собаки, конечно.

Я предполагаю, что Квинн — это сестра Эллис; очевидно, ее родители предпочитают называть детей существующими фамилиями.

Через секунду я тоже ложусь на спину, очень близко к Эллис, и могу чувствовать, как ее грудь поднимается и опускается в такт дыханию, моя голова уютно устроилась в изгибе ее плеча.

— Ты поэтому начала писать? Потому что тебе было скучно?

— Может быть... Возможно... — Она накрывает рукой глаза. — Да.

* Эмма Уиллард — американский общественный деятель. В 1821 году с помощью финансовой поддержки государства открыла первую в Соединенных Штатах школу, где было организовано высшее образование для женщин.

Я поворачиваюсь к ней лицом и вздыхаю; ее волосы все еще мокрые, но пахнут лимоном.

— Моя мать — сумасшедшая, — признаюсь я. Говорить легче, когда Эллис не может меня видеть. — Сейчас ей лучше, пожалуй; или же она так часто путешествует, что я больше не замечаю ее безумия. Но когда я была младше... ни когда не знала, какая версия матери передо мной. Может, сегодня она считает, что ты лучший человек на земле, а может, и нет. Может быть, сегодня ее жизнь потерпела крах, и всему виной являешься ты.

Еще она могла топить свое горе в очередной бутылке коллекционного «Клико», и нужно было ее снова спасать.

Эллис ничего не говорит. Я благодарна ей за это — даже не знаю, что могло в такой ситуации быть лучше, чем молчание. Она убрала руку с лица и накрыла ею мое колено, мы вдвоем, как два тела-близнеца, бок о бок. Ее глаза по-прежнему закрыты.

— Хотя себя она никогда не считала проблемой, — продолжаю я. — Во-первых, по ее мнению, всему виной было мое чрезмерное беспокойство. Потом, после этой ситуации с Алекс... Ее так унижала мысль, что это она родила меня. Слово в обществе нет греха тяжелее, чем быть родителем ребенка, который... которого нужно поместить в психиатрическую лечебницу. Все, чего я хочу, это быть лучше, чем она.

После этого признания я ощущаю, словно камень упал с моей души. Слова сказаны, назад не возьмешь.

Я почти ожидаю, что Эллис рассмеется и скажет мне, что я в самом деле неудачница и что моя мать права, стыдясь меня.

Но вместо этого она тяжело вздыхает.

— Нехило. Моих родителей никогда не было рядом, но должна признаться... может быть, в этом мне повезло. — Сейчас она смотрит на меня, повернув голову так, что наши

носы почти соприкасаются. Ее дыхание согревает мои губы, ее лицо так близко, что видны мельчайшие поры.

Мое сердце вдруг начинает биться быстрее. Я не могу забыть, как Эллис двигалась со шпагой в руке, вспотевшая и яростная.

Я резко сажусь, впившись ногтями в ковер.

— Мне нужно идти, — говорю я. — Я вспомнила, что должна сдать Уайатт хвосты к понедельнику.

Эллис поднимается медленнее, но все еще остается на полу, когда я встаю.

— Хорошо. Мы увидим тебя на ужине?

— О. Я не... может быть. Посмотрим.

— Фелисити, подожди. — Эллис останавливает меня на поддороге к выходу. Я останавливаюсь и оглядываюсь через плечо; она по-прежнему сидит на полу, на мокрых прядях волос играет отблеск от пламени камина. — Я подумала...

На какое-то мгновение она почти выглядит на свой возраст, черты лица смягчаются, губы приоткрыты. Но затем иллюзия пропадает, и передо мной вновь появляется знакомая мне Эллис.

— Следующий «Ночной перелет»... может быть, тебе снова взять руководство на себя? Главная цель этого проекта в том, что я доказываю нереальность магии. Так почему бы тебе не поучить нас немножко колдовству?

У меня перехватывает дыхание; кровь застывает в жилах. Я зажмуриваюсь. И в эту долю секунды снова вижу ее — Марджери Лемонт, — ее бледное лицо возникает за спиной Алекс.

— Не уверена, что это хорошая идея.

Эллис склоняет голову.

— Почему не уверена?

— Мне не следует заниматься колдовством. Никогда.

— Ты уже занималась колдовством. Ты посвятила меня в ковен Годвина, не так ли?

— Это было не колдовство. Это был просто обряд.

— А в чем разница? Это не обязательно что-то темное и ужасное. Одна из нас может порезать палец, и ты можешь попробовать произнести заклинание, если хочешь. Но я хочу дать тебе справедливую возможность подтвердить, что магия *существует*, прежде чем опровергну это окончательно.

В ответ у меня нет ни единого весомого аргумента. Надо бы возразить, но нечем. Похоже, Эллис это знает, смакует мое поражение, как кровь, растворенную в воде, поэтому я просто киваю и ухожу, прежде чем в ее голову придут еще какие-нибудь сумасбродные идеи.

Это правда, что к понедельнику мне нужно сдать эссе на проверку, но когда я поднимаюсь наверх и усаживаюсь за стол работать, то понимаю, что не могу сосредоточиться. Слова сливаются воедино на экране ноутбука, и в висках пульсирует боль, несмотря на все таблетки, что я проглотила утром.

Я не могу этого сделать. Я не могу снова колдовать. Дело даже не в Эллис — я не могу так поступить с Алекс. Даже если этот призрак существует только в моей голове, это... бесчеловечно.

Прошло меньше года с тех пор, как я наблюдала падение своей девушки в водную могилу. Меня больше должна беспокоить кровь Алекс на моих руках, чем запах волос Эллис.

Магия — это в первую очередь то, что принесло мне большие проблемы. Но теперь я не могу сопротивляться просьбе Эллис, мне безумно хочется ей уступить.

И, быть может, я чудовище, потому что она — это все, о чем я могу думать сейчас.

ГЛАВА 16

Проснувшись, я вытягиваю карту из колоды. Девятка Мечей. Я положила ее на место, перетасовала колоду и вытянула вновь, второй раз Девятка Мечей.

Страх и ночные кошмары.

Даже до того, как я увижу ее, я знаю, что Алекс придет ночью.

Я уже написала Уайатт просьбу об отсрочке и с тех пор была, говоря метафорически, прикована к своему рабочему столу. Мои руки лежат на клавиатуре, будто это заставит меня работать, но все мое внимание уплывает прочь от ноутбука и дальше за окно навстречу быстро приближающейся ночи. Сумерки ложатся быстрее, чем обычно, занавесом спускаются над горизонтом, заманивая нас на затемненную сцену. Снег окутывает своей особенной тишиной.

Воскресенье. Самайн.

Мой взгляд снова уплывает от компьютера, минует мое отражение в окне и направляется к лесу. Сначала я решаю, что это игра света, отражение моего ночника в оконном стекле, — но затем оно начинает двигаться.

Я захопываю ноутбук и, наклонившись через стол, прижимаюсь носом к оконному стеклу. Даже с двойным остеклением, установленным после моего отъезда в прошлом году, окно холодит мою кожу.

Там. Там, в лесу, между деревьями перемещается какая-то фигура.

Даже на расстоянии я вижу рыжие волосы Алекс.

Лунный свет отражается от ее кожи и придает ей странно переливающийся оттенок, словно у брошенного в воду белого опала. Ее движения не похожи на человеческие, ее бестелесная форма, словно облако, перемещается с места на место, мелькает среди деревьев и исчезает, чтобы через мгновение возникнуть снова.

На самом деле ее нет, ее нет, ее нет.

Она есть.

Я отодвигаю стул и хватаю с изножья кровати плед, заворачиваюсь в него и с грохотом мчусь по лестнице к черному входу в Годвин-хаус.

С тех пор, как накануне мы с Эллис пересекали двор после тренировки по фехтованию, температура резко упала. Пар от дыхания клубится у моего лица, когда я бросаюсь через лужайку позади Годвина. У меня стучат зубы; я прекрасно чувствую свою физическую сущность, осознаю свою смертность перед лицом... Алекс.

Я не знаю, кто она сейчас.

Скрываясь под спасительной сенью деревьев, я начинаю жалеть, что не взяла с собой фонарик или по крайней мере телефон — что-нибудь, чем можно было бы осветить путь. А сейчас ветки царапают мои щеки, и я спотыкаюсь о невидимые корни, налетаю на стволы и слепну еще больше от собственного адреналина.

— Алекс?

Мой голос не отдается эхом; он заглушен лесом, тишина после моих слов наступает гораздо быстрее, чем прежде.

Воздух здесь сухой, как гранит, высасывает влагу из моей кожи, губы потрескались. Я крепче сжимаю руки в плече и замедляю шаг, слишком хорошо зная, как кроны деревьев поглощают лунный свет и как снег приглушает звук шагов. Если что-то подберется ко мне сзади, я не услышу, пока не будет слишком поздно.

У меня покалывает затылок. Я оборачиваюсь, но сзади ничего нет, только пустые лица умирающих деревьев и беспросветная тьма.

Я дышу слишком громко. Я закрываю рот углом плеча, словно так могу заглушить звук. Это заканчивается тем, что я почти задыхаюсь от собственного влажного дыхания.

— Алекс? — на этот раз ее имя звучит мягче, как чирикание птенца.

У меня нет повода думать, что Алекс в облике призрака доброжелательна. Она может утащить меня в ночь по какой угодно причине. У нее может быть намерение убить меня.

Я бы никогда не поверила в ее отсутствие. Я никогда не сомневалась, что ее призрак реален. Я знала, что она здесь, нутром чувствовала. Зачем духу Алекс оставлять меня в покое, если проклятие Марджери не снято? Марджери предъявила права на Алекс в ту же ночь, что и на меня: в ночь моего спиритического сеанса.

Моя вина. Во всем этом — моя вина.

Я останавливаюсь на поляне, медленно поворачиваясь по кругу. Я не могу контролировать все вокруг; я не могу гарантировать, что в тот момент, когда я повернусь спиной к тому или иному дереву, ее призрак не выскользнет из-под лозы, чтобы сомкнуть холодные пальцы на моем горле.

— Прости, — шепчу я. Если она меня и слышит, то не дает об этом знать.

Потом я поворачиваюсь на каблуках и со всех ног мчусь прочь из леса. Я спотыкаюсь и перелетаю через камни и корни, с трудом поднимаюсь по ступенькам в Годвин-хаус и чуть не падаю в холле черного хода, капаю растаявшим снегом на половицы и дрожу от охватившего меня тепла.

Я возвращаю турмалин на подоконник, защиту от чего-то — кого-то — увиденного. Но, забравшись в постель, не могу уснуть.

Я боюсь закрыть глаза.

Я спланировала третий «Ночной перелет», записки написаны протекающей авторучкой Эллис, сложены, перевязаны шпагатом и подсунуты под двери. После того как я доставляю послания, Каджал с покрасневшими глазами находит меня на кухне, я завариваю чай.

— Я не могу прийти сегодня ночью, — говорит она. — Я знаю, что не допускается говорить об этом, но я не хотела, чтобы вы прождали меня напрасно.

— Ты нездорова? — спрашиваю я.

Каджал морщится, словно ей больно.

— Да. Наверное, время года такое, правда? Не сомневаюсь, до конца недели я заражу всех остальных.

— Ой, нет. Прости. Слушай, а давай я заварю тебе чайку. И не беспокойся о ночи, правда; тебе следует отдыхать...

— Что происходит?

Оглянувшись, я вижу Эллис у входа в кухню, одной рукой она упирается в дверной проем, уже одетая в блейзер и брюки из саржи, несмотря на то, что нет еще и восьми утра.

Каджал чихает в локоть, затем трет ладонями щеки.

— Я болею. Очевидно, я не собираюсь ничего делать ночью, так что подумала...

— Не будь смешной, — перебивает Эллис. — Конечно, ты будешь делать это ночью. Просто небольшой вирус. Мы не можем собраться без тебя.

— Я в самом деле не могу. — Волосы Каджал обычно идеально ухожены, шелковисты и уложены свободными волнами; сегодня они скручены в неряшливый узел и стянуты резинкой. Вид у нее больной, ей бы лежать в кровати, а не бродить по холодному лесу.

Но Эллис хмурится еще сильнее, отталкивается от дверного проема и заходит на кухню.

— Ты должна пойти. Ты не можешь выбирать, Каджал, — ты давала клятвы во время посвящения. Теперь ты с нами связана.

— Все нормально, Эллис, — говорю я и ловлю себя на том, что пытаюсь протиснуться между ними, хотя знаю, что Эллис не причинит Каджал вреда. — Магии не существует, ты же помнишь? И значит, ни один злой дух не восстанет из мертвых, чтобы наказать Каджал за одну пропущенную ночь.

Конечно, клятвы, что мы произносили во время посвящения, совсем не были *теми самыми* клятвами — я поостереглась использовать колдовство в начальных обрядах, чтобы *угодить*, — но это возражение Эллис примет. Это все, что имеет значение. И если она все еще хочет, чтобы я занялась сегодня ночью колдовством, чтобы *выступила* перед ней, как призовая лошадь, она согласится.

Лицо Эллис становится спокойным и гладким как мрамор, высеченная в камне бесстрастность. Я не знаю, как это понимать, поэтому остаюсь на месте, вросшая ногами в пол, в неровный фундамент Годвин-хаус.

Наконец, улыбка раскалывает ее губы, и Эллис кивает:

— Прекрасно, — говорит она настолько спокойно, что я почти верю, что теперь ей все равно. — Как хочешь. Надеюсь, ты поправишься, Каджал.

Не произнося больше ни слова, она поворачивается и выходит, и от вакуума, оставшегося после ее ухода, становится трудно дышать. Когда я смотрю на Каджал, она опирается на кухонный стол, словно из нее выпили всю кровь.

— Эллис это переживает, — говорю я и предлагаю ей руку, впрочем, без особой надежды. Но она принимает ее, опирается и позволяет мне помочь ей пройти в комнату отдыха, где она сворачивается калачиком на диване. Я накрываю ее тоненькие ножки одним из наших уродливых пледов и подтыкаю его под нее.

— Принести тебе что-нибудь? Книгу? Чай?

— Хорошо бы чаю, — соглашается она, и я провожу остаток утра, присматривая за ней, проверяя, ела ли она что-нибудь, и попутно редактируя работу по английскому языку, которую нужно сдать в конце недели.

Когда наступает ночь, я ухожу без Эллис. Для ночного собрания я выбрала площадку подальше в горах — настолько далеко, что мне пришлось позаимствовать велосипед, стоящий непристегнутым у Янси-хаус, и крутить педали по дороге через холмы. К тому времени, как я добираюсь до места, я взмокла и задыхаюсь. А когда слезаю с велосипеда, цепь зажимает мою юбку и рвет подол.

— Фантастика, — бормочу я, прыгая на одной ноге, чтобы осмотреть повреждения. Цепь еще и оставила масляное пятно на колготках возле щиколотки. Это не конечная точка — я планирую, что мы переместимся, как только все будут в сборе, — и я уже начинаю жалеть об этом выборе,

так же как начинаю жалеть и о том, что привезла в сумке ритуальные принадлежности. Тяжелая сумка болтается на моем бедре, не давая забыть о собственной глупости.

Как обычно, мне не следует позволять Эллис давить на меня.

Леони уже здесь, присела у занимающегося костра и дует на угольки, словно может оживить его, несмотря на сырость.

— Не знаю, почему Эллис не может запланировать это в помещении, — говорит Леони, тыча в уголи палкой. И хотя я одна из тех, кто планировал ночную встречу, обвиняет она, конечно, Эллис. — Сейчас ноябрь. Я совсем замерзла.

— Если мы не будем ощущать дискомфорт, нужного результата не получится, — говорю я, максимально копируя Эллис, а Леони фыркает в ответ и слегка улыбается.

— Ну, если в другой раз тебе выпадет прийти первой, — говорит она, — скажи Эллис, пусть назначает меня последней.

Здесь, должно быть, ранее прошел дождь, а потом, после наступления сумерек, все замерзло. Камни, на которых предполагалось сидеть, скользкие ото льда; трава хрустит под ногами. Я кладу сумку на землю и сажусь на нее, протянув ноги к скудному огню Леони.

— Я собралась на каникулы Дня благодарения, — проносит Леони. — Знаешь, Каджал едет со мной.

— Вы из...? — Леони говорила мне в тот вечер, когда мы впервые встретились, но я не помню. Я была слишком занята мыслями о себе и Эллис.

— Ньюпорта. Так что боюсь, теплее, чем сейчас, не будет.

— Планируете как-то развлекаться?

Она пожимает плечами; жест выглядит как-то неестественно, но это, наверное, из-за холода.

— То есть... Моя бабушка болеет. Наверное, умрет. Так что... не особенно весело.

Я вздрагиваю, и мне немедленно хочется забрать свой вопрос назад.

— О... Прости.

— Всё в порядке. — Она бросает палку в огонь, оставив попытки расшевелить его. — Она стареет. Это происходит рано или поздно.

— Тоже правда.

Леони вздыхает и садится на один из стылых камней, положив руки в перчатках на траву.

— Знаешь, она была первой чернокожей ученицей в Дэллоуэ. Верховным судом как раз был принят закон об отмене сегрегации, и Дэллоуэй хотел выглядеть прогрессивным — поэтому они вынуждены были найти подходящую умную и богатую молодую чернокожую девушку, чтобы держать лицо. Моя прабабушка была богата, она была изобретательницей, а бабушка и вовсе была гениальна. С тех пор Шуйлеры учатся в Дэллоуэ.

Мои брови в удивлении поднимаются.

— Я этого не знала. — Понятно, что кто-то всегда должен быть первым, но мне никогда не приходило в голову, насколько все было прагматично и что, наверное, бабушка Леони чувствовала себя не как желанная гостья, а как боец на линии фронта.

Леони кивает, крутит кольцо с печаткой на мизинце.

— Я здесь благодаря ей. Думаю, Томасин и Пенелопа тоже.

Пару секунд я вспоминаю этих девушек: Томасин — на втором курсе, а Пенелопа — на первом. Обе чернокожие.

— Вас здесь только трое, — удивленно говорю я и медленно краснею. — Извини. Глупость сказала.

— В общем-то нет. — Леони перестает вертеть кольцо, опирается руками о камень и отклоняется назад так, что может поднять лицо к звездному небу. — Ты права. Нас трое. Моя бабушка очень гордилась тем, что окончила эту школу.

— Жаль, что она больна. Не могу себе представить... — И это правда; я никогда не знала своих бабушек и дедушек. Моя мать не говорила о них, и они никогда не трудились связаться с нами.

Леони взглянула на меня. Огонь отразился в ее темных глазах, как миллионы разбитых алмазов.

— Я обнаружила, что моя бабушка знала всех великих писателей Гарлемского Ренессанса, с самого начала. Зора Ниэл Хёрстон, Анна Спенсер... Она никогда не упоминала о них. До того, как начала умирать. А сейчас может быть слишком поздно.

Она прикусывает нижнюю губу. Хотелось бы мне знать ее достаточно хорошо, чтобы подойти и взять ее за руку, но мы в основном общались под присмотром Эллис. Я знаю только ту Леони, которую хочет видеть Эллис.

Нужно подумать, как это исправить.

— Все равно, — вдруг говорит Леони, — я собираюсь записать ее рассказы, пока буду дома. С помощью Каджал. Я хочу, чтобы обязательно было что-то вроде архива, понимаешь?

— Я считаю, это чудесная идея, — говорю я, улыбаясь, искренне восхищаясь Леони. И я завидую ей. В моей семье вообще никто не интересуется литературой. Моя мать смотрит на мое увлечение книгами с тем же недоумением, с каким она относилась к моему прежнему увлечению бегом — хобби можно упомянуть в вежливом разговоре, но заниматься им постоянно, в конце концов, не обязательно.

Если бы моя мать узнала, что я хочу изучать английский язык в колледже, что надеюсь однажды стать профессором словесности, она умерла бы от такого вопиющего позора. Светской львице нет нужды работать, она, фактически, и не обязана этого делать.

— Я рада, что мы решили начать это, — говорю я после долгой паузы. — Я про «Ночные перелеты». Эллис считает, что это поможет ей написать книгу, так что...

Леони смеется.

— О. Верно, да. Это так глупо, правда? Обряды, все это так театрально. Хуже всего с ковеном Марджери — у меня ушла куча времени, чтобы избавиться от козлиной вони на одежде. Но это весело. Не должно быть, но это так.

Да. Весело.

Может быть, любить все это нормально. Может быть, хорошо находить комфорт во тьме, пока я не даю себе зайти слишком далеко.

И я ничего не могу с собой поделать. Я должна знать. Я должна узнать, знает ли Леони. Я облизываю губы и начинаю:

— Послушай, Леони, насчет ковена Марджери...

Но Леони обрывает меня, хватая меня за запястье и указывает на поляну:

— Смотри.

В лесу возникает огонек, он прыгает среди деревьев; в конце концов, лес выпускает Клару из своих объятий в поле нашего зрения. Она закутана во что-то похожее на два балахона, луч фонарика трясется в такт ее крупной дрожи.

— Ты шла пешком? — ужасаюсь я.

— Как еще я добралась бы сюда?

— На велосипеде, — одновременно сказали мы с Леони и переглянулись.

Клара корчит гримасу и подходит к костру с другой стороны, потирая руки и очевидно не желая сидеть на мокрой траве.

И вот на дальнем конце поля появляется свет фар — там, должно быть, дорога, я пропустила ее на карте. Колымага переваливает через холм и останавливается в двадцати футах от нас, двигатель работает еще целых десять-пятнадцать секунд, прежде чем заглухнуть. Я бы беспокоилась о том, что кто-то может приехать сюда среди ночи, если бы не была совершенно уверена, что вероятность найти нас здесь, в глухом месте, наугад выбранном мною, равна почти нулю.

Я не признаю в машине грузовичок Эллис, пока она не появляется со стороны водителя, одетая в сапоги для верховой езды и дубленку. Она шагает по промерзшей земле без фонаря; когда она подходит довольно близко, я понимаю, что она даже не надела перчатки.

Эллис не говорит ни слова о Каджал, да и вообще ни о чем, если уж на то пошло. Когда она подходит, то останавливается между мной и Кларой так, что огонь оставляет ее лицо наполовину в тени.

— Кого вызываем на этот раз? — спрашивает Клара. — Сильвию Плат?

Эллис отрицательно качает головой.

— За это отвечает Фелисити. Я думаю, что у нее свое решение. Да, Фелисити?

Я киваю и, наконец, поднимаюсь на ноги, а затем смахиваю кусочки коры и папоротника, прилипшие к юбке.

— Прогуляемся, — сообщаю я им, забрасывая костер влажными листьями. — Пошли.

Я веду их сквозь лес, вниз по склону холма, время от времени вытаскивая телефон, чтобы проверить координаты. Только сейчас мне приходит в голову, что я совсем не знаю,

как остальные нашли место «Ночных перелетов» — ни у одной не было моби́льника.

Они точно не пользовались компасом?

Десять минут ходьбы — и мы выходим на поляну. Судя по тихому шепоту за спиной, я могу сказать, что остальные узнали это место — если не по собственным воспоминаниям, то по историческим городским фотографиям.

Церковь была заброшена около сорока лет назад; окна заколочены досками, главный вход заперт на висячий замок, хотя я подозреваю, что полицию больше заботили непрошенные гости, чем ведьмы. Снаружи белые доски местами почернели, словно закоптились, хотя, согласно имущественной ведомости, здесь никогда не было пожара. Шпиль слегка наклонился к востоку, древний крест, который когда-то венчал его, опрокинулся и висит почти вверх ногами.

Ковен Марджери проводил здесь обряды посвящения в течение двадцати семи лет. Иногда мне любопытно: реальна ли сила, разрушившая здание, необратимая мощь безрассудных богатых девиц, разъедающая реликвии?

— Я не собираюсь туда входить, — заявляет Клара, останавливаясь возле скрипящего забора, окружающего церковный двор.

Остальные обмениваются взглядами. Иногда я думаю, что Леони и Каджал жалеют, что втянули Клару в наши игры. Она моложе и впечатлительна настолько, что теряет способность соображать.

— Всё в порядке, — говорит Леони с удивительной мягкостью. — Это просто старое здание.

Конечно, она бывала здесь прежде; она знает по опыту.

— Я думаю, девятнадцатый век. — Эллис подходит ближе, глядя в закрытые ставнями окна и проводя рукой

по доскам. Даже в лунном свете видно, что кончики ее пальцев испачкались.

— Интересно, почему никто не потрудился сохранить это место? Это должен быть исторический памятник.

Клара все еще смотрит подозрительно и по-прежнему жмется к Эллис.

— Церковь была построена в 1853 году, — говорит Леони, я оборачиваюсь и вижу, что она разглядывает покосившуюся колокольню, держа руки в карманах. — Ее заказали люди, владевшие в то время Дэллоуэем. Ее даже использовали как лечебницу в 1918 году, во время эпидемии испанки.

Я уставилась на нее.

— Откуда ты это все узнала?

— Я — историк, — объясняет Леони, подходя ближе и вытаскивая руку, чтобы потрогать дверную раму. — Я много читала об истории Дэллоуэя.

Я никогда не видела подобных книг в библиотеке школы. И теперь задаюсь вопросом: уезжала ли она за пределы кампуса для своих исследований — и обнаружила ли в своих поездках по городу какие-нибудь записи, которые я прежде не находила? Записи, которые Дэллоуэй, возможно, предпочел бы похоронить навечно.

Из кармана юбки я достаю ключ и открываю замок; мы, девушки из ковена Марджери, срезали полицейский замок и повесили собственный. Полагаю, когда ковен решал, отлучать ли меня, им и в голову не пришло забрать у меня ключ.

Дверь церкви открывается с жалобным скрипом, и я немедленно чихаю. Если ковен Марджери и совершал обряд посвящения в этом семестре, пыль уже вернулась на свое место.

— Пошли, — говорю я и щелкаю фонариком.

Остальные настороженно следуют за мной, и это немного забавно, учитывая, что ни одна из них даже не верит в призраков. Я направляю свет фонарика во все четыре угла церкви, отмечая обычные атрибуты: купель для крещения, кафедру, скамьи, накрытые ветхими белыми чехлами. Ничто не сдвинуто. Здесь никого не было уже много недель. Во всяком случае, никого из живых.

На полу до сих пор виднеется пятно козлиной крови, там, где нарисовали мелом пентаграмму для посвящения этого года, на которое меня не позвали. Клара замечает его и вскрикивает, прижимаясь спиной к груди Эллис. Я не могу удержаться от смеха.

— Может быть, это просто краска, — говорю я, хотя ответ знаю наверняка. Я опускаюсь на колени перед этим пятном, чтобы снять сумку с плеча, и начинаю выгружать материалы. Вынимаю склянку с гвоздикой и объясняю девушкам, что нужно положить одну штуку себе под язык и тихо проговорить посвящение.

Клара хихикает и строит рожицы, пока глотает свою гвоздику, словно это глупая формальность, а не сакраментальное действие. Леони потихоньку свою выплевывает.

Я же свою гвоздику смакую, наслаждаясь ее теплой насыщенной пряностью, тем, как мой язык немеет от нее, ароматом, который пропадает, когда я ее разжевываю. Даже после того, как я проглатываю гвоздику, во рту еще надолго остается горький привкус.

Я зажигаю две свечи — белую и синюю — и кладу в чашку три куска белоснежного кварца. Другую же чашку наполняю дождевой водой из стального термоса, позаимствованного из кухни Годвина.

Заклинание было взято не из книги. Я его придумала. Оно просто *кажется* правильным, каждый элемент моего

алтаря, словно нитями, связан с чем-нибудь существующим в реальности. Симпатическая магия: подобное притягивает подобное.

Я макаю ягоды остролиста в дождевую воду, затем катаю их в сахаре до момента, пока их темно-красная кожица не покроется импровизированным инеем и не засияет в мерцании свечей. Наконец, пальцем, смоченным в этой же воде, я вывожу на полу фрактал — линии и углы пронизывают друг друга в идеальной симметрии.

Остальные наблюдают за моей работой в настороженной тишине. Я не знаю наверняка, то ли Эллис как-то предупредила их о том, что не стоит разговаривать, то ли часть из них интуитивно это ощущает. Но когда я поднимаю голову, все они сидят вокруг меня полукругом: ждут, как ученики, команды инструктора.

Я пригласила их, но для происходящего их присутствие не имеет значения. Они здесь только потому, что Эллис нужны все мы впятером, чтобы соответствовать пяти мертвым ведьмам из Дэллоуэя. Сегодня у нее нет пятерых, и это все портит. Но это не имеет значения.

Это заклинание о *большем*. Оно обо мне и Эллис. О магии — и о том, существуют ли силы, слишком могущественные и таинственные, чтобы мы могли понять их.

— Мы будем вызывать снег, — объясняю я им. — Закройте глаза и освободите разум. Постарайтесь представить, каков снег по ощущениям, вкусу, звуку, как он покрывает землю. Затем повторяйте за мной... Мы призываем северный ветер: поприветствуй нас своим дыханием и благослови нас своим даром.

Звучит немножко глупо, когда произносишь вслух, но Эллис закрывает глаза и повторяет мои слова, и все остальные тоже.

Холодок пробегает по моей коже, когда я опускаю взгляд на остролист в подоле, желтое мерцание от свечей танцует на поверхности дождевой воды и отбрасывает тени на мои ладони. Я улыбаюсь и тоже закрываю глаза, позволяя себе погрузиться в то пространство, что всегда открывается для меня в таких обрядах, — место тишины в моей груди, секретное место. Единственное, где я когда-либо чувствовала себя спокойно.

Я ошибалась, думая, что магия опасна. Может быть, Алекс. Может быть, ведьмы. Но не магия.

Никогда.

— Слушайте, — шепчет Эллис.

На секунду ее голос — единственное, что эхом отдается в моей голове, он мягкий и тяжелый, как сумерки вокруг нас.

А потом я слышу это: мягкий стук снега, падающего на крышу церкви.

Леони изумленно вскрикивает — а когда я открываю глаза, она, запрокинув голову, уже смеется. Стоящая рядом с ней Клара застыла с широко открытыми глазами, крепко обхватив себя руками. Если бы ее формы были поменьше, если бы ее кудри были беспорядочно растрепаны, а не аккуратно уложены, она была бы точь-в-точь вернувшаяся к жизни Алекс.

— Это работает, — восклицает Леони, вскочив на ноги и крутясь на месте, как ребенок, который только что узнал, что уроки отменили. — Фелисити! Снег идет!

Я перевожу взгляд на Эллис, у которой тоже на губах видна чуть заметная улыбка. Но эту улыбку труднее понять. Не могу сказать, верит ли мне Эллис или просто издевается надо мной.

Леони бросается через церковь, чтобы распахнуть двери. Снежный вихрь метет по полу, и я уже на ногах. Мы оставляем

свечи, кристаллы и ягоды остролиста, чтобы стоять там, на краю ночи, пока зима жалит нашу кожу.

Почему-то больше не холодно. Может быть, это тепло от содержимого фляжки, которую Леони вкладывает мне в руку, или от ровного, как сердцебиение, ритма голоса Эллис, когда она достает сборник стихов и читает нам, глядя на наши тела, лежащие на полу церкви, словно выброшенные куклы.

Вначале пустеет фляжка Леони, затем — фляжка Эллис. Проходит двадцать минут, прежде чем меня накрывают эмоции. Эйфория льется на меня, как холодная вода: я жива, я горю. Провожу пальцами по сахару и наслаждаюсь его вкусом на языке, и снег падает на наши лица сквозь дырявую крышу.

«Это лучше, чем любая из вечеринок в Болейне», — думаю я и позволяю пальцам Эллис сплестись с моими, а другой рукой беру руку Леони. Большой палец Эллис трется о костяшки моих пальцев; и воздух становится густым, как сироп. Я так напилась, что мир превратился в акварельную картинку — все очертания расплываются.

Каким-то образом мы снова оказываемся в лесу, Клара держит факел высоко над головой. Я не помню, где она нашла такую большую палку или как ей удалось зажечь ее от таких сырых дров, но мы идем за этим пламенем сквозь темноту, выписывая круги и шатаясь, а кровь обжигает наши вены.

Я трогаю ствол дерева и поражаюсь его шероховатости. Как же я хочу прижаться к нему лицом. Леони проводит пальцами по моим волосам, я могла бы поцеловать ее, и я почти сделала это. Вот только мы вновь отправляемся в путь, декламируя во все горло стихи для теней и побуждая призраков выйти поиграть.

Я не знаю, сколько времени длится этот кайф. Может, всю ночь; может быть, час.

Но утром я просыпаюсь на постели из папоротника и растаявшего снега. На моих губах лед, на ресницах иней. Мне так холодно, что я не помню, как дрожать.

Несколько секунд, несколько жадных вдохов — и я осознаю, что не умерла.

Что случилось?

Накануне я напилась так, как никогда прежде. Неужели я действительно выпила так много? Я не могу вспомнить, сколько раз фляжка попадала в мои руки, сколько раз она прижималась к моим губам.

В лесу тихо, как в мавзолее. Какую бы защиту ни давало мне заклинание прошлой ночи, теперь ее нет, растаяла как лед.

Прошлая ночь не вызвала снег.

Прошлая ночь вызвала *смерть*.

Я уставилась на деревья, ожидая ее прихода. Дух с белыми глазами и ядовитыми кончиками пальцев. Алекс с ее спутанными волосами в промокшем в озерной воде платье. Я знаю, что она там, потому что чувствую, как она смотрит на меня; каждое дуновение ветра в соснах — это ее шепот.

Мне нужно уйти. Я не могу быть тут. *Мне нужно уйти.*

Пошатываясь, я поднимаюсь и чуть не спотыкаюсь о тело.

— *Черт!*

Это Леони, ее темная кожа серебрится под припорошившим ее снегом. Она не двигается, совсем, словно труп в шитом на заказ костюме. Нам не следовало приходить сюда, нельзя было позволить себе уснуть.

Но вот она начинает двигаться, сжимает руку в кулак, ее рот недовольно кривится. Я отвожу взгляд и только сейчас

осознаю, что мы все здесь: Эллис съежилась под деревом, завернувшись в дубленку, Клара с бледными влажными щеками спит на куче листьев.

Ее рыжие волосы на снегу похожи на пролитую кровь.

Меня мутит, я отворачиваюсь. *Не думай об Алекс. Не думай. Не думай об...*

Ловлю какое-то движение среди деревьев. О боже — я ее вижу. Я вижу ее. Чуть более ясно, чем тень, но я узнала бы ее где угодно. Я закрываю глаза рукой, потому что не должна этого видеть. Но память рисует сквозь черный бархат за моими веками: Алекс на той скале, волосы путаются на резком ветру, щеки пылают от гнева — и она кричала на меня, кричала без остановки, поэтому я протянула руки и толкнула...

— Фелисити?

Голос Эллис. И, должно быть, именно Эллис берет меня за плечо и отводит от Клара, от тел, разбросанных по лесной подстилке, как ненужный мусор.

— Фелисити, — повторяет она, и холодные пальцы скользят по моему затылку и сдавливают череп. — Всё в порядке. Всё хорошо. Мы просто уснули.

Я не могу дышать. Воздух здесь такой густой, в нем нет кислорода, он колет, как разбитое стекло. Заливает мои легкие, словно стывшая вода. Сколько можно прожить без воздуха? Сколько времени пройдет, пока мое тело не рухнет, как тело Алекс? Озеро смыкается над головой. Я тону во тьме. Земля поглощает меня всю.

— Ш-ш-ш. Просто дыши.

Я не могу.

— Дыши.

Я плачу, слезы текут по щекам. Сейчас недостаточно холодно, чтобы они замерзли, пока недостаточно.

Я не убивала ее. У меня нет наклонностей к чему-то подобному. Я просто... Я схожу с ума. Я...

Марджери. Это Марджери свернулась, как гадюка, в моем сердце, заставляя думать так.

— Фелисити. Ты можешь на меня посмотреть? — Кто-то стирает мои слезы, пальцы скользят по моему лицу, словно составляя его топографическую карту. — Посмотри на меня.

Я смотрю.

Эллис так близко в этот момент, и все, что я вижу, — это ее глаза, облачно-серые и спокойные. Ее ладони на моих щеках. Губы покраснели.

— Ты в порядке, — повторяет Эллис и гладит мои волосы, как мать гладит свое дитя, и только теперь я понимаю, что все проснулись: Клара и Леони стоят, уставившись на меня, Леони прикрывает рот рукой, Клара жадно смотрит, широко открыв глаза.

Голос Леони все еще звучит в моей голове: *«Это так глупо, правда?»*

Эллис мягко вздыхает; я чувствую ее тепло на коже. Наконец, ее прикосновение переходит с моего лица на плечи; затем она с силой растирает мои руки.

— Ты промокла насквозь, — шепчет она. — Давай. Нам нужно отвезти тебя домой.

Я не помню дорогу к ее грузовику. Когда я пытаюсь представить этот путь, вижу четырех измученных девиц с онемевшими носами, спотыкающихся о поваленные деревья и пробирающихся мимо луж растаявшего снега. Рука Эллис вокруг моей талии удерживает от падения, Клара бдительной тенью идет позади.

Эллис усаживает меня на переднее сиденье и накрывает колени пледом. Я закутываю руки в шерсть и смотрю в окно,

пока мы катимся по неровной земле и возвращаемся на узкую гравийную дорогу.

До Дэллоуэя всего пять минут езды. Я не знаю, почему прошлой ночью казалось, что мы прошли мили, тысячи миль, словно двенадцать раз обогнули земной шар.

Когда мы возвращаемся, Каджал спит, а Клара слишком робка для ругани, и это значит, что никто на третьем этаже не станет воевать со мной за душ. Я делаю воду максимально горячей и сижу на полу под ее струями. Мой мозг — это чистое ледяное поле, неподвижное озеро, что раскинулось до самого горизонта. Я пуста. Все внутри меня замерзло и умерло.

Я помню это чувство; так я ощущала себя в больнице — словно сама душа моя была собрана из ламинированных полов и флуоресцентных ламп. Стерильна. Первые несколько ночей я звала свою мать. Это было ошибкой, ведь она так и не появилась. Но даже если бы и пришла, я бы ее оттолкнула.

Однако то место не погубило меня. Я уже была проклята. Ведьмы Дэллоуэя вырезали мое сердце и использовали его, чтобы согреться. И мне больше нечего было дать.

Я выхожу из душа, только когда вода становится чуть теплой, а после стою перед зеркалом, проводя щеткой по волосам снова и снова, пока не начинают трястись руки. Я надеваю сухую одежду и ложусь на пол в своей комнате.

Эллис так и находит меня через некоторое время. Я не встаю, услышав ее стук, и даже когда открывается дверь в мою комнату.

Эллис усаживается рядом со мной и кладет руку мне на лоб. Через несколько секунд я приподнимаюсь и позволяю ей положить мою голову себе на колени, ее пальцы перебирают мои волосы.

— Это похмелье, — говорит она с удивительной нежностью. — После таких ночей чувствуешь себя ужасно. Такое иногда случается.

Но это не было похмельем. Было чувство, что мир дробится и рассыпается.

«Я больше никогда не буду пить», — говорю я себе. Хочется в это верить, но я ничуть не лучше матери.

Я открываю глаза и рассматриваю Эллис. Если смотреть на нее снизу вверх, она кажется не такой знакомой, черты лица становятся чужими и нереальными.

— Я забыла велосипед, — говорю я.

— Мы можем вернуться и забрать его позже.

— Это даже не мой велосипед. Я его украла.

С ее губ срывается легкий вздох, но я осознаю это поздно — и смеюсь.

— В таком случае, все равно незачем волноваться. Я не знаю, сможет ли велосипед поместиться в мой грузовичок.

— Я могла бы приехать на нем домой.

— Конечно, — соглашается она.

Эллис так близко, что я слышу ее дыхание; ее живот поднимает мою голову всякий раз, когда она делает вдох. Где-то внутри меня есть странное чувство, что мы все умерли там, в снегу. И я с жадностью хватаюсь за это маленькое доказательство, что она жива. Что мы обе живы.

— Снег пошел, — бормочу я. — Я знала, что так будет. Теперь ты мне веришь?

Эллис накручивает на палец локон моих волос

— Сейчас ноябрь, Фелисити. Снег пошел бы в любом случае.

Я вздыхаю и не утруждаю себя возражениями. В конце концов, Эллис была человеком, которому я должна была

доказать существование колдовства; и если она не хочет верить мне, это ее право.

Я думаю о ее дыхании, о ковре подо мной; с той недели, когда мы с Эллис впервые встретились, воск от опрокинутых свечей так и остался на шелковых нитях.

— Я собираюсь помочь тебе, — обещает Эллис, ее рука по-прежнему поглаживает мою голову. — Привидений не существует, как и колдовства. Я собираюсь тебе это доказать.

ГЛАВА 17

На следующий день я придумываю причины, чтобы остаться в комнате: слишком много домашних заданий, отравилась, проспала. Правда в том, что я не могу смотреть в лицо Леони и Кларе после того, как они увидели меня в таком состоянии.

— Это от виски, Фелисити. Все это понимают, — в голосе Эллис звучит нетерпение. Ну и пусть. Я видела, как они на меня смотрели. Я знаю все, что они думают.

Но Каджал там не было, и я замечаю, что провожу все время с ней. Она тоже учится у Уайатт, поэтому нам легко сочувствовать друг другу из-за нелепых требований преподавателя и делиться французским прессованным кофе во время чтения заданий.

— Сначала она хотела, чтобы я больше рассказала о риторике молчания в поздней викторианской литературе, а теперь хочет, чтобы я всё удалила, — сокрушается Каджал.

Следующим вечером я нахожу Каджал в ее комнате с пухляком таблеток: она аккуратно запивает лекарство стаканом воды. Мы встречаемся глазами — и она немедленно хмурится.

— Тебе помочь, Морроу?

— Нет, — быстро говорю я. Но потом добавляю: — Ну... нет. Но... Я их тоже принимаю. — Это антидепрессанты. Я бы узнала их особую форму и цвет где угодно. Я пытаюсь улыбнуться. — Ненавижу то, как себя после них чувствуешь. Как будто под водой.

Я ожидала какого-нибудь участия, но Каджал лишь еле заметно поморщилась.

— Да, но не все из нас могут позволить себе прекратить прием лекарств по собственной прихоти, Фелисити.

Мои руки сжимаются в кулаки.

— Вовсе нет, — возражаю я. — Я не ... Это не было прихотью.

— Всё, говорить об этом мы не будем. — Каджал аккуратно заворачивает крышку пузырька с лекарством и бросает его в ящик письменного стола. Звук задвигаемого ящика стола похож на точку в конце предложения: конец разговора.

Две ночи после того ужасного «Ночного перелета» я просыпаюсь в поту, с прилипшей к спине рубашкой, кошмары оставляют кислый привкус во рту. Закрывая глаза, я вижу тела в воде, с белыми пальцами и холодными губами. Это Тамсин Пенхалигон, это Корделия Дарлинг, это Флора Грейфрайар с окровавленным горлом.

И, по закону подлости, в ночь последнего «Ночного перелета» сломался мой ноутбук. Я вынуждена взять пишущую машинку Годвин-хаус, пока мой компьютер в ремонте, но сейчас, спустя два дня без него, оказалось, что аналоговый метод для меня даже лучше. Мне нравится то, что нужно с усилием надавливать на клавиши «Ремингтона», что я не могу расслабленно сидеть, разложив руки по клавиатуре, пока непродуманные фразы стекают с кончиков пальцев;

я должна взвешивать каждое слово. Я должна нажимать каждую клавишу отдельно. Я должна продумать то, что скажу, прежде чем сказать, иначе рискую перепечатывать целые страницы доказательств.

Даже *слегка* избавившись от высоких технологий, я чувствую какое-то освобождение. Больше не нужно беспокоиться о фотографиях на моей странице или о том, как выглядит на моем сайте та золотая, идеализированная жизнь, которую я показываю другим. Больше никаких проверок на вирусы, нежелательной почты или подсчета лайков. Если нужно что-то найти, я иду в библиотеку. Если я хочу поговорить с кем-нибудь, то разговариваю. И все, с кем я бы поговорила, находятся в этом доме.

Я решаю, что, когда заберу ноутбук обратно, не буду им пользоваться. Я спрячу его под кровать, пусть собирает пыль. Мне нужна физическая опора, которую дает моя пишущая машинка; мне нужно это равновесие.

— Нам нужно тренироваться, — говорит Эллис через три дня после того злополучного «Ночного перелета», после того, как я наконец оправилась от своего унижения — или, скорее, *была вынуждена оправиться*, когда Эллис отказалась оставить меня в покое. Я наблюдаю за ней со своего места, свернувшись калачиком на ее кровати с детективом Кристи. Смотрю, как она отклоняется на своем стуле все дальше и дальше, словно испытывая, насколько может отодвинуться, прежде чем потеряет равновесие и разобьет себе голову.

— Тренироваться в чем?

Стул Эллис с грохотом возвращается на место.

— В убийстве. А в чем же еще? — На ее губах появляется усмешка, Эллис открывает ящик стола и вытаскивает кусок бечевки. — Удавка.

— Мне не нужна такая тренировка, — сообщаю я. — Я не пишу про психованных ведьм.

Есть разница между разговорами о том, как что-либо могло быть выполнено, и физическим воссозданием этого. Особенно чего-то столь жестокого.

— Но именно *ты* убеждена, что тебя преследует призрак мертвой подруги. Если что, ты должна быть первой.

Она протягивает бечевку и трясет ее в воздухе, пока я, вздохнув, не выхватываю ее.

— Что я должна с ней делать?

— То, что обычно делают. Оберни вокруг моей шеи и действуй, словно хочешь придушить меня. — Эллис отодвигает стул и встает, собирая волосы в неряшливый пучок, чтобы показать горло. — Тебе нужно подойти ко мне сзади.

Ну естественно. Как еще следует нападать на жертву?

Я наматываю бечевку на ладони и становлюсь у Эллис за спиной. Она выше меня; мне придется тянуться, чтобы достать. Но это даже поможет мне: ее рост обеспечит давление на гортань — будет труднее увернуться от удушки.

Я подхожу ближе, держа шнур натянутым. Шея Эллис сзади длинная и тонкая, с бледной кожей и крошечной родинкой сбоку от позвонков. Я вижу, как бьется пульс в сонной артерии, прямо под ухом.

— Чего ты ждешь?

Ничего. Я ничего не жду.

Я поднимаюсь на цыпочки и, обернув шнур вокруг горла Эллис, резко отступаю на полшага и тащу ее назад — она издает слабый удивленный звук и хватается за бечевку. Она выгибается и освобождается, ударив пяткой по моей лодыжке так, что я оступаюсь и чертыхаюсь.

Когда она снова поворачивается ко мне лицом, на ее щеке виден тонкий отпечаток, слегка покрасневший, только и всего.

— Что это было? — она улыбается. — Так ты не убила бы даже ребенка.

— Я не собиралась тебя убивать.

— Ты бы и не убила, — Эллис говорит это так, что у меня складывается отчетливое впечатление, что она считает эту схватку шоковой терапией для меня. — В самом деле. Но ты должна убедиться, что твоя жертва не сможет сбежать. Или ты действительно думаешь, что сможешь схватить кого-нибудь и убить его просто с помощью грубой силы, когда он уже сопротивляется?

— Я не планирую кого-нибудь убивать, и точка, — огрызаюсь я, и бровь Эллис резко поднимается.

Эллис не произносит это, но я отчетливо слышу повисшие между нами несказанные слова: «Даже Алекс?»

Я ощущаю резкую боль в груди, прижимаю к ней кулак и с силой надавливаю. Эллис никогда бы не сказала, что я убила Алекса. И даже если бы я настаивала на своей ответственности, знаю, Эллис возразила бы: «Люди дерутся, Фелисити. Люди пьют, потом дерутся, и что-нибудь случается».

Я не рассказывала ей о спиритическом сеансе или о Марджери Лемонт. Иногда я задаюсь вопросом: не проник ли дух Марджери в мое тело, плотно свернувшись вокруг моего сердца, обдавая его холодом?

И все же я здесь, делаю вид, что убиваю Эллис. Накидываю удавку на ее горло, и если бы я была действительно одержима Марджери, ей было бы слишком легко, действуя моими руками, туго затянуть бечевку.

— Одержимости не существует, — слышу я голос Эллис. — Магии не существует.

Вот только это не так. То, что Эллис не может ее понять, не делает ее нереальной.

— Моя очередь, — говорит Эллис. — Дай мне удавку. — Мои ладони влажные, когда я сую бечевку обратно ей в руки; она накручивает ее на костяшки пальцев так, что белеет кожа. — Повернись.

Я подчиняюсь, медленно. Я понимаю, что у Эллис нет намерения дать мне умереть, но это не успокаивает — и мое сердце начинает бешено колотиться. А вдруг она сделает ошибку? У нее может и не быть намерения причинить мне вред, но если она затянет бечевку слишком сильно, если будет держать меня слишком долго, это будет несчастный случай, но я все равно буду мертвой.

Я собираюсь сказать Эллис, что передумала, когда она накидывает шнур мне на шею.

Я налетаю на нее спиной, ухватившись руками за бечевку. Но Эллис затягивает ее ту же, перехлестывая у меня на затылке и извлекая из моей трахеи судорожный булькающий звук. У нее твердое негнущееся тело, даже когда я бью ее локтем в живот, ее дыхание обжигает мое ухо. Бечевка врезается сильнее, раскаленная добела полоса поперек моего горла. Я пытаюсь сказать Эллис, чтобы перестала, но голоса нет. Я не могу дышать. Я не могу...

Эллис дергает меня в сторону, и одну ошеломительную секунду я думаю, что она сломает мне шею. Но она лишь поворачивает меня к зеркалу.

Мы обе отражаемся в нем: я с кроваво-красным лицом, горло сжато импровизированной удавкой, и руки Эллис, стягивающие бечевку.

— Видишь? — говорит Эллис. В отражении ее глаза сияют ярким, живым внутренним светом, плечи мелко дрожат от напряжения. — Ты не можешь вырваться. Ты не

можешь сопротивляться, во всяком случае эффективно. Я пережала твою сонную артерию — и в мозг поступает очень мало кислорода.

Я едва могу понять, что она говорит. Сознание оставалось, мысли плывут. Эллис наклоняет свою голову к моей.

— Вот так, понимаешь? Даже при сопротивлении... ты потеряешь сознание через тридцать секунд. Еще через минуту ты умрешь. Так же, как Тамсин Пенхалигон.

Она собирается меня убить.

Эта мысль вспыхивает в моей голове, алая, смертельная. Слезы текут из глаз, обжигают щеки. Во рту появляется медный привкус.

Только потом Эллис отпускает меня. Мир снова играет красками, голова идет кругом. Я бы упала на колени, если бы Эллис не поймала меня за талию.

— Сюда, — шепчет она. — Сюда... Всё в порядке. Неужели ты думаешь, что я хотела покалечить тебя? Я бы никогда не причинила тебе вреда. Ты в безопасности.

Я продолжаю плакать. Рыдания выходят хриплыми, нечеловеческими, словно мои голосовые связки протаскивали по асфальту. Горло горит.

Рука Эллис в моих волосах, поглаживает их, словно я испуганное животное. Моя голова кружится и кружится от белого шума приближающейся смерти. От удущья.

Алекс чувствовала себя *так*, когда ударилась о поверхность озера, когда первый же судорожный вздох наполнил ее легкие водой? Мутилось ли так же ее сознание — когда от ужаса сводило позвоночник и опьянение пропадало в одну секунду?

Может быть, она и выжила при падении. Но все равно Алекс не умела плавать.

Я передвигаюсь в руках Эллис, чтобы прижаться лицом к ее плечу, и она дает мне выплакаться, поглаживая меня по голове, шепчет нежные бессмысленные фразы, пока мои слезы стекают на накрахмаленный воротничок ее рубашки.

— Зачем ты это сделала? — спрашиваю я, когда, наконец, начинаю контролировать дыхание. Я немного отстраняюсь, чтобы посмотреть на нее, вытирая мокрый нос тыльной стороной ладони. — Ты не должна была... это *делать*.

— Мы тренировались, — в голосе Эллис слышно легкое замешательство.

— Да, мы *тренировались*, но... Но... Ты чуть меня не убила!

На лице Эллис появляется странное выражение, она наклоняется вперед и хватает меня обеими руками за плечи. Пальцы сжимаются так сильно, что становится почти больно.

— Я *никогда* не убила бы тебя, — клятвенно произносит она, ее глаза безумны. — Фелисити, как под присягой, я никогда не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я лучше умру.

Мои глаза снова наполняются слезами. Эллис большим пальцем смахивает одну из них; прикосновение прохладной кожи остается на моей щеке лихорадочным следом.

Я судорожно вздыхаю.

— Нужно быть осторожнее, — говорю я наконец, мой голос становится увереннее. — Я не один из твоих персонажей, Эллис. Если со мной что-нибудь случится, ты не сможешь вырвать эту страницу и переписать ее заново.

Эллис выглядит потрясенной, ее серые глаза кажутся бездонно-черными. Ее рука на моем лице слегка дрожит.

— Я знаю, — говорит она.

Она проводит пальцами по моим волосам, заправляя выбившуюся прядь за ухо. Мы слишком близко, ее рука совсем рядом с моим горлом. На ее брови я вижу крошечный шрам, раньше я его не замечала; он почти зарос, но еще различим, легкое несовершенство на безупречном лице. Почему-то это все, о чем я могу думать.

Но потом она отпускает меня и отходит в сторону. Она слатывает, ее гортань дергается, и, спохватившись, Эллис наклоняется поднять с пола удавку.

— Хорошо. Вот так это и происходит, я полагаю.

Как-то я умудрилась забыть, что это был эксперимент.

Эллис берет со спинки стула серый жакет, накидывает его на плечи, а затем хватается сумку и ноутбук.

— Я — в библиотеку, нужно все это записать. Увидимся позже за ужином?

Она оставляет меня в своей комнате, дверь приоткрыта. Все вещи Эллис выстроились на полках и в ящиках, словно ждут, когда я буду их рассматривать. Мельком подумалось: не хочет ли она, чтобы я изучила их? Это очень похоже на приглашение, что-то очень, очень в духе Эллис.

Я ловлю свой взгляд в зеркале. Мой нос до сих пор вишнево-красный, лицо блестит от пота, или слез, или от того и другого. Волосы растрепаны, словно я пробежала шесть миль, — спутанная белокурая копна. Фелисити Морроу так не выглядит.

Я не роюсь в вещах, но просматриваю те, что лежат открыто: томики стихов, выстроенные в алфавитном порядке на полке у кровати, авторучка «Монблан» на ее столе, чайная чашка, но не с чаем, а с распустившимся белым георгином.

Ни одной фотографии семьи или друзей. Никакого секретного зарядника для телефона или, к примеру, необычного держателя для бумаг, хотя на подоконнике есть ряд полусгоревших церковных свечей. Почему-то в этой комнате то, что Эллис не сожгла до конца свечи, кажется мне более странным, чем если бы у нее была, скажем, пара наушников.

Желание начать рыться в ее ящиках почти невыносимо. И я ухожу, пока не передумала.

ГЛАВА 18

Утром, проснувшись, я обнаруживаю просунутую под дверь записку. Она написана почерком Эллис: координаты и время грядущего «Ночного перелета».

Однако, когда вечером я следую по ним на встречу, они ведут меня не в лесную чащу или на вершину черного холма; я оказываюсь около грязного агентства по прокату автомобилей в миле ходьбы по дороге. Эллис стоит перед входом под моргающими желтыми огнями, курит сигареты с гвоздикой, как персонаж криминальной драмы.

— Замечательно, ты пришла, — говорит она и тушит сигарету об оштукатуренную стену. — Давай войдем.

Я бросаю взгляд через плечо, со слабой надеждой найти стоящих там остальных девушек с выражением нетерпения на лицах. Стоянка совсем пуста, ничего, кроме машин и масляных луж там, где обычно стоят авто.

— А где все остальные?

— Сегодня ночью только мы, — говорит Эллис. — Я подумала, что мы можем сделать свой отдельный «Ночной перелет».

От этой идеи мне становится не по себе; я до сих пор чувствую, как удавка впивается в мою кожу. Слова Эллис, что на самом деле она никогда не убила бы меня, служат не слишком сильным утешением. Я натягиваю пальто Каджал плотнее на плечи и остаюсь на месте.

— С какой стати?

Она пристально смотрит на меня.

— Почему бы и нет? Если ты не хочешь идти, всегда можешь вернуться в Годвин-хаус.

Я проваливаюсь каблуком в потрескавшийся тротуар. Снег растаял, но холод все равно пробирает до костей.

— Не будь смешной. Конечно, я пойду. — Это звучит совсем не так убедительно, как мне хотелось бы, но Эллис просто улыбается и проходит через стеклянные вращающиеся двери в залитое флуоресцентным светом агентство.

Она заказывает для нас простой невзрачный седан. Я мельком вижу удостоверение личности, которое она протягивает через стойку. Фото ее, но имя — нет.

— Ваша машина на стоянке А-4, — говорит агент, передавая Эллис ключи. — Приятного путешествия, мисс Брейтхаупт.

Снаружи, на парковке, Эллис слишком долго настраивает зеркала заднего вида и выбирает радиостанцию, машина лениво фырчит выхлопом в ночной воздух и пышет жаром.

— Куда мы едем? — Я не могу больше этого вынести. — Мисс *Брейтхаупт*?

Эллис, кажется, наконец-то довольна углом наклона своего сиденья и, взглянув на меня, говорит:

— Мне семнадцать лет, глупенькая. Я не могу арендовать машину без поддельного удостоверения.

Она выуживает шоферские перчатки из внутреннего кармана жакета и с профессиональной ловкостью натягивает их. Я стараюсь не обращать внимания на то, как скрипит кожа, когда Эллис крепко и властно сжимает пальцами руль. Я не сразу узнаю те самые белые перчатки, которые нашла в антикварном магазине. Она, должно быть, вернулась и купила их.

Мы едем на восток, пробираясь по извилистым дорогам Кэтскилла. Когда мы углубляемся в лес, поднимается туман, фары отражаются в белом мраке, не позволяя разглядеть ничего дальше десяти-пятнадцати футов.

— Может быть, стоит остановиться, — наконец предлагаю я, вглядываясь в туман. — Не понимаю, как ты можешь вести машину в таком «молоке».

— Не будь трусихой, Фелисити; мы в полной безопасности.

Я не стану отвечать. Я только *хочу* сказать, что даже Эллис Хейли не может контролировать погоду, — но я чувствую, что это будет долгая поездка, и не хочу раздражать Эллис в самом начале.

Она выбрала радиостанцию, передающую блюз, от тоскливых звуков хочется курить. Интересно, Эллис тоже заставляет себя любить такую музыку, равно как принуждает себя получать удовольствие от виски? Или это одно из редких проявлений истинной Эллис Хейли, что-то органично произрастающее из ее сердца?

Я начинаю понимать, куда мы направляемся, когда Эллис сворачивает в сторону Кингстона и выезжает на узкую дорогу, огибающую город, ведущую к поросшим лесом холмам. Я гоню от себя эту догадку. Я молча сижу, сжимая пальцами ручку над окном, пока Эллис не сворачивает за угол и перед нами не встают ворота кладбища.

— Нет, — говорю я. — Нет, я не... Зачем ты привезла меня *сюда*?

Эллис останавливает машину, поворачивается ко мне, крепко берет меня за запястье и говорит:

— Все хорошо. Ты можешь сделать это.

Но я не могу. Я едва могу дышать; будто что-то крушит мою грудную клетку, кости, легкие.

— Это просто могила, — говорит Эллис. — Ты можешь прийти на могилу.

— Я не могу.

— Ты не была на ее похоронах?

Я была на похоронах Алекс. Конечно была. Они прошли сразу после несчастного случая; я все еще находилась в туманном медикаментозном оцепенении после шока. Но я помню многое. Помню, как опустел дом Алекс без нее; как мать Алекс отшатнулась от меня на поминках. Даже священник смотрел на меня так, словно я была воплощением первородного греха, блуждающего среди них.

После долгого молчания я киваю.

— Да. Я... Да. Но это было давно.

— Тогда самое время отдать дань уважения.

Эллис лезет в сумку и передает мне книгу. «Таинственный сад». Старинное издание, переплет треснул, и страницы приобрели цвет шафрана.

— Ты говорила, что эта — одна из самых ее любимых, — мягко произносит Эллис.

Я беру книгу и крепко прижимаю к груди. Мое лицо сразу напрягается, боль пульсирует в висках.

Может быть, Эллис права и мне действительно нужно все закончить.

— Пошли, — говорит Эллис и открывает дверцу машины. Я сижу чуть дольше, вдыхая жаркий сухой воздух, но потом заставляю себя идти следом.

Кладбище маленькое и находится в стороне от дороги; сомневаюсь, что большинство жителей Кингстона вообще знают о его существовании. Это все, что могла себе позволить семья Алекс. Кованные железные ворота скрипят, когда Эллис открывает их. Я обхватываю рукой один из зубцов, и хлопья ржавчины оставляют след на моей ладони.

Алекс покоится под сенью дуба. Несмотря на то, что снег везде подтаял, здесь достаточно холодно, лед намерз на корни и кружевом обрамил изгибы могильного камня Алекс. Эллис принесла фонарь; она ставит его рядом с камнем; он освещает пространство на пять футов вокруг себя, остальное же тонет во тьме.

Мы стоим в футе от могилы. Александра Айрин Хейвуд, любимая дочь. Она умерла за шесть дней до своего восемнадцатилетия.

— Гроб пустой, — говорю я. — Ее тело так и не нашли. Ну, не совсем пустой... Каждый оставил что-нибудь для нее. Любимое ожерелье, кружевной платок, смоченный ее духами...

— Что оставила ты?

Я с трудом сглатываю.

— Я написала ей письмо. Смешно, я понимаю. Ей никогда его не прочитать. Но...

— Не смешно, — говорит Эллис. Она протягивает руку, берет меня за плечо и сжимает его. — Я дам тебе минутку. Хорошо?

Она направляется к машине, а я наклоняюсь к промерзшей земле. Возле надгробного камня Алекс растут веточки черной чемерицы. Я слегка улыбаюсь. В колдовстве чемерица используется для изгнания злых духов. Если бы тело Алекс было здесь, этот цветок мог бы удержать ее дух на месте.

— Я прошу прощения, — говорю я могиле. Я чувствую, что все это неправильно. Чувствую ложь. — Я... Я не знаю, что еще сделать. Я была напугана. Я пыталась спасти тебя — я правда пыталась. Я пыталась *помочь*, но ты... ты не была... Ты должна понять.

Я почти слышу ее голос: «*Я не должна ничего понимать*».

— Это все тот спиритический сеанс. Марджери Лемонт прокляла нас, потому что мы заманили ее в ловушку в нашем мире.

Как безумно здесь звучат эти слова, сказанные для Алекс.

Я опускаюсь на колени и наклоняюсь, чтобы прижать руку к холодной земле. Я пытаюсь вызвать *ее* дух. Жаль, что здесь нет полыни или одуванчиков, нужных для вызова. А только эти ужасные морозники, растущие словно по закону подлости. Я бы их вырвала, но трогать морозник — плохая примета и вдобавок раздражение на коже. Какая-то часть меня чувствует себя виноватой за то, что хотела сорвать единственные цветы, украшающие могилу Алекс.

«*Пожалуйста*, — думаю я, обращаясь к темноте, которая, вездесущая, витает на краю моего сознания, — тьме, которую я привыкла объединять с духом Алекс. — *Пожалуйста, послушай меня*».

В ответ тишина.

Наконец, я вздыхаю и сажусь на корточки, открываю на коленях книгу Эллис. Страницы переворачиваются с трудом; они слиплись от времени, и переплет стал жестким.

— Глава первая, — читаю я вслух. — Не осталось никого.

Я снова бросаю взгляд на надгробный камень, словно чтобы убедиться, слушает ли Алекс. Камень по-прежнему серый и безликий.

Я читаю дальше, всю первую главу, перехожу ко второй, но в горле пересохло и голос начинает хрипеть. Я закрываю книгу и, помедлив, наклоняюсь, чтобы положить ее на надгробие. Еще один подарок для девушки, которой не нужны подарки. Теперь уже не нужны.

Больно давит в груди. Я, зажмурив глаза, прижимаюсь лбом к стылой земле. С ресниц скатывается слеза и падает мне на пальцы. *Всё это настолько бесполезно... И я такая никчемная.*

Мне не следует быть здесь. Алекс всегда была самой умной. Алекс подавала большие надежды. Это было видно по тому, как преподаватели восхищались ее работами и как легко, без усилий, ей все давалось. Она могла написать эссе за одну ночь, пьяная, с косяком в руке, а потом вы узнавали, что она получила первое место на кафедре английского языка за лучшее сочинение. Она подавала заявление в Лигу плюща. Мы все знали, что она будет принята в любой из этих университетов, в какой захочет.

Не то что я. Я избалованная богатая девчонка, которая пряталась в лучах славы Алекс, заимствуя ее свет.

Хруст ломающейся мерзлой земли заставляет меня поднять глаза. Возле камня стоит Эллис, опираясь всем весом на ручку лопаты.

— Думаю, нам нужно ее выкопать.

Я изумленно смотрю на нее, мое сердце начинает биться так сильно и часто, что кажется, будто я захлебываюсь кровью.

— Что?

Эллис спокойна, как всегда.

— Ты сказала, что могила пуста, так? Так что нечего бояться. Тела нет, осквернять нечего. Может быть, ты увидишь это своими глазами и успокоишься.

Я с трудом поднимаюсь на ноги, грязные руки путаются в юбке.

— Нет. Ни в коем случае.

— Ты можешь положить книгу в ее гроб, — предлагает Эллис крайне деловым тоном. — Ты можешь сотворить заклинание, чтобы успокоить ее дух.

— Эллис, *раскопав могилу Алекс*, мы ничего не исправим.

— А проигнорировав проблему, исправим?

Не могу. Я не могу это сделать. Я отворачиваюсь от нее, вглядываюсь в лес, чернота ночи стала более плотной по сравнению с тем, какой была, когда мы пришли.

— Где ты только нашла эту лопату? — Я понимаю, как звучит мой голос: возбужденно, истерично; на слове «лопата» он срывается, будто я уже в одном вздохе от полного безумия.

Я заставляю себя повернуться спиной к Эллис, которая так и стоит около камня, словно подобный разговор на кладбищенском дворе в ночи совершенно нормален.

Она машет рукой куда-то через плечо.

— В сарае смотрителя. Замок легко открылся.

Я этого не слышу. Это абсурд.

— Ты ненормальная.

Эллис чуть заметно качает головой.

— Это не мне мерещится всякое, Фелисити. У меня не бывает срывов в лесу, и я не гоняю призраков.

Я прячу лицо в ладонях, не обращая внимания на то, что по нему размазывается могильная грязь. Боже. Боже.

— Я не буду раскапывать эту могилу, — говорю я.

— Ладно, ладно, не будем. Это было всего лишь предложение.

Эллис уносит лопату туда, где взяла, а я остаюсь здесь, мои ноги налиты свинцом. Пока нет Эллис, воздух становится холоднее. Я чувствую, как призрак Алекс дышит мне в затылок.

Может быть, Эллис права. Я ненормальная. Как моя мать.

На обратном пути мы не разговариваем, большим пальцем затынутой в перчатку руки Эллис постукивает по рулю, я сжимаю руками колени.

Мы добираемся домой в третьем часу, но, несмотря на позднее время, я не думаю, что смогу уснуть.

— Ты в порядке? — спрашивает Эллис, когда мы возвращаемся в Годвин-хаус и задерживаемся на площадке второго этажа. Свет с потолка отбрасывает странные тени ей на лицо.

— Я не хотела давить на тебя. Я не пыталась...

— Я в порядке, — перебиваю я. — Прости. Я просто...

Зачем я извиняюсь? Естественно, я не хотела вскрывать могилу своей бывшей девушки. Это Эллис следует просить у меня прощения.

И все же я не могу набраться смелости и сказать все это. Я прикусываю губу и прислоняюсь спиной к стене, обхватив руками живот. Эллис ногтем большого пальца ковыряет краску на перилах.

— Послушай, — наконец говорит Эллис. — Я только хотела помочь. Ты ведь знаешь это, правда?

Я молча смотрю на нее.

— Ты уже знала, что могила пустая. Я подумала, что это принесет тебе облегчение. Я хочу, чтобы ты поняла... Я не могу больше видеть, как ты себя терзаешь.

— Что ж, мне жаль, что это так *больно* для тебя, — резко обрываю ее я. — Видеть меня. *Вот такой.*

— Фелисити...

— Я иду спать.

Перепрыгивая через две ступеньки, я поднимаюсь на третий этаж и изо всех сил захлопываю дверь. Напрягаюсь, ожидая, что Алекс постучит ручкой щетки в пол.

ГЛАВА 18

Но ничего не происходит. Призрака Алекс, если он есть, не волнует шум.

Там, внизу, говорю я себе, есть только Эллис Хейли.

И Эллис Хейли может катиться к черту.

Мое намерение состоит только в том, чтобы построить школу для молодых леди, дать им кров и обучить этикету, чтобы эти оказавшиеся в трудных обстоятельствах девушки могли стать полезными обществу и Богу.

*Деливанс Лемонт, обвиняемая в колдовстве,
основательница школы Дэллоуэй*

Закопайте мои кости так глубоко, чтобы я могла чувствовать пламя ада.

*Последние слова Марджери Лемонт,
погребенной заживо в 1714 году;
записано теми, кто присутствовал на ее похоронах*

ГЛАВА 19

Я в постели, листаю свой потрепанный экземпляр «Я захватываю замок», когда звонит телефон.

Я не сразу понимаю, что это за звук. Прошло уже больше недели с тех пор, как я пользовалась своим телефоном; в основном я оставляла его включенным в розетку за столом и забывала о нем. Но сейчас я выкапываю его оттуда, куда он упал, между корзиной для мусора и стеной, и большим пальцем открываю крышку экрана.

— Мама?

— ...Уровень влажности необходимо проверять каждый день... О, Фелисити? Это ты?

Я сажусь в рабочее кресло.

— Конечно Фелисити. Это ты звонишь мне, не помнишь?

Моя мать до сих пор во Франции. На том конце линии слышно завывание ветра; я представляю ее на яхте у берегов Ниццы, одетую в бежевый сарафан и приказывающую прислуге принести ей еще выпивки. На дворе ноябрь, даже в Ницце, но, полагаю, денег моей мамаше хватит, чтобы купить хорошую погоду, перед ее кошельком не устоит даже сам Бог.

— А, да, верно... Так. Доктор Ортега подумала, что было бы неплохо, если бы я позвонила тебе сейчас, когда начинается семестр...

Почти закончился, она хотела сказать. Скорее всего, доктор Ортега предложила ей позвонить мне несколько недель назад.

Я продолжаю молчать. Очередной порыв ветра заглушает голос матери.

— Итак, как у тебя дела, дорогая?

Никогда в жизни моя мать не называла меня ласково.

— Прекрасно. Все прекрасно.

— Ты уверена? Я просто имею в виду, что доктор Ортега сказала, что ты не связывалась с ней, хотя должна была.

Так, моя мать до сих пор держит связь с доктором. Даже не знаю, в этом случае я больше удивлена — мать никогда не проявляла особенного интереса к моему существованию — или *раздражена*.

— Я была занята, — говорю я. — Было много дел, мне следовало...

— Ты приедешь домой на День благодарения? К тому времени я буду в Штатах.

Решение приходит внезапно, несмотря на то, что мне некуда ехать и что кампус будет закрыт во время праздника.

— Нет. Я поеду к подруге.

— Да? Что за подруга?

— Ты ее не знаешь. — Я цепляюсь лодыжками за ножки стула. — Но ты всегда можешь приехать навестить меня в следующем семестре. Если захочешь.

Но она не захочет.

После моих слов повисает долгая пауза. Моя мать с удовольствием доказала бы, что я ошибаюсь, но даже Сесилия Морроу не может изменить свою натуру.

— Может быть... Я буду довольно занята весной. Мне нужно посмотреть мой календарь.

— Посмотри.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? У тебя голос немного... — Кажется, она не может подобрать нужное слово. Она никогда не была хорошим оратором. — Ты принимала лекарства?

— Я же сказала, что я в порядке. Вообще, мне пора идти. У меня встреча с подружкой для работы над зачетным проектом.

— С той подружкой, к которой поедешь на праздники?

— Да. Это та самая подруга. Она как раз пришла; я должна идти. Позже поговорим. Попроси доктора Ортегу больше не беспокоиться обо мне.

Я отключаюсь прежде, чем мать скажет что-нибудь еще или потребует поговорить с несуществующей нетерпеливой подружкой.

Я забрасываю телефон за кровать и опускаюсь ниже в кресле, подняв лицо к потолку. Прикрыв глаза, я сижу так довольно долго, но в дверь стучат.

Это Каджал.

— Там к тебе пришли, — говорит она. У нее странный голос, мне он не нравится.

— Кто?

— Какая-то третьекурсница. Еще она все время спрашивает, здесь ли Эллис.

Ханна Стрэтфорд.

— Ты сказала ей, что я ушла?

Каджал кривит рот в слабом подобии улыбки.

— Я сказала, что ты сейчас спустишься.

Я вздыхаю и спускаюсь следом за Каджал ко входу, где, согнувшись под тяжестью массивной коричневой коробки, стоит Ханна Стрэтфорд.

— Привет! — говорит она, задыхаясь и изо всех сил пытаясь сохранить равновесие. — Я прямо с почты. Это пришло тебе!

Темная, подлая часть меня хочет еще полюбоваться на ее борьбу, но я гоню эти мысли прочь. Я не такой человек. Я потратила столько усилий, чтобы *не быть* таким человеком. Поэтому я подхожу и берусь за край коробки; и когда в руках Ханны она сползает ниже, поверх края картона открывается раскрасневшееся потное улыбающееся лицо девушки.

— Ты не должна была нести ее сюда, — говорю я ей. — Они бы позвонили.

А теперь мне интересно, зачем она вообще смотрела имена на упаковке.

— Я знаю, но я не видела тебя целую вечность, так что...

Ханна подталкивает меня коробкой, я отступаю, пропуская ее вперед по лестнице. Нам приходится остановиться на площадке, чтобы Ханна перевела дыхание; я располагаюсь лицом к коридору на случай, если Эллис совершит ошибку, появившись из своей комнаты, когда Ханна еще здесь.

Наконец нам удастся затащить коробку на третий этаж и скинуть ее на мою кровать. Плечи Ханны дергаются от напряжения. Я и сама немного вспотела.

— Что в ней? — спрашивает Ханна.

Я осматриваю коробку, оклеенную стикерами ХРУПКОЕ, и обнаруживаю нацарапанный в углу свой собственный адрес.

— Это все, что я не взяла с собой, когда вернулась в школу. — Моя мать сказала, что придет к началу семестра. Я уже и забыла.

— О! Класс! Тебе нужно открыть ее.

Я смотрю на нее довольно долго, до кого-нибудь другого уже бы дошло. Но Ханна Стрэтфорд стоит как вкопанная, сцепив руки, и терпеливо мне улыбается.

Интересно, был ли у меня когда-нибудь такой вид? Улыбалась ли я когда-нибудь так легко?

Из ящика в столе я выуживаю нож, разрезаю ленту и разворачиваю картонные клапаны, чтобы открыть содержимое коробки. Ханна зачарованно смотрит, как я перебираю артефакты жизни, прожитой так давно, что кажется, это было с кем-то другим. Игровая приставка, очевидно, может отправиться в мусорное ведро; несколько гравюр, которые я купила два года назад в Гранаде, путеводители с множеством глянцевых фотографий маршрутов в Албании, Греции и Турции из поездок, в которые мы с Алекс никогда не поедем. Это коробка ненужных вещей.

Когда я выхожу, Ханна ныряет в коробку и выуживает мою теннисную ракетку.

— Я не знала, что ты играешь, — радостно говорит она. — Нам иногда нужно выходить на корт.

Раньше я участвовала в турнирах Дэллоуэя. Но в этом году даже заявку подавать не стала.

— Ракетка очень хорошая, — говорит Ханна, потирая большим пальцем название фирмы на ручке.

— Можешь оставить себе.

— Что? Нет, я не могу... — Конечно, она уже улыбается.

Я скидываю путеводители обратно в коробку и закрываю клапаны.

— Я не собираюсь играть, так что ей стоило бы найти лучшее применение. Возьми ее.

Ханна вцепилась в ракетку, и, хотя уже собралась возражать, я точно могу сказать, что она уже всё решила.

— Что это вы, две проказницы, задумали?

Ханна оборачивается так стремительно, что роняет ракетку, затем чертыхается и поднимает ее с пола. Эллис стоит, прислонившись к открытой двери, руки скрещены на груди, губы изогнулись в кривой улыбочке. Она поднялась по лестнице так тихо, что я не услышала, как она пошла.

— Эллис! Привет! — Ханна опережает меня, избавляя от необходимости отвечать.

Эллис отводит взгляд от моего лица, но не сразу, только чтобы ответить на рукопожатие Ханны.

— Привет. Мы знакомы?

— Вроде да. То есть я подруга Фелисити.

Эллис переводит взгляд на меня поверх головы Ханны, и я киваю, чуть заметно.

Ханна несется дальше:

— Мы обе были на вечеринке в Лемонт-хаус в прошлом месяце! Помнишь? Ты так быстро ушла...

— Чего ты хочешь, Эллис? — говорю я.

Рот Ханны захлопывается, и Эллис получает возможность выпростать руку из ее захвата, а затем делает шаг внутрь комнаты.

— Это личное.

Наконец, Ханна улавливает намек. Она крепко прижимает ракетку к груди и выходит в коридор; не отрывая взгляд от Эллис, она говорит:

— Ладно. Увидимся позже, Фелисити. Спасибо за ракетку.

Эллис захлопывает дверь каблуком.

Я задерживаюсь у кровати, сложив руки на груди, моя грудь — клетка для сердца, которое колотится о ребра.

— Личное?

— Да, — отвечает Эллис. Она проходит в комнату и садится в мое кресло, скрестив свои длинные ноги. Садится, как у себя дома.

— Я не хочу разговаривать о том, что произошло на кладбище.

— Нам *придется* поговорить об этом, — отвечает Эллис. — Ты была очень расстроена.

— Бывает, люди расстраиваются, Эллис. Забудь.

Она качает головой.

— Я не могу. Ты это знаешь. — Ногтем большого пальца она ковыряет щербину на моем столе, продолжает ее до угла. — Мне не нравятся натянутые отношения между нами. Я хочу, чтобы ты доверяла мне.

— Я доверяю тебе. Всё — ты счастлива?

Прищурившись, Эллис пристально смотрит на меня.

— Я серьезно. Ты права, мне не следовало давить на тебя той ночью. Это было безумное требование. Теперь я понимаю это.

Безумное требование. Словно Эллис думает, что мы все живем в книгах. Там по крайней мере было бы достаточно легко удалить то, что случилось на кладбище, заставить меня все забыть и начать заново.

Я вздыхаю и плюхаюсь на край кровати, коробка с ерундой подпрыгивает из-за моего веса.

— Я не сержусь, — объясняю я ей. — Во всяком случае, не очень. И ненадолго. Я знаю, что ты всего лишь пыталась поступить правильно.

— Не «всего лишь», я *пыталась*, — настаивает она, оставляет в покое стол, наклоняется вперед и берет меня за колено. Ее пальцы смыкаются вокруг него, обхватывая сустав полностью. — Я... Видит бог, Фелисити, я очень к тебе привязана. Я хочу, чтобы ты была счастлива вновь.

Вновь? Она никогда не видела меня счастливой. Она даже не знает, как это выглядит.

— Ну ладно, — говорю я. И когда она кладет руку на мое колено ладонью вверх, я беру ее, переплетая наши пальцы. — Ладно.

Разумеется, это ложь. Я не собираюсь становиться счастливой для Эллис или кого-то еще.

Но что еще мне сказать? Эллис понимает меня.

Мне нужно, чтобы меня понимали.

Через неделю после этого разговора между нами все налаживается. Я благодарна за это; с приближением конца семестра, наполненного шквалом зачетных работ и проектов, я не думаю, что эмоционально справилась бы с этим каким-нибудь другим путем.

Хотя, может быть, уже слишком поздно. Теперь я вижу сны об Алекс почти каждую ночь, даже когда нет кошмаров. Она — девушка в кафе во сне о Париже; она — женщина, нежными пальцами прикасающаяся к моим губам; она падает, и падает, и падает в бесконечный мрак.

Я не единственная беспокоюсь о выпускных экзаменах, что надвигаются на нас с другой стороны каникул. Годвинхаус погружен в состояние перманентной паники. Каджал обнаружила, что ее уровень по европейской истории колеблется между «отлично» и «хорошо» и что ее оценка за итоговое сочинение определит, получит ли она наивысшую стипендию в этом семестре. Между тем Клара, чьи достижения гораздо хуже, чем у Каджал, отказывается выходить из своей комнаты. Леони проводит половину всего времени в библиотеке — а я начинаю жалеть, что решила не использовать ноутбук. Оказалось, что печатать

сочинение на пятьдесят страниц на пишущей машинке гораздо труднее. Я не хотела бы обнаружить себя судорожно допечатавающей его через несколько недель после Дня благодарения.

В середине недели Уайатт вызывает меня в свой кабинет, чтобы проверить, как дела с дипломной работой. Она хочет посмотреть, что я уже написала, — естественно, у меня ничего нет, потому что я пишу не на ту тему, что мы выбрали. Я выкручиваюсь, придумываю причины: я печатаю на машинке, поэтому у меня только один экземпляр. Я все покажу после каникул.

Этим я выгадываю несколько недель, чтобы придумать объяснение, почему я снова пишу о ведьмах.

Эллис единственная, кто кажется относительно спокойной.

— Для меня сейчас главное — это закончить книгу, — объясняет она мне, когда мы сидим на полу в комнате отдыха с разложенными на ковре материалами для проекта по истории искусства. — Все остальное вторично.

— Тебе легко говорить. Даже если ты провалишься в Дэллоуэе, ты все равно останешься писателем.

Она качает головой.

— Я останусь писателем, только если напечатаю новую книгу. А чтобы напечатать эту книгу, для начала ее нужно закончить.

Я отхлебываю свой кофе. Он крепкий и горький, как любит Эллис.

Она выделяет строчку на другой странице, затем, наконец, выпрямляется и пристально смотрит на меня.

— Ты в порядке? — спрашивает она в своей манере, прямолинейно.

— Что? Да, конечно. Почему ты спрашиваешь? Я разве плохо выгляжу?

— У тебя измученный вид, — говорит она. — Ты выпалась?

— Нет, — признаюсь я. Честно говоря, я изо всех сил старалась не заснуть; после нашего ритуала в церкви мои ночные кошмары участились. — Я не могу спать.

Эллис поджигает губы, но все-таки не продолжает тему. Может быть, она знает, насколько мало я нуждаюсь в ее сочувствии. Вместо этого она кладет одну из новых библиотечных книг мне на колени и говорит:

— Ты отвечаешь за главы с четырнадцатой по восемнадцатую.

Чтение дается тяжело, но мы справляемся. К тому же Эллис снова хочет разобраться в убийствах в Дэллоуэ; она нацелилась на убийство Беатрикс Уокер. Когда ее нашли, в ее теле не было ни одной целой кости, словно она упала с очень большой высоты, но при этом обнаружили ее *в помещении*, далеко от какой-либо возвышенности.

— Очевидно, кто-то перенес тело, так же, как с Корделией, — Эллис говорит с явным раздражением. — Самое простое объяснение всегда наилучшее. Зачем приплетать колдовство?

— А как она упала? Даже сейчас в кампусе нет достаточной высоты — тем более ее не было в восемнадцатом веке.

Кроме тех скал, с которых упала Алекс.

Я сжимаю кулак.

— Может, она вообще не падала. Кто-то самостоятельно переломал ей кости. — Эллис ложится на ковер в комнате отдыха, раскинув руки и ноги. Поднимает запястье, показывает: — Здесь молоток. — Прикасается к ребрам. — Удар ногой в грудь.

Я сажусь на нее сверху и кладу руку ей на грудь. Мои волосы падают вперед, длинные светлые пряди щекочут кожу на горле Эллис.

— Но она должна была сопротивляться, — замечаю я. И надавливаю рукой, удерживая Эллис на месте. — И громко кричать.

Эллис смотрит на меня снизу вверх, глаза спокойные и бесстрашные.

— Если к тому моменту она не была уже мертва.

К часу ночи мы заканчиваем, Эллис тянется своими длинными руками к потолку, пока я собираю все записи.

— Завтра снова?

— Ровно в шесть. — Ее быстрое рукопожатие; я хочу запомнить его.

Когда я возвращаюсь, моя комната кажется темной и пустынной. Я провожу все больше и больше времени в библиотеке с Эллис, так что, приходя сюда, только чтобы поспать, чувствую себя чужой.

Наверное, когда я возвращалась в школу, мне следовало взять с собой побольше книг. Побольше фотографий, может быть, несколько цветов в горшках — что-нибудь, чтобы оживить зимнее время. Что-то, кроме благовоний, кристаллов и свечей, которые я откопала в своем тайнике в шкафу, жалкая защита от мрака.

Я провожу пальцами по корешкам книг на полке, вспоминая «Маленьких женщин», «Самые голубые глаза» и «Широкое Саргассово море». Я перечитывала эти книги по многу раз, с каждым разом влюбляясь в них все больше. Но вот моя рука касается незнакомого кожаного переплета — я, похолодев, останавливаюсь.

«Таинственный сад». Та самая книга, что Эллис дала мне на кладбище, та самая книга, которую я прислонила

к камню на могиле Алекс, те же старые страницы и золотое тиснение.

Мне становится плохо от страха; этот страх диктует мне, что к книге прикасаться нельзя. Нужно бежать, нужно сжечь ее дотла.

Но я ничего не могу с собой поделать. Трясущимися руками я вытаскиваю книгу из промежутка между двумя томами Остин. Развернув древние страницы, я ощущаю какой-то знакомый запах, и пахнет не клеем или истлевшей бумагой. Это жасмин и ветивер. Это... Алекс. Это духи Алекс.

А между третьей и четвертой главами расплющена веточка морозника.

ГЛАВА 20

Я роняю книгу, и она ударяется об пол, выпуская облако пыли, а я отшатываюсь назад. Стены надвигаются на меня, в комнате совершенно нет воздуха. Кажется, словно стоишь на краю пропасти, мир уходит из-под ног, и ничего, кроме неба, не отделяет тебя от верной смерти.

Я оборачиваюсь, ожидая увидеть там Алекс, которая костлявыми руками тянется к моему горлу. И ее лицо, бескровное, бледное, тронутое разложением. Ее рот втягивает воздух, как сломанный пылесос, кровавая пена стекает с ее губ — я смотрела видео про утопленников в интернете после того, как вспомнила правду, и знаю, как это выглядит. То, как вздымается ее грудь при попытке сделать вдох. И как спина изгибается после удара в живот, когда невозможно выдохнуть.

Комната пуста, но не совсем. Я чувствую ее. Она здесь. Она в каждом углу, в каждой тени. Она надо мной, внутри меня. Она — черный лед в моих венах.

Она — темная фигура, мелькающая среди деревьев, наблюдающая за нами, спящими на снегу.

Спотыкаясь, я выхожу из комнаты и спускаюсь по скрипучей лестнице Годвина, ползу вдоль стены и хватаюсь

за перила, словно это может уберечь меня от падения, если дух Алекс прикажет мне это сделать. Когда мне удастся заставить непослушные ноги нести меня по коридору, я вижу, что в комнате Эллис нет света. Споткнувшись о край ковра, потными руками я опираюсь о дверной проем. На мгновение мне кажется, что меня вырвет прямо возле ее двери, но я сглатываю желчь и стучу в дверь. Эллис не отвечает, и я стучу снова и снова, потом просто колочу, дрожу и рыдаю. Кажется, проходит тысяча лет, пока она открывает мне. Но в итоге дверь все же распаивается — и я падаю вперед, прямо на руки Эллис.

Ее руки обнимают меня нерешительно, словно она никогда и ни с кем не была так близко. На ней шелковый халат; где-то в глубине сознания мелькает мысль, что я никогда не видела ее настолько раздетой.

— Что? — спрашивает она, медленно поглаживая меня по спине. — Что случилось?

Я едва могу говорить. Слова, как битое стекло у меня во рту, смертоносны.

— Алекс, — хриплю я, и дрожь снова пробегает по моему телу.

— Что Алекс?

Я все еще дрожу, но Эллис чуть отодвигает меня и внимательно смотрит, ее взгляд изучает мое лицо, словно в моих слезах есть что-то новое.

— Это... та книга, — говорю я, несколько раз судорожно вздохнув. — Та, что мы оставили на ее могиле.

— «Таинственный сад», — догадывается Эллис.

Я киваю.

— Она... Она у меня... Она оказалась в моей комнате. Та же самая... тот же экземпляр.

Эллис смотрит еще внимательнее.

— Тот же самый? Ты уверена?

— Конечно я уверена! — мой голос срывается на крик, так что Леони выглядывает из-за своей двери и сонно спрашивает, что происходит.

— Всё в порядке, — говорит Эллис, вталкивает меня в свою комнату и захлопывает за нами дверь.

— Это та самая книга, — повторяю я. По крайней мере, голос теперь звучит спокойнее. Я уже немного пришла в себя и не задыхаюсь. — Это... Алекс. Я *говорила* тебе. Я говорила, что поездка на кладбище — это плохая идея! Теперь она рассердилась. Она... она никогда не оставит меня в покое!

В другое время я, возможно, улучила бы минутку, чтобы порадоваться самой себе; я явно предложила загадку, на которую у Эллис Хейли нет готового ответа. Она смотрит на меня с таким выражением, которого я прежде не видела, словно она не верит своим ушам.

В этот момент мне приходит в голову — вдали от этой проклятой книги, — что ее возвращению есть другое объяснение.

— Ты, — задыхаюсь я. — Ты ее туда положила. Ведь так? — Я отталкиваю ее обеими руками, и она опускается на корточки, мне это почему-то кажется недостаточным. Я толкаю ее еще раз, сильнее. — Ты, да?

— Нет, — резко отвечает она, и, когда я снова замахи-ваюсь, она хватается меня за запястья и крепко сжимает. — Фелисити, ты вообще себя слышишь?

— Хотелось бы думать, что ты предпочтешь объяснение без *привидений*, — рассердилась я. — Ты была на кладбище. Ты видела книгу. Ты *принесла* эту книгу. И было совсем просто вернуться и забрать ее.

Хватка Эллис становится крепче, она легонько встряхивает меня.

— Зачем? Зачем мне все это делать? Я, черт возьми, старалась заставить тебя понять, что ты бредишь...

— *Брежу?!*

— Вот именно! Как еще назвать всю эту чушь про привидений, ведьм, колдовские книги и... Я бы так с тобой не поступила.

Я могу поверить ей. Та Эллис, которую я знаю, — думала, что знаю, — не поступила бы так, это верно. Но...

— Тогда объясняй, как это могло случиться, — требую я. — Если призрака нет, объясни мне это!

Она медленно качает головой.

— Я не могу. Я... собираюсь подумать об этом. Уверена, всему этому есть нормальное объяснение.

— Правильно. Единственное нормальное объяснение, которое приходит мне в голову, — это что ты принесла книгу в мою комнату.

— Да, ты упомянула эту возможность. — Эллис резко, со свистом выдыхает сквозь стиснутые зубы. — Но я не знаю, когда должна была разыскивать эту твою книгу. После той поездки на кладбище мы были практически неразлучны — ты все время была со мной. А если не со мной, то с кем-нибудь из девушек.

Но это неправда. Да, мы часто были вместе; мы с Эллис постоянно занимались или работали над проектом. Иногда мы были с остальными девушками: на «Ночном перелете»; в комнате отдыха читали стихи; выходили на ближайшую ферму за свежим мясом и молочными продуктами и зачарованно смотрели, как фермерша управляется с ульями, пока тысячи жужжащих насекомых облепляют ее руки и сетку на голове.

Но мы же должны когда-то спать. Ночью Эллис могла незаметно выйти, вернуться за книгой на кладбище, принести

ее домой и выждать удобный случай, чтобы засунуть ее мне на полку.

«Эллис бы такого не сделала», — говорю я себе. Она может быть какой угодно, но не злодейкой. Смысл этого проекта, помимо исследований для ее книги, — это доказать мне, что призраков *не* существует, поэтому с чего бы ей делать то, что убедит меня в обратном?

«Алекс, — настаивает мой внутренний голос. — *Это была Алекс. Интуиция говорила об этом в первую очередь, и это правда*».

— Я покажу тебе, — говорю я. — Пойдем ко мне в комнату, и я покажу тебе эту книгу.

Эллис вздыхает и говорит:

— Завтра. Да, я хочу ее увидеть, но... Фелисити, сейчас уже очень поздно. Я уже засыпала, когда ты постучала.

Конечно. Могу представить, насколько сумасшедшей я выглядела, когда ломилась в закрытую дверь в час пополуночи и кричала про книги и призраков. Обвиняла ее в том, что она мучит меня. Я вытираю двумя руками лицо, убирая остатки слез.

— Прости меня.

— Всё в порядке, — отвечает Эллис.

— Нет. Нет, это не... Извини. Я дам тебе поспать.

Она чуть заметно улыбается и проводит пальцами по моей щеке, потом ведет руку к моему уху и опускает ее.

— Завтра, — повторяет она.

Мне не остается ничего другого, как тащить себя обратно по лестнице в комнату к той жуткой книге, все еще лежащей на полу со смятыми страницами, где пряный запах духов Алекс все еще витает в воздухе. Я отказываюсь прикасаться к этой проклятой книге. Я оставляю ее там, где она лежит, хватаю пригоршню сушеных одуванчиков из своего

запаса и насыпаю их вокруг книги, словно это может удержать призрака на расстоянии.

Я не могу здесь спать.

Я хватаю подушку и одеяло с кровати и спускаюсь по лестнице, на этот раз в комнату отдыха. Стелю себе на диване и сворачиваюсь клубочком, лицом к камину. Даже здесь я боюсь поворачиваться к комнате спиной.

В конце концов я проваливаюсь в беспокойный сон. Во сне меня преследуют монстры с длинными жадными руками, мерцающие огни и кровь на льду.

Через несколько часов я просыпаюсь с колотящимся сердцем и холодным потом на пояснице. Уже позднее утро, солнечные лучи льются в окна, выходящие на восток. На кухне Леони и Каджал. Я слышу их голоса, звон кастрюль и сковородок; наверное, это они меня разбудили.

Я провожу рукой по соленым от пота волосам и прижимаюсь лбом к согнутым коленям.

Может быть, мне приснилось то, что произошло прошлой ночью. Может быть, это был жуткий ночной кошмар. Может быть...

— Вот ты где, — возле меня стоит Эллис. — Я тебя искала. Ты хотела показать мне ту книгу, верно?

Она уже одета в пиджак с накладками на локтях, как какой-нибудь рассеянный профессор. Лежа на кушетке, во вчерашней помятой одежде, я чувствую себя как ребенок, пойманный за чем-то неприличным.

— Да, верно. — Весь ужас прошлой ночи поднимается, как подземные воды, сейчас уже слабее, но все еще вызывает тошноту, еще действует. Я сворачиваю одеяло с подушкой, засовываю под руку и тащу их вместе с собой на третий этаж.

Эллис плетется следом, как долговзая тень. Я ловлю себя на том, что оглядываюсь назад, словно хочу убедиться, что моя Эвридика все еще идет за мной.

— Я так и не смогла объяснить это, — говорю я, когда мы сворачиваем на лестничную площадку. — Я не знаю, как она вернулась. Мы же обе... были *здесь*. Мы в самом деле оставили ее там, так ведь? Я не придумываю?

— Мы это выясним, — говорит Эллис, твердо и уверенно, как всегда. Кстати, более уверенно, чем прошлой ночью.

Я толчком открываю дверь в свою комнату, вхожу, и одеяло вываливается у меня из рук.

Книги нет.

Защита от злых духов, круг из одуванчиков, все еще на месте, но сама книга исчезла. Остался только морозник, упавший посреди моей темницы, словно дурной знак.

— Она была *прямо тут*. Она была *прямо*...

У меня перехватывает дыхание, это похоже на бред. Кажется, будто меня выпотрошили.

Эллис входит в комнату следом за мной, перешагивает через свернутое одеяло и разглядывает усыпавшие пол лепестки. Она ничего не произносит, в этом и нет необходимости. Поджатые губы говорят сами за себя.

Я поворачиваюсь к ней, к щекам приливает жар.

— Клянусь, она была *здесь*. Прошлой ночью она была на полке. А затем *здесь* — я уронила ее *точно* здесь. Ты ведь веришь мне?

Эллис бросает взгляд на меня.

— Она была *здесь*!

— Я верю тебе, — говорит Эллис, слишком медленно.

Я качаю головой, ловлю прядь волос и начинаю накручивать на пальцы, дергая так, что становится больно.

— Должно быть, кто-то забрал ее, — говорю я. — Кто-то пришел, кто-то...

— Кто? — спрашивает Эллис. Ее спокойствие бесит. — Кто пришел в твою комнату и украл эту книгу? Чего он этим добивался?

— Я не знаю. Я не...

Я протискиваюсь мимо нее в дверь, бегу по коридору к лестнице. Почти сразу Эллис бросается следом за мной, зовет меня; я не обращаю на нее внимания и скатываюсь вниз по ступенькам, завернув на нижней площадке так, что дребезжат перила.

Я врываюсь на кухню. Леони стоит у плиты, на сковороде шипит омлет, Каджал на островке нарезает болгарский перец.

— Это вы ее взяли? — требую я ответа.

Каджал кладет нож.

— Взяли что?

— Книгу. У меня в комнате была книга. Кто-то ее взял.

Я чувствую, как Эллис за моей спиной проскальзывает в кухню.

Каджал переглядывается с Леони.

— Не думаю, что кто-то из нас вошел бы в твою комнату без разрешения, — говорит Леони с мягкостью, которая одновременно удивляет и раздражает. Таким же тоном медсестры общались со мной в том заведении: осторожно, мягко, словно боялись вызвать обостренную реакцию. Будто я могла впасть в ярость, если они заговорят слишком громко.

Внезапно я осознаю, как эта сцена могла бы выглядеть для стороннего наблюдателя: восемь часов утра, я, растрепанная истеричка, требующая признания в краже. За моей спиной — угрюмая Эллис.

Они считают меня сумасшедшей. Они все так думают.

— Простите, — спохватившись, выдыхаю я. — Простите. Я не... Я очень мало спала. Я...

— Всё в порядке, — говорит Леони тем же слишком спокойным тоном.

Я сжимаю зубы так, что ломит челюсти.

— Может быть, хорошую чашечку кофе? — наконец предлагает Эллис и, придерживав меня за локоть, проходит к шкафчику.

Я стою и смотрю ей в спину, пока она достает чашки для кофемашины и фильтры, открывает керамическую банку с кофейными зернами и кладет полную столовую ложку в кофемолку.

Леони нерешительно улыбается мне из своего уголка:

— Хочешь омлет? У нас полно яиц.

Я не могу говорить. Боюсь, что начну плакать без остановки. Поэтому я просто качаю головой, чувствуя, как напряжено мое лицо, и покидаю кухню — назад по лестнице, обратно в свою проклятую комнату с одуванчиками на полу. Я расхаживаю от окна до туалетного столика и обратно. Раз, другой. Холодно, так холодно.

Та книга была здесь. Я знаю это совершенно точно. Она была здесь, а потом исчезла — та самая книга, что мы оставили на кладбище, та книга, что пахла духами Алекс.

Алекс. Она здесь.

Я гоню эту мысль прочь, но она вызывает приступы тошноты. Я не могу перестать думать о ней.

Она здесь.

Я хватаю свечу из набора и становлюсь на колени в середину круга из одуванчиков. Я чиркаю спичкой, зажигаю свечу и шепчу:

— Пожалуйста, уходи. Пожалуйста. Прости меня. Пожалуйста, оставь меня в покое.

Я не знаю, говорю ли все еще с призраком... или с кем-то еще.

Раздается стук в дверь. Я скидываю голову; на пороге стоит Эллис с зажатой в ладонях кружкой кофе.

— Я подумала, что тебе все еще нравится такой кофе, — тихо говорит она.

Я сажусь на пятки и выдыхаю. По крайней мере, в ее присутствии комната кажется уютнее.

— Спасибо.

Я протягиваю руку, Эллис входит в комнату и, присев на корточки, передает мне кружку. Она все еще очень горячая; я делаю глоток — и жидкость обжигает мне язык. Я рада этой боли. Она успокаивает.

Но лучше бы это был бурбон.

Одновременно с этой мыслью приходит воспоминание о матери: ее пустые бутылки из-под вина, стакан, разлетающийся на осколки на мраморном полу, и рвота.

— Я волнуюсь за тебя, — говорит Эллис.

Я фыркаю.

— Знаю. Как моя мать. Она звонила на прошлой неделе, чтобы проверить. Пусть и в первый раз за весь семестр, но по крайней мере показала свои материнские чувства.

— Что ты ей сказала?

Кофе еще горячий, когда я делаю второй глоток. Я зажмуриваюсь и продолжаю пить, мой язык онемел и пересох.

— Я сказала, что всё в порядке. Я... — я смеюсь, — сказала ей, что на каникулах собираюсь кое к кому домой, так что мне не придется встречаться с ней. Наверное, сниму номер в отеле в городе.

— Ты могла бы остаться здесь со мной.

— Что? — Сердце замирает у меня в груди.

— Остаться здесь со мной, — повторяет Эллис. Ее рука находит и сжимает мое колено. — Мои родители во время каникул будут путешествовать, так что мне в виде исключения разрешили остаться в школе. Квинн собирается навестить меня; я уверена, с удовольствием с тобой познакомится.

На моих губах невольно появляется дрожащая улыбка:

— Обрати внимание, я не напрашивалась.

— Принято к сведению. Пожалуйста, соглашайся.

Я хотела этого больше всего на свете.

— Да. Я остаюсь.

Эллис широко улыбается и сильно сжимает мою ногу, потом складывает руки у себя на коленях. Ощущение, будто меня ограбили. Я хочу еще. Я хочу, чтобы она трогала меня везде.

Я хочу большего и думаю, Эллис способна на многое.

ГЛАВА 21

В Дэллоуэе снова как летом: пустой кампус и Годвин в нашем распоряжении.

В комнате отдыха мы с Эллис на полную громкость включили музыку. С зажженными косяками мы высовываемся из окон спален, в головах — звезды.

Да, мне плохо, и нет смысла это отрицать.

Отстранившись от воспоминаний о смерти Алекс, я питала надежду уничтожить страх, царивший в моем сознании, но не вышло. Однажды доктор Ортега сравнила психотическую депрессию с пистолетом: мои гены зарядили камеру пулями, моя мать вложила оружие мне в руку, а кончина Алекс спустила курок.

Наверное, я выдумала зловещую книгу в моей комнате, и Эллис права, что ее никогда там не было. Возможно, я *хотела*, чтобы так было. Хотела, чтобы Алекс наказала меня.

И наверное, признать это вполне нормально.

На третий день каникул приезжает сестра Эллис на стареньком «Мустанге», едва заметном среди деревьев вокруг Годвина.

Из окна зала на третьем этаже я наблюдаю, как она идет по тропинке. Узкая фигура четко очерчена на фоне заката.

— Эллис, — зову я довольно громко, чтобы было слышно на нижнем этаже, где над книгой трудится Эллис. — Там Квинн.

Даже с высоты моей комнаты слышен скрежет ее стула об пол, а следом звук ее шагов, когда она спускается вниз по лестнице. Я, помедлив, следую за ней. На улице сумрачно и прохладно. Эллис бросается обнимать приехавшую, и та в ответ зажимает сестру в объятиях, приподнимая ее над землей.

Они обе темноволосые, обе высокие. Когда Эллис наконец отпускает гостью, я вижу ее лицо и понимаю, что сестры совсем не похожи. Квинн очень открыта и эмоциональна. Не знаю, можно ли доверять первому впечатлению, но это кажется правдой. Наши взгляды встречаются. Темные глаза Квинн смотрят спокойно.

— Фелисити, это Квинн. Квинн — Фелисити, — наконец выручает Эллис. — Моя школьная подруга, о которой я тебе рассказывала.

— Уверена, все наврала, — говорю я, и мы с Квинн жмем друг другу руки.

— Думаю, Эллис про меня вообще почти ничего не рассказывала, — заявляет Квинн.

Ответить нечего. В конце концов, это правда. Эллис лишь пару раз упоминала о ней. Но я знаю, Эллис младше примерно на десять лет. Из гендерно-нейтральных местоимений, которые она использует, понятно, что Квинн небинарна. Глядя на сестер, я могу сказать, что у них много общего. Во всяком случае, блейзер и яркий золотой галстук свидетельствуют об этом.

— Кое-что мне известно, — наконец произношу я. Эллис, улыбаясь, складывает руки за спиной, будто смотритель галереи, представивший посетителю новейшее произведение искусства.

Квинн показывает на дом:

— Ну тогда войдем, познакомимся получше?

Мы заходим в комнату отдыха. Эллис настойчиво усаживает меня в мое любимое плюшевое кресло цвета бургундского вина. Ее сестра заваливается на шезлонг напротив и зажигает сигарету. Я не удивлена, что они курят в помещении: уже привычно видеть Эллис с сигаретой в доме. Вероятно, она переняла это у сестры.

Эллис направляется к тайнику, где хранится бурбон, как помнится, давний подарок Квинн. Я неотрывно наблюдаю, как она своими элегантными руками разливает горький напиток по трем хрустальным стаканам. Я отвожу взгляд, понимая, что Квинн оценивающе смотрит на меня.

Сцепив руки на коленях, я изображаю улыбку. Ощущение, будто я пытаюсь произвести впечатление на родителей на первом свидании. Не то чтобы у меня когда-то было такое... Не совсем то.

— Расскажи мне о себе, Фелисити, — просит Квинн.

Что это? Собеседование? Я вонзаю ноготь большого пальца в руку, чтобы потом не жалеть о сказанном.

— Не знаю, что рассказывать. Боюсь, я не очень интересный человек.

— Фелисити скромничает, — замечает Эллис. — Она лучший исследователь в Годвин-хаус, и домоправительница МакДональд это подтвердит.

Меня трудно вогнать в краску, но сейчас Эллис это удалось. Надеюсь, свет здесь достаточно слабый и Квинн не заметит этого.

— Неправда.

— Какой у тебя любимый предмет? — спрашивает Квинн.

— Вообще, английская литература, — отвечаю я. — Мой диплом — о характеристике колдовства и психических заболеваний в жанре романа.

Эллис хмурит брови, глядя на нас через плечо.

— Я думала, ты пишешь об ужасах или о чем-то таком.

— Я и пишу, но... по первоначальной дипломной было собрано много материала о ведьмах Дэллоуэя. Не пропадать же ему впустую.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — говорит Эллис, взбалтывая напиток. — После...

К счастью, Квинн пользуется моментом, чтобы вмешаться.

— Психические заболевания в жанре романа, — слышу я. — Тебя больше интересует точность описания или его значение?

— Мне больше интересно то, как описания психических заболеваний создают эффект напряжения через чувство неопределенности и недоверия. Особенно это касается рассказчиков и их восприятия событий, и к тому же любопытно изучить соединение магии и безумия в женских образах.

— Видишь? — отмечает Эллис, возвращаясь с двумя коктейлями. — Я говорила тебе, она великолепна.

Я снова краснею. Она протягивает мне напиток, и наши пальцы соприкасаются. Мне кажется или ее прикосновение длится дольше, чем обычно? Квинн бросает взгляд на напиток и усмехается.

— Коктейли? Серьезно, Эллис? Тебе вроде бы семнадцать.

— В полицию на меня заявишь? — Эллис парирует.

Квинн отрицательно качает головой.

— Нет. Но *посмеюсь* над тобой безжалостно. Тогда летом тебе ведь так не понравился мой коктейль с виски, что тебя даже стошнило на гортензии.

Лицо Эллис слегка порозовело. Очаровательно. Вряд ли я когда-нибудь видела ее смущенной.

Прежняя Эллис близка мне больше, чем эта, но тем не менее я делаю глоток коктейля. Явственно чувствуется прекрасное сочетание сладости с горечью, что не подавляет обжигающего эффекта бурбона. Надо признаться, смешано со знанием дела, но мне так не нравится. Я отставляю стакан на край стола, надеясь, что Эллис не заметит, если я не выпью.

— Расскажи еще что-нибудь, — настаивает Квинн. — Откуда ты? Где ты бывала до Дэллоуэя?

— Боже, Квинн, — жестким тоном говорит Эллис. Полагаю, она все еще раздражена тем, что сестра ее осадил. — Это что, допрос?

— Все нормально. Пусть, — отвечаю я.

Я улыбаюсь с другого конца комнаты. А вдруг я заслужила их доверие?

— Родом я из Колорадо, — рассказываю я. — До Дэллоуэя я училась в Фей-скул. Ну это было давным-давно. Сейчас я на последнем курсе.

Хотя ей не нужно знать, что это моя вторая попытка закончить учебу в выпускных классах. Если только Эллис не рассказывала ей о моих недостатках.

Я не даю Квинн возможности задать вопрос и увести разговор в нужное ей русло и беру инициативу в свои руки:

— Мою мать зовут Сесилия Морроу. Из бостонских Морроу.

Не стоит объяснять, что моя мать бежала с Восточного побережья будучи незамужней и беременной неизвестно

от кого, что тогда считалось неслыханным позором. Все знали самые грязные подробности, как бы ни старалась их скрыть моя бабушка.

Квинн откровенно передернуло:

— Обитатели Новой Англии.

— Какой же ты сноб, — ласково замечает Эллис. Она прилегла на диван и вытянула длинные ноги, скрестив их в лодыжках. Под высоко задранными штанинами видны подвязки для носков.

— Как насчет тебя? — тут же выдаю я, не давая Квинн вернуться к расспросам. — Я уже в курсе, где ты училась, но не знаю, что изучала.

— Статистику.

— Сестра играет в покер, — добавляет Эллис.

— Не моя трансгендерность, так азартные игры точно бы доконали наших родителей, — с легкой самодовольной ухмылкой сообщает Квинн. — Эллис всегда была любимицей, хотя я не знаю почему. Она моя точная копия.

Эллис закатывает глаза, но вид у нее умиротворенный. Она наклоняется, и Квинн подносит ей сигарету.

— Наверное, пора спать, — говорит Эллис и выдыхает дым в потолок. — Уже поздно, а ты проделала долгий путь.

— Уже спровоживаешь меня? — Игривая усмешка скользит по лицу Квинн; видно, что обе не против, если младшая будет командовать. Меня удивляет, что Эллис с самого начала пытается это делать. Такое ощущение, что она старается подавить критику Квинн в свой адрес за пристрастие к суррогатному виски.

— В течение следующих двух дней мы обязательно будем часто видеться, — заявляет Эллис. Она хватается за сигарету и встает, допивая свой коктейль за пару долгих глотков.

Значит, мне тоже нужно проглотить свой. Я встаю и чувствую, что меня шатает. Говорю себе, что это усталость; я не так уж сильно пьянею от одного стакана.

— Было приятно познакомиться с тобой, Квинн. Завтра обязательно встретимся.

— С утра пораньше, — последовал ответ Квинн и хлопывание Эллис по плечу напоследок. — Я в отеле. Здесь недалеко. Если что — звони, не стесняйся.

Как быстро собрались, так же и разбежались. Будь я одна, мне бы, наверное, все это показалось пьяным бредом.

Эллис, скрестив руки, стоит в холле и смотрит туда, где находилась Квинн.

— Что? — дразнящим тоном спрашиваю я. — Сыта по горло?

— Да нет, конечно, — отрицательно качает головой она. — Но все же мне непонятно, зачем надо было так далеко ехать с единственной целью — посмеяться надо мной.

Я разразилась смехом.

— Эллис, да никто тебя *не высмеивал*. Все было очень мило.

— О да! Это же Квинн. *Прекрасно*.

Эллис возвращается в комнату отдыха, и я за ней. Я усаживаюсь рядом на диван и поглаживаю ее по колену.

— Во всяком случае, она тут ненадолго, — говорю я.

Эллис вздыхает и откидывается на мягкую спинку дивана. Румянец так и не сошел с ее лица. Может быть, это и не смущение; не исключено, что у нее непереносимость алкоголя, хотя она старается убедить нас в обратном.

— Да, — кивает она. — Пусть так, но все же нам следовало бы съездить в Саванну. У моих родителей огромный дом — в нем легко заблудиться. Мы бы могли уединяться, как и хотели.

— Могли бы, да.

Я не спрашиваю ее о необходимости нашего уединения. Боюсь, что ответ был бы страшно банальным.

— Раньше я называла дом Мандерли*, — рассказывает она. — Конечно, мы находились не так близко к морю, что-бы сравнение было точным, но этого было достаточно.

— А «Ребекка» тоже один из твоих любимых романов?

— На все времена. — Эллис снова разворачивается лицом ко мне. — Хотя главная героиня всегда мне нравилась больше, чем наш уважаемый рассказчик.

— Понимаю, — отвечаю я, и она запускает руку в мои волосы, гладит большим пальцем по уху. Я стараюсь сдерживать дрожь. Возможно, уединение, которого она хотела в Саванне, не было чем-то обыденным.

В свете камина глаза Эллис блестят как начищенное олово.

— Я рада, что ты осталась со мной, — шепчет она голо-сом таким же мягким и бархатным, как диван под нами. — Без тебя мне было бы одиноко.

Ее слова звучат вновь и вновь, отдаваясь эхом в моей голове, даже когда я, уже находясь в своей комнате, зажигаю свечи и прячу турмалин под подушку.

Я рада, что ты осталась со мной.

Я рада, что ты осталась.

На следующее утро Квинн приезжает рано и готовит завтрак. Мы вместе едим в столовой; стол из благородного красного дерева не сочетается с обычным завтраком, но Эллис настаивает. На наших тарелках тосты с яйцами всмятку и ломтиком бекона.

* Вымышленный дом в готическом романе Дафны Дюморье «Ребекка» (1938).

— Все, что умеет Квинн, — это готовить, — шепотом заговорщика сообщает мне Эллис, за что получает подзатыльник от сестры.

После завтрака Квинн нужно ехать в город за чем-то для покера. А мы с Эллис остаемся и проводим время за чтением, развалившись на ее кровати. Волосы Эллис ниспадают к моему локтю, пальцы моих ног подсунуты под ее бедро; когда мы проводим время вместе, мои кошмарные видения не так страшны.

Но после обеда Эллис остается писать книгу, а я брожу по пустым помещениям Годвина. Прохожу мимо комнаты Каджал, дверь которой открыта, и вижу аккуратно заправленную кровать. Вся обувь стоит в ряд вдоль стены за столом. Иду мимо закрытого кабинета Мак-Дональда через гостиную, на кухню, затем снова поднимаюсь наверх и ложусь на спину в коридоре, чувствуя, как сила тяжести смещает меня в сторону. На неровном полу мне удастся повернуться налево и прижаться носом к плинтусу.

Я закрываю глаза и прижимаю ладони к деревянным половицам, ощущая шершавую текстуру.

Интересно, призраки чувствуют себя так же? Блуждаешь по одним и тем же коридорам в ожидании встречи с кем-то, кто заговорит с тобой или решит прогнать...

Квинн возвращается вечером — пьет мартини с цедрой лимона в комнате отдыха и, особо не вчитываясь, бегло просматривает одну из книг Годвина. Понятия не имею, откуда взялся джин.

— Эллис бросила тебя? — не поднимая глаз, спрашивает она.

— Как обычно. — Я упираюсь руками в спинку дивана. — Чем намерена заняться?

— Ничем. Скучно. Хочешь мартини?

Господи, в этой семейке есть еще какие-нибудь хобби, кроме употребления алкоголя?

Но я не могу себе позволить быть невежливой. Кроме того, я росла с матерью, не мне судить.

— Ну, если предлагаешь...

Квинн бросает книгу и одаривает меня широкой, искренней улыбкой. Чувствую себя победителем, получившим эту улыбку в награду.

— Пойдем, — говорит она.

Мы удаляемся на кухню, где Квинн достает бутылки с алкоголем из пластикового пакета для продуктов и ставит их на барную стойку; судя по всему, покупка была сделана на обратном пути из Нью-Йорка. Она эффектно смешивает свежавыжатый сок и лимонную цедру. Я делаю глоток. На вкус коктейль более сухой, чем я привыкла, и в горле отдает крепким вермутом.

— Нормально, — вынуждена сказать я, и Квинн фыркает.

— Если тебе не нравится, тогда можно залпом выпить.

Хоть это и шутка, но идея хорошая, ведь коктейль, приготовленный Квинн, *крепкий*, а второй будет еще крепче.

Все заканчивается тем, что мы валяемся на ковре в комнате отдыха. Комната плывет перед глазами, голова кружится, а в желудке волнами поднимается жар.

— Зря я это сделала, — бормочу я.

— Ничего подобного, — вяло спорит Квинн.

Не понимаю, почему моя мать так это любит. Боюсь пошевелиться из страха оторваться от земли и тут же расплыться в воздухе. Мой язык тяжел и неповоротлив.

Мне страшно потерять контроль над собой, как она, когда порезала все бесценные работы на мельчайшие кусочки в нашей галерее.

Я накрываю глаза рукой, но головокружение только усиливается.

— Как часто ты виделась с Эллис? — спрашиваю ее. — После того как ездила в Йель. Полагаю, ты редко приезжала домой.

Пауза затягивается настолько, что я искоса начинаю поглядывать на Квинн. Интересно, я что-то не то сказала? Наконец она вздыхает и устремляет свой взгляд на меня.

— Ну да, не очень. Видит бог, Карен и Джилл тоже не часто бывали дома.

Мне требуется секунда, чтобы понять, что Карен и Джилл, должно быть, их матери. И, пожалуй, не очень хорошие.

— Наверное, тяжело, — говорю я.

— Думаю, это смотря кого спрашивать. Я пережила. Так что всё в порядке. А вот Эллис...

Я все еще в состоянии хмельного дурмана. Но, как говорит Квинн, это прибавляет адреналина в крови, и я вдруг чувствую себя более бодрой и энергичной.

— Ты о чем?

Под полуопущенными ресницами ее глазá блестят, словно осколки обсидиана.

— Это испортило Эллис. Она всегда была слегка неуверенной в себе, но...

Неуверенной?

— А мы вообще об одной Эллис говорим?

— Да. Я не знаю, кого она из себя строит в школе, но... да.

Квинн шумно вздыхает и встает, поворачиваясь прямо ко мне, присев на одно колено. Что-то в этом мне так напоминает Эллис: возможно, язык тела или даже одежда.

И вчерашнее ощущение тоже не было случайным; они совершенно одинаково одеваются. Интересно, Эллис намеренно подражала своей старшей сестре или же просто боготворила ее, спутав в итоге восхищение с присвоением?

Быть может, Эллис в чем-то *просто человек*.

— К черту. Слушай. Понимаешь, Эллис в детстве всегда была со странностями. Она была одаренным ребенком. Я умна, но Эллис... совершенно другой уровень. Преподаватели не успевали за ней. Ей становилось ужасно скучно. Она закатывала истерики и вызывала головную боль у всех домашних, если не получала поощрения.

Нетрудно представить юную Эллис: в крохотном пиджаке и брюках в клеточку, как у взрослой, жаждет знаний и пышет яростью, если ей в этом отказывают.

— Когда Эллис было десять, наши родители уехали за границу на всю зиму. Предполагали отсутствовать пару месяцев, поэтому они оставили Эллис в Вермонте с нашей бабушкой. Только тогда случилась сильнейшая буря... Их завалило снегом, электричество отключили, и бабуля умерла.

— О боже. — Даже не хочется думать об этом: Эллис одна дома с мертвой бабушкой, родители в отъезде. — Как она поступила? Как?..

Квинн в изумлении подняла бровь.

— Эллис была одна целый месяц. Снег растаял за три недели, но энергетическая компания настолько вымоталась из-за всех этих перебоев, что все это время не смогла починить свет у нашей бабушки.

Морозы встали сильные, снег давил на окна, а тело бабушки медленно разлагалось на верхнем этаже. Когда начались оттепели, зловоние стало понемногу распространяться по дому.

Я представляю, как Эллис захлопывала двери, чтобы избавиться от запаха, закрываясь все в меньших пространствах, пока стало некуда бежать.

— До ближайшего соседнего дома было шесть миль, — продолжила Квинн. — Еще и снег... Я имею в виду, что Эллис было *всего десять*. Она решила спрятаться и подождать.

Какой бы безразличной ни была моя мать, не представляю, чтобы она допустила такое.

В течение разговора я все время напоминаю себе, что родители Эллис оставили ее с бабушкой, уверенные в ее целостности и сохранности.

Только она не была в безопасности, *очевидно* не была.

— Но потом ваши родители вернулись. И она... с ней все было в порядке? — Я смотрю на Квинн, почти умоляя договорить до конца. Того, что Эллис выжила, еще недостаточно. Мне нужен финал истории.

— Они вернулись благополучно, — хмуро отвечает Квинн. — И, кстати, рано. Но у Эллис к тому времени уже закончилась еда. Оставалось еще три недели отпуска до их возвращения. Ей нечего было есть... Она задушила своего домашнего кролика и съела его сырым. Надо понимать — это было отчаяние, безысходность.

Меня начинает тошнить, рот наполняется отвратительным вкусом горечи. Я сглатываю. Эллис... Она...

— Вообще-то у меня был выбор, — доносится голос сзади.

От неожиданности нас с Квинн так резко подбрасывает, что голова вновь начинает кружиться и все плывет перед глазами.

Одетая в великолепный, сшитый на заказ костюм, Эллис стоит в дверях, облокотившись рукой о проем.

Выражение ее лица настолько безразлично, что трудно понять, притворяется она или ей действительно все равно, что мы обсуждали, — что *Квинн* сказала.

Она опускает руку и поднимает бровь.

— Или кролик, или собака. И не собиралась убивать *Маффина*.

— Конечно нет, — шепчу я так тихо, что еле слышу себя.

— Мне жаль, — со слегка позеленевшим лицом добавляет *Квинн*, она с трудом держится на ногах. — Я не должна была что-то говорить. *Эллис*...

Эллис язвительно улыбается.

— Все нормально, *Квинн*. *Фелисити* понимает. У всех есть своя история.

Мы смотрим друг на друга через всю комнату. Появляется ощущение, будто я впервые вижу *Эллис Хейли*. Я жонглирую последними воспоминаниями словно камнями. Когда она узнала об *Алекс*, то ни разу не сказала, что это моя вина. Она говорила лишь: «*У тебя не было злого умысла*». Существовала разница, которую *Эллис* как писательница, сама, в разгар зимы, поняла лучше других.

— Я спустилась сообщить *Фелисити*, что иду спать, — говорит *Эллис*. Она тербит пальцами угол ближайшего акцентного столика, будто гладит фактуру дерева. Или хочет сказать что-то еще, но сдерживается.

Часом позже на полу своей комнаты я нахожу сложенную в квадрат, перевязанную черной длинной лентой бумагу с координатами, временем и именем *Эллис*.

Новый «Ночной перелет».

ГЛАВА 22

На следующий день за час до наступления темноты координаты вновь приводят меня в церковь. Заходящее солнце золотит дощатые стены, длинная черная тень от опрокинутого креста растянулась по грязи — почти до кромки леса.

Эллис стоит, прислонившись к стене возле двери. Рядом с ней — винтовка.

Я останавливаюсь возле деревьев, глядя на подругу с расстояния около двадцати футов. Хотя, конечно, такое расстояние ничтожно для того, чей палец лежит на спусковом крючке.

— Зачем это? Где ты ее взяла? Ты...

— Не волнуйся. — Эллис отталкивается от стены. — Ничего страшного. Квинн держит эту винтовку в своей машине для самообороны — как все южане.

Все южане. У меня так пересохло в горле, что приходится несколько раз сглотнуть, прежде чем я снова могу говорить.

— Я не спрашиваю, зачем ее держит Квинн. Я хочу знать, зачем она тебе.

— Для «Ночного перелета», — медленно произносит Эллис, словно я не особо сообразительная. — Смерть Флоры

Грейфрайар. Это одна из последних ниточек, ведущих к разгадке: нужно восстановить обстоятельства ее гибели. То есть понять, как Марджери убила ее.

Я качаю головой.

— У этой истории слишком много интерпретаций. Какую ты считаешь верной?

Эллис поднимает винтовку и прижимает к плечу. Кажется, словно голова моя набита маленькими шариками. Они перекатываются и ударяются о своды моего черепа, их так много, не сосчитать. При виде Эллис с этой *штукой* в руках мои мысли путаются.

— Я все еще не понимаю, зачем тебе оружие.

— Вариант с охотой, — говорит Эллис. — Помнишь? Одна из версий этой истории гласит, что Флора была найдена застреленной в живот. Это могло быть несчастным случаем на охоте или решением кого-то из горожан, но я ставлю на Марджери. В конце концов, кто-то же слышал, как она призналась. К чему признаваться в неправде?

— Я не...

— Это будет всего лишь койот, Фелисити, — усмехнулась Эллис. — В этих лесах их десятки. Очевидно, что мы не собираемся стрелять *друг в друга*.

Я подхожу ближе, хотя все, чего хочу, — это упасть на землю и сидеть там в грязи. Я не знаю, какие доводы могут убедить Эллис. Это как пытаться убедить кого-нибудь, что трава зеленая, когда человек настаивает на том, что трава очевидно *синяя*.

— Ладно. — Я прячу лицо в ладони и тяжело вздыхаю. — Итак, ты хочешь идти на охоту. Верно?

— Я хочу понять, сможет ли неопытная девушка выстрелить в кромешной тьме и поразить цель. И хочу, чтобы ты тоже это увидела. Никакого алтаря, никакого ритуала.

Только девушка, которая подстрелила другую девушку в лесу. Никаких дѹхов или колдовства для этого не требуется.

— Тело нашли на алтаре. Ни в одном отчете этот факт не оспаривается.

Эллис пожимает плечами.

— Разумеется. Но это не значит, что было колдовство. Это значит, что Марджери хотела создать *иллюзию* колдовства.

Это объяснение кажется мне надуманным. Сначала я не могу понять почему, но потом спрашиваю:

— Теперь, согласно твоему писательскому методу, тебе нужно кого-нибудь убить?

Но Эллис только улыбается и качает головой.

— Ничего подобного. Ты уже слышала, что я убила кролика, вообще-то. Все это для *тебя*, Фелисити. Это центральная часть того, что произошло в Дэллоуэе, настолько близкая к сущности так называемых ведьм, насколько это возможно. Только, чтобы нажать на спусковой крючок, не требуется проводить ритуал.

— Я знаю это, — резко отвечаю я.

— Знать — это не то же, что *понимать*. Ты знаешь, что тут, наверху. — Эллис постучала пальцем по своей голове. — Но не знаешь, что у тебя здесь. — Она кладет руку на грудь. — В своем сознании ты связала тех девушек с колдовством так прочно, что эти узлы никогда не распутаются сами. Вот почему мы всё это делаем, Фелисити, — это истинная *цель* «Ночных перелетов». Тебе нужно воспринимать Дэллоуэйскую Пятерку без магии. Научись видеть их просто людьми: также совершавшими ошибки, импульсивными и приземленными, как все.

Может быть, она и права. До этих пор она часто была права. Многое происходило в моем воображении, являлось

результатом страха и какого-то химического нарушения в моей голове. Хотя я не уверена, что *хочу* воспринимать ведьм Дэллоуэя как просто людей. Я хочу, чтобы они были похожи на меня.

Но когда Эллис направляется к лесу, я иду за ней.

По ее словам, на койотов лучше всего охотиться ближе к заходу солнца. К тому времени, как мы вступаем под полог леса, солнце спускается низко к горизонту, его золотистый свет отражается в озере и сверкает каштановыми бликами на волосах Эллис. Я пропускаю ее вперед. Не то чтобы я не доверяла ей; просто чувствую себя увереннее, когда *вижу* винтовку.

— В прошлый раз я заметила здесь несколько ловушек. Смотри под ноги, — говорит Эллис, когда мы ступаем под завесу деревьев; винтовка лежит на сгибе ее локтя.

Мой взгляд скользит по земле, но всё, что я вижу, — это мертвые листья.

Когда мы вышли из церкви, Эллис сказала мне, что наша первая цель — охватить как можно бóльшую территорию. По-видимому, койоты двигаются быстро и нечасто задерживаются в одном месте надолго — да и в лесу наш манок не будет слышен далеко. Мы будем передвигаться каждые десять-пятнадцать минут.

Как только деревья смыкаются за нами, мы прекращаем разговоры. Царит тишина, прерываемая только щебетом птиц, когда мы проходим под их гнездами. Здесь, в тени, холод ощущается сильнее. Я сжимаю руки в кожаных перчатках и затягиваю шарф на шее плотнее. Румяные щеки Эллис — единственный признак того, что она чувствует то же самое.

Так проходит минут двадцать. Внезапно Эллис останавливается и хватается меня за руку. Я смотрю, куда она указывает.

Следы в грязи: отчетливые отпечатки лап с широко расставленными пальцами, прямо как на картинке в учебнике. Мы нашли охотничье место койота. Эллис дарит мне мимолетную улыбку, ее лицо наполовину скрыто козырьком плоской кепки, и отправляется по тропе.

Чем дальше мы углубляемся в лес, тем тише становится. Птицы больше не кричат при нашем появлении; может быть, они чувствуют присутствие хищника более опасного, чем мы. Тени сгущаются, тянутся, как тонкие пальцы, потом сливаются, и тьма под ногами поднимается, как приливная волна. Я все время смотрю в спину Эллис; ее лопатки заметно двигаются под курткой, и я почему-то не могу перестать смотреть на них, на медленное уверенное движение ее тела сквозь заросли.

Или, может быть, дело не в том, что я не могу перестать наблюдать за Эллис. Я осознаю, что боюсь отвести взгляд в сторону леса и увидеть нечто, пристально смотрящее на меня.

— Стой, — говорит Эллис, выбрасывая руку в сторону. Я чуть не налетаю на нее, но вовремя останавливаюсь.

— Что такое? — спрашиваю я, но ответ не нужен — я вижу его через долю секунды.

Примерно в десяти футах от того места, где стоит Эллис, лежит растерзанная туша, полускрытая тенью упавшего бревна.

Наверное, это олень. Хотя для оленя зверь вроде бы великоват, его белые кости, поблескивая, торчат, как копыта, из кровавых лохмотьев плоти и органов. Повсюду, на слабом ветерке, колышутся клочки рыжевато-коричневого меха.

Это ужасно. Я подхожу на полшага ближе, в воздухе витает медный запах крови. Эллис не удерживает меня, но и не поднимает ружье на плечо на случай, если кто-нибудь выскочит из-за деревьев.

Рядом с тушей гниющие листья скользкие и расползаются под ногами. Оказывается, останки действительно олени: рога сломаны и бесполезны, один черный глаз невидяще смотрит в сумеречное небо.

— Могли койоты это сделать? — выдыхаю я.

— Наверное, — говорит Эллис. — Но этого, скорее всего, убил волк. — Ее пальцы ложатся на мой затылок. Рука в перчатке, но по моему позвоночнику все равно пробегает легкая дрожь. — Как ты думаешь, он давно умер?

Я присаживаюсь на корточки среди папоротников, снимаю перчатки и провожу пальцами по боку оленя. мех прохладный, но рука становится липкой.

Я поворачиваюсь и показываю ей:

— Кровь еще теплая.

— Значит, меньше десяти часов, — говорит она. — Будь на чеку. Волки всё еще могут быть поблизости.

По мере того как мы двигаемся дальше, воздух становится разреженнее. Я не оглядываюсь назад. Я знаю, что следует опасаться волка или *волков*, что убили оленя, но вместо этого вновь и вновь вспоминаю призрак Алекс в лесу, тонкую белую фигурку, скользящую среди теней. Если вечером я еще была уверена, что ее здесь нет, то теперь, в темнеющем лесу, в это верится с трудом. Даже ветви деревьев будто меняют форму: теперь они похожи на костлявые пальцы, тянущиеся за живой плотью.

Я распрямляю плечи и смотрю только вперед. Я хочу выглядеть по-боевому. Я не могу позволить себе показывать страх там, где Эллис может его увидеть.

— Мы должны попробовать сейчас, — говорит Эллис минут через пять после того, как мы покинули место убийства. — Я устанавливаю манок.

Мы опускаемся на колени в выемке среди корней дуба, так близко, что наши плечи соприкасаются; я все время чувствую дыхание Эллис. Мы разместили манок в пятнадцати футах от нас; это крошечное электронное устройство воспроизводит крик раненого кролика — визжащий, молящий о пощаде.

Так мог визжать кролик Эллис, когда она свернула ему шею.

Я быстро и незаметно бросаю на нее взгляд, но если она о чем и думает, так это о том, чтобы из-за зимнего холода не пострадало лицо.

Так мы сидим, неподвижно, пока у меня не начинают болеть ноги и не коченеет тело. Темнота еще усиливается — мои глаза медленно привыкают к ней. Мерзлая земля слишком тверда для моих коленей.

Кролик в электронном манке верещит, этот ужасный звук сжимает мои внутренности так, что теперь они подобны скрутившемуся проводу. Звук повторяется снова, и снова, и снова, и теперь это все, что я могу слышать. Ни моего собственного дыхания, ни даже сердцебиения.

А потом я вижу его.

Койот медленно крадется, неестественно тихо пробирается по опавшим листьям. После каждого шага он останавливается и оглядывается. Могу поклясться, пару раз он видит нас, его мерцающие в слабом свете глаза останавливаются на выемке нашего дерева.

Эллис рядом со мной не шевелится, кажется, даже не дышит. Ее палец замер на спусковом крючке.

Не я буду стрелять в эту тварь, но мои руки тоже вспотели. Я смотрю из тени, как койот вынюхивает что-то на земле: невинный, неосторожный.

Внезапно я не хочу, чтобы она это делала. Я не могу ей позволить.

— Эллис...

Она искоса смотрит на меня, одна бровь приподнята. Я протягиваю руку, она колеблется, но отдает мне винтовку.

Плечу тяжело. Тяжелее, чем я ожидала. Приклад из полированного дерева холодит мою щеку, когда я поднимаю винтовку и беру койота на прицел.

Животное по-прежнему не замечает нас; оно обнюхивает кучу листьев возле манка, ищет добычу. Я облизываю губы и кладу палец на курок.

Эллис очень легко, едва заметно прикасается к моему плечу, но моя спина все равно отзывается дрожью.

Я стреляю.

Грохот выстрела отскакивает от настороженного леса, стая птиц из ближайших кустов взмывает в небо. Отдача опрокидывает меня на ствол дерева, винтовка падает мне на колени, койот валится на землю. Эллис не в силах удержать меня от падения, она оscalaивается в улыбке — и через секунду уже бежит по гниющим листьям. Я остаюсь без движения несколько долгих секунд, удар приклада все еще сотрясает мое тело, по меньшей мере я ощущаю так. Но затем я заставляю себя встать и вылетаю из укрытия следом за Эллис.

Я не буду слабой. Я больше не могу бояться.

Когда мы подходим, койот еще жив. Его туловище содрогается от каждого вздоха, на шкуре быстро распускается черное пятно. Глаза закатываются, словно он думает, что сможет найти выход, что у него еще остался шанс выжить.

Эллис перекидывает винтовку через плечо и придирчиво осматривает зверя.

— Выстрел смертельный, — наконец констатирует она. — Он сейчас умрет.

Вблизи койот совсем не такой страшный, как рисовало мое воображение. Он меньше, чем я ожидала, размером примерно с собаку Алекс — помесь овчарки с хаски — и даже внешне похож. Его черный нос как-то особенно нежен, усы дрожат, когда дыхание начинает останавливаться.

Эллис тоже дрожит — это заметно лишь потому, что я обращаю внимание на все, связанное с ней. Эллис так легко изображает бесстрашие, словно наши детские травмы не просачиваются, как дождевая вода, сквозь кирпичи нашей жизни. Будто ей все равно.

Но теперь я знаю ее лучше, чем раньше.

Она присаживается на корточки возле тела и проводит рукой в перчатке по кровавому месиву на его груди.

— Иди сюда.

Я подчиняюсь. Что еще остается делать, кроме как подчиниться? Эллис встает, одной рукой поворачивает мое лицо к свету, а другой быстро мажет мою щеку кровью койота.

— Это старинная английская традиция, — поясняет она, пока я, задыхаясь, борюсь с острым желанием прикоснуться к своему лицу. — Для тех, кто охотится впервые.

Поморщившись, я стираю кровь со щеки, как только Эллис убирает руку. Она смеется.

— Что? — говорит Эллис. — Разве это не в духе Дэллоуэя — все странное и кровавое?

— Я совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду.

Она заговорщицки улыбается, стягивает перчатку и слюнявит большой палец:

— Ты пропустила пятнышко.

Ее влажный палец стирает остатки крови, задержавшись на долю секунды. Ощущение ее прикосновения остается, даже когда она поворачивается, чтобы осмотреть койота еще раз. Его глаза следят за ее движением, полузакрытые, настороженные. Но зрачки уже затуманиваются, клыки не блестят, они матовые и тусклые.

К горлу подкатывает тошнота, я отворачиваюсь, отступаю на безопасное расстояние и прижимаюсь к корням клена. Я не знаю, что Эллис делает с телом койота, и не хочу знать. Отброшенная винтовка лежит на листьях в двух футах слева от меня; над головой, за кронами деревьев, — бездонное звездное небо. Мой мир — это шар сорока футов в диаметре, и он кружится, кружится, кружится...

Можно было предположить, что Алекс умерла при ударе после падения со скалы. Но она не умерла. Я стояла там, оцепенев, и смотрела, как она борется, как черная озерная вода заливают ее лицо и рот. Пока я добралась до берега, она уже исчезла, тело погрузилось в медленное течение, легкие наполнились водой и тянули ее ко дну.

Я знаю, что она умерла. Но...

Что, если не умерла? Что, если она выжила — наполовину утонувшая, на холодном ветру, продрогшая до костей. Могла ли она выбраться из воды, подальше от скал, и, пьяная, уйти в лес? Стала бы она бродить в темноте, питаясь грибами и древесной корой? Вдруг она осталась там, наблюдая за мной, выжидая, чтобы отомстить?

Может быть, то, что я принимаю за ее призрак, вовсе не он, а нечто таинственное, чем могла бы стать Алекс? Зомби, в своей полужизни ищущий своего создателя.

— Койот умер, — говорит Эллис.

Я поднимаю глаза. Я не слышала, как она подошла, но теперь она рядом, присела на землю передо мной. Все тело

кажется одеревеневшим и слабым, словно я не двигалась многие годы.

Губы Эллис изгибаются в печали.

— Ты в порядке? — в ее тоне появляются более мягкие нотки. Рукой в перчатке она поднимает мой подбородок, так что мне приходится встретиться с ней взглядом. — Фелисити. Скажи, что ты в порядке.

Теперь мы в крошечной тьме. Я едва могу различить черты лица Эллис, не назову даже цвет ее глаз. Они светлые, как стекло, но *живые*, блестят. Или, может быть, у меня просто кружится голова, я измучена и промерзла. Эллис обхватывает мою щеку ладонью.

Я судорожно выдыхаю. Мое дыхание облачком вырывается в стылый воздух.

— Я в порядке.

— Ты уверена?

Я киваю. Эллис на долю секунды прикусывает нижнюю губу, потом поднимается и протягивает руку, предлагая помочь мне встать. Она ведет меня прочь от останков койота в полосу лунного света, пробивающегося сквозь лесной полог.

Я, должно быть, сумасшедшая, по-настоящему — как будто убийство койота вышибло мне мозги, — потому что я ловлю себя на бредовой мысли о том, как прекрасна Эллис. В этом свете ее кожа кажется оловянной, весь ее облик дробится на мириады оттенков серого, словно на ожившем черно-белом фото.

— Не могу поверить, что я его убила, — говорю я.

— Я тоже не могу поверить, что ты его убила, — признается Эллис. Ее рука лежит у меня на талии, поддерживая, когда я спотыкаюсь на упавших ветках. — Тебе не нужно было этого делать.

— Нужно. — Я не знаю, как объяснить ей, чтобы она поняла правильно. Я даже не знаю, как объяснить это *себе*. Но я не могла... После всего, после рассказа Квинн об Эллис и ее кролике... Я не могла позволить ей нажать на спусковой крючок. Я не могла заставить ее сделать это снова.

Или, может, мне просто нужно было знать, способна ли я на это. И есть ли во мне темная сторона, достаточно безжалостная, чтобы отнять жизнь.

Оказывается, есть.

— Идем, — говорит Эллис. Она сплетает свои пальцы с моими. — Возвращаемся.

ГЛАВА 23

Я мало что помню о том, как мы выходили из леса и возвращались домой.

Но что отпечаталось в памяти наверняка, так это то, как Эллис крепко держала меня за руку. И вкус пота на губах. Когда мы входим в дом из сада, в комнате отдыха горит свет, но мы намеренно избегаем встречи с Квинн. Эллис поднимается по лестнице, перешагивая через ступеньки; я следую за ней бледной тенью, рука без перчатки мерзнет, когда скользит по перилам.

Эллис идет в свою комнату, я — за ней.

Я пинком захопываю за собой дверь, Эллис стягивает перчатки, палец за пальцем, наблюдая за мной настороженным взглядом, словно ждет, что я выстрелю.

— Я сказала тебе, что всё в порядке, — говорю я. Сейчас это звучит более убедительно, мой голос стал увереннее, чем был в темноте.

— Знаю я, *что* ты сказала.

— А еще ты знаешь, что я *сказала* бы, если бы со мной было что-то не в порядке. — Я одариваю ее слабой, неуверенной улыбкой. — Стыд никогда не мешал мне срывать при тебе.

Она смеется, и напряжение между нами чуть-чуть спадает. Но от этого не становится легче.

Эллис прижимает руку без перчатки к моей груди, туда, где сердце. Интересно, чувствует ли она под пальцами, как оно бьется — слишком быстро.

— Ты смелая, Фелисити, — говорит она. — Ты самая храбрая из всех, кого я знаю.

А потом она целует меня.

Головокружение не проходит. Не в силах устоять на ногах, я обеими руками вцепляюсь в нее, в голове туман, язык Эллис у меня во рту. Ее тело твердое и упругое, я не могу удержаться от того, чтобы не трогать его; она прижимает меня к запертой двери, ее губы скользят по моей щеке. Я подставляю под поцелуи скулы и горло.

— Я хотела тебя, — шепчет она, и эти три слова неожиданно обжигают; когда она отстраняется, я вижу, что моя помада размазана по ее рту, алая полоска виднеется на скуле. Влажные губы Эллис приоткрыты.

Я жажду целовать ее снова и делаю попытку, но она уклоняется, а затем на ее губах появляется улыбка.

— Я хочу услышать, как ты это скажешь.

Я часто и прерывисто дышу. Обеими руками судорожно цепляюсь за ткань ее рубашки.

— Я тоже тебя хочу, — говорю я.

Она улыбается еще шире. Теперь она целует меня жестко, иступленно. В порыве безумия я срываю с нее пиджак и жилет. Пальцы Эллис в свою очередь нащупывают пуговицы моей рубашки.

Мои руки находят ее талию, опускаются к узким бедрам. Боже. Даже так, по телу, затянутому в толстый твид и шерсть, я могу судить, что она сильная. Мощная.

Мне нужно больше.

Руки Эллис мешают моим, когда она развязывает галстук и стягивает его. Шуршание ткани галстука по воротничку ее рубашки вызывает внезапную дрожь, пробегающую по моей спине.

Может быть, в другой день или с другой женщиной я бы смущалась. Но в этой ночи — или в Эллис — есть нечто, что делает меня уверенной. Сексуальной.

Непобедимой.

Остатки одежды сброшены, и мы перемещаемся на кровать. Эллис рядом, прикасается ко мне.

Интересно, ее ли жар обжигает мою кожу? Или я горю изнутри?

— Трахни меня, — выдыхаю я, и Эллис смеется, уткнувшись мне в ключицы.

— О, дорогая, — шепчет она. — Следи за языком, Фелисити.

Мне ужасно нравится, каким голосом она произносит мое имя: хриплым, низким, и эта хрипотца заставляет меня дрожать. Все, что происходит сейчас здесь между мной и Эллис, было неизбежно: если вернуться к началу нашей дружбы в тот день, когда мы встретились, и поискать там, то обнаружится семя, из которого произросло *это*.

А что *это*? Я не уверена, что знаю ответ. Наверное, это неважно.

Эллис действует с медленной, непреклонной скрупулезностью — так же, как, мне кажется, она пишет свои книги, — заставляя меня затаить дыхание и жмуриться, когда она наклоняется, чтобы вновь поцеловать меня.

— Нечестно, — говорю я с упреком, а Эллис самодовольно улыбается сквозь поцелуй и, взяв за запястье, спускает мою руку к себе в трусики.

Эллис запыхалась, а щеки ее покраснелись, когда она кончила и, подняв голову, встретила со мной взглядом. На этот раз она целует меня томно и тепло. В шею, грудь... и ниже.

— Ты такая...

Ты потрясающая. Ты безжалостная. Ты беспоощадная.

У меня даже нет возможности говорить.

Когда читаешь о сексе в книгах, он всегда описывается как что-то волшебное, нечто священное, совершаемое через плоть; две души соединяются на метафизическом уровне, в то время как на земле сплетаются тела. Прежде я этого не понимала. Но с Эллис все иначе, чем с девушками, что были у меня раньше, — даже с Алекс. Эллис — это нечто совершенно другое, она будто одновременно создает и разрушает меня, словно я — предложение, которое она пишет, стирает и переписывает, результат ее желаний и воображения. Я чувствую себя так, словно она меня *создала*.

Интересно, чувствует ли она то же самое?

После я, разгоряченная и усталая, лежу, уставившись в потолок, а Эллис, вытянувшись во всю длину, устраивается рядом со мной. Она ведет пальцем по моей щеке до уголка губ.

— Сюда, — Эллис говорит так, словно выполнила задание, и целует то место, которого коснулась пальцем.

Я придвигаюсь к ней ближе, и она улыбается легкой заботливой улыбкой. Улыбкой с секретом.

Мы засыпаем вместе, рука Эллис лежит у меня на животе, мое лицо уткнулось ей в плечо. В этот раз так легко забыть, что я когда-то знала кого-нибудь еще.

Квинн возвращается в Джорджию за два дня до начала занятий. Когда она отъезжает, идет снег: крупные хлопья ложатся на крышу «Мустанга», а через несколько минут

снег уже покрывает следы колес, словно их никогда и не было.

Мы с Эллис теперь все время вместе. Она часто прикасается ко мне, словно до сих пор в восторге от этого: ее пальцы сплетены с моими, когда мы читаем; ее рука скользит по моим волосам, когда она проходит мимо меня на кухне. Ее прикосновения перестали тревожить меня, как раньше, хотя они не стали менее волнующими. Я хочу вновь и вновь вспоминать тепло ее кожи и как дымчатым кварцем блестят ее глаза, когда она смеется.

— Никто никогда не понимал меня так, как ты, — сказала она после той первой ночи, когда наши тела сплетались на простынях до самого рассвета. Я продолжаю прокручивать эти слова в голове, врезая их в небосвод своей памяти. Не хочу их забывать. *Никто не понимает Эллис Хейли так, как я. И никогда не поймет.*

Завтра мне придется вернуться в свою комнату: в школу снова приезжают остальные ученицы. Но сегодня ночью я вновь у Эллис. Я лежу рядом с ней на узкой кровати и ощущаю тепло ее тела и тяжесть ее руки на моей талии.

Но без ее легких улыбок и спокойных слов стены смыкаются. Я все время думаю о кладбище, где покойся пустой гроб Алекс. Интересно, лежит ли там снова та книга, покрытая несколькими футами снега, от которого размякли страницы и расплылись буквы? Я думаю, ищет ли меня Алекс даже теперь — и найдет ли она меня здесь, в комнате Эллис, где я прячусь и считаю, что спаслась, не утащит ли она меня в свою преисподнюю.

Я кручусь под рукой Эллис; кровать в спальне такая маленькая, что мы ударяемся коленками, и Эллис бурчит во сне, поворачиваясь на другой бок. Я сворачиваюсь калачиком у нее за спиной, глядя на ее затылок и стараясь

не думать о буре, завывающей за окном. Изю всех сил пытаюсь не падать в раздумья, плод ли это моего воображения или ветер действительно доносит девичий голос, зовущий меня со снежных холмов.

Следующим утром мы сидим вдвоем на кухне за горячими напитками, солнце отражается от белого снега; и Эллис вдруг спрашивает:

— Ты что, не спала прошлой ночью?

Я упираюсь руками в колени и смотрю в свою кружку с чаем. Я не хочу видеть сейчас выражение ее лица: встревоженное, понимающее. Наши отношения еще не окрепли, им всего два дня. Сейчас я хочу выглядеть *лучше*. Вменяемой.

— Спала немного, — говорю я. — Было неудобно. Быть может, мне не следовало пить твой кофе вчера вечером.

Она усмехнулась.

— Да, но заметь, это твоя ошибка. Это ведь ты увела мою кружку.

По моей спине прокатилась волна облегчения. Эллис поверила. Она доверяет мне. Она не предполагает правды: что я не спала всю ночь, потому что в очередной раз заиклилась на ведьмах и призраках.

— Что будешь делать днем? — спрашиваю я.

— Писать, — она вполне предсказуема. — Может, попробую немного почитать, прежде чем приедут остальные. Как насчет тебя?

Я молча смотрю в окно. Деревья такие густые, заиндевелые, дальше нескольких стволов ничего не видно. Все за ними расплывается в сером тумане.

— Я подумывала снова начать бегать... но сегодня слишком холодно. Так что я, наверное, тоже буду читать.

Но когда мы завершаем завтрак и Эллис усаживается в своей комнате за пишущей машинкой, я не читаю. Вместо этого я осматриваю полку с книгами в моей комнате в поисках «Таинственного сада» — книги нет, — выставляю ряд свечей и сыплю сушеные одуванчики на подоконник. Горящие фитильки отбрасывают блики на стекло, образуя хлипкую преграду для всего, что подходит из леса все ближе и ближе.

Проклятие Марджери все еще довлеет надо мной. Пусть даже я убила койота, а Эллис доказала, что те смерти могли случиться и без магии, но это не делает меня свободной.

Я не хочу надоедать Эллис — я даже не знаю, вместе мы или нет. Если да, не хочу быть той, которая постоянно болтается поблизости, рискуя разочаровать подругу. Поэтому я остаюсь наверху, пока, где-то ближе к вечеру, не слышу звук открывшейся, а затем захлопнувшейся входной двери; голоса Леони и Каджал разносятся по лестнице, когда де-вушки топают, отряхиваясь от снега.

Я встречаю их на кухне. Леони, кажется, особенно рада встрече; она широко улыбается, обхватывает меня руками, стискивая так, что я не могу удержаться от смеха.

— Ты вернулась! — вопит она, наконец отпустив меня.

— Конечно, вернулась, — говорю я. — Почему я не должна была вернуться?

Выражение восторга на лице Леони тускнеет, она отходит от меня, Каджал хватается за чайник.

— Нипочему, — неуверенно говорит Леони. — Как тебе Колорадо?

— Я не ездила, — признаюсь я. — Я оставалась здесь, в Дэллоуэе, с Эллис.

Леони переглядывается с Каджал. Интересно, говорили ли они обо мне, возвращаясь из аэропорта, заключали ли пари на то, что меня отправят в психбольницу до конца четверти?

В кухне воцарилось гнетущее молчание. Мы избегаем смотреть друг на друга, Леони кончиком ногтя ковыряет канавку в деревянной стойке, Каджал ждет, когда закипит вода.

— Мне нравится твоя новая прическа, — я прерываю молчание, обращаясь к Леони, чьи косы сменились локонами, свободно спадающими до талии.

— Спасибо. Я только вчера была у парикмахера. У тебя симпатичный свитер.

— О, — говорю я. — Спасибо. Он винтажный.

— Что на обед?

Эллис возникает на пороге: спасительная благодать с волчьим оскалом. Ее взгляд задерживается на мне на полсекунды дольше, чем на других.

— Клара сказала, что по дороге сюда заедет в продуктовый магазин, — говорит Каджал. — Я не помню, что она собиралась купить, но, похоже, у нее есть какой-то план.

План, как оказалось, включал в себя тако. Я совершенно не ожидала увидеть, как девушки из Годвин едят такое. Но мы все-таки ели, сидя за обеденным столом и капая на него острым соусом и сметаной. Каджал ковыряется в своем тако, а Эллис слизывает соль с кончика пальца, — от этого зрелища внизу моего живота разгорается жар.

Я помогаю Кларе прибраться после обеда, когда Леони и Каджал перебираются в комнату отдыха, а Эллис — к себе наверх — конечно же, стучать по клавишам своей пишущей машинки, ваять очередной мировой литературный шедевр. Если Клара ждала, что я исчезну после обеда, как другие, она этого не показывает.

— Как провела День благодарения? — спрашиваю я, внезапно почувствовав дружелюбие. Клара слишком сосредоточена на себе, чтобы замечать кого-либо еще.

— Хорошо. — Взглянув на меня через плечо, она продолжает отмывать плиту. — Я вернулась в Коннектикут и провела время со своей семьей. Моей сестренке недавно исполнилось четыре. Она бегала по всему дому, везде лезла — пыталась приготовить себе ванну и в результате залила весь третий этаж. То есть я почти уверена, что не была такой глупой в четыре года, так ведь?

Очевидно, я не знала ее в четыре года.

— Я уверена, что не была.

— Что ж, по крайней мере она не утопилась, — снисходительно говорит Клара. — Хотя попытки были. Хорошо, что было слишком холодно для прогулок по побережью.

— Здесь почти все время шел снег, — говорю я, стоя у раковины, где мою посуду. Я закончила со сковородками и перехожу к столовым приборам.

— О, я знаю. Эллис мне сказала. Такой отстой. Вообще-то, я думаю, что могла бы пропустить несколько дней занятий и куда-нибудь поехать. Например, ближе к центру города есть спа-центр, казалось, что он такой... деревенский. На самом деле нет. Ты живешь в палатке, но она отапливается, там есть кровать и телефонная связь. И там не грязно.

*Ага, глэмпинг**. Если бы Алекс была здесь, она вряд ли позволила бы говорить об этом. Клара, может быть, и похожа на Алекс — по крайней мере со спины, — но по сути у них нет ничего общего.

Внезапно приходит страшная тоска по Алекс. Я тоскую по ее смеху. По ее вечным прогулкам, постоянному желанию бродить под солнышком среди деревьев. Листья цеплялись за ее волосы, в сумке всегда была книга.

* Глэмпинг — разновидность кемпинга, объединяющая в себе комфорт гостиничного номера с возможностью отдыха на природе.

Почему-то думать об Алекс сейчас... не больно. Или по крайней мере не так больно, как раньше. Может быть, еще есть возможность помочь ее духу, загладить мою вину.

Может быть, Алекс, наконец, отдохнет.

— Надеюсь, ты классно проведешь время, — говорю я Кларе, удивляясь собственной душевности. — Звучит чудесно.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, тени не кажутся такими мрачными, как раньше. Дышать стало легче, вопреки крошечной тьме снаружи. Некоторое время я смотрю в окно, жду, но никто не появляется среди деревьев. Нет никакого холодка, пробегающего по спине.

Я до сих пор слышу голос матери, эхом раздающийся в моей голове, снисходительный, притворно обеспокоенный: *«Ты принимала свои лекарства?»* Надо признаться, таблетки и правда помогают. От них обычно становится лучше. Поэтому я звоню в аптеку и отправляюсь за своим заказом. Сразу по возвращении в Годвин я запиваю таблетку стаканом воды из-под крана и закрываю глаза.

В каком-то смысле это капитуляция, но этого не стоит стыдиться.

Вечером я убираю письма, которые Алекс мне писала. Я связываю их в аккуратную стопку ленточкой цвета слоновой кости и убираю в ящик письменного стола. Я оставляю наше фото, прикрепленное возле открытки, присланной мне Алекс когда-то летом.

Я засыпаю легко и сплю хорошо.

Наверное, даже слишком хорошо.

ГЛАВА 24

Я проспала.

К тому времени, когда я спускаюсь вниз следующим утром, все уже успевают позавтракать. Кто-то сразу убегает на факультативы, а Эллис, полностью одетая, свернувшись калачиком на диване в комнате отдыха, спит без задних ног.

Я стою рядом некоторое время, наблюдая. Конечно, я и прежде видела Эллис спящей, но сейчас все как-то не так. Может быть, в человеке, спящем без одеяла, видится какая-то незащищенность. А может, ощущение неправильности возникает потому, что Эллис не из тех, кто засыпает в библиотеках.

Она одета в рубашку с острым воротником, заправленную в брюки. Одна кнопка на рубашке расстегнулась; мой взгляд скользит по выпуклости под белой тканью, поднимающейся и опускающейся в ритме дыхания Эллис.

Я хватаюсь за спинку дивана, чтобы не поддаваться искушению наклониться и убрать волосы, упавшие ей на глаза. Не хочу ее будить — вдруг она писала всю ночь.

Лишившись своего привычного места, я иду с книгой обратно наверх, в маленькое гнездышко для чтения, устроенное

у окна в дальнем конце коридора на третьем этаже. Занятия в этом семестре только начались — хорошее оправдание не читать ужасы и мистику. Но я ловлю себя на том, что все равно выбираю книгу «Загадочная смерть». Это вовсе не увлечение ужастиками. Это не порочная потребность пугать себя, извращенное покаяние за мои преступления. Я *хочу* читать книги Сэйерс. Я жажду ее элегантного оксфордского слога, злого остроумия Гарриет Вэйн, ярких ощущений от погони.

Уайатт сказала мне, что настоящим ученым является тот, чья страсть к своему предмету превышает всего остального — страсть, укрепляющаяся вопреки невзгодам. И тот исследователь вновь и вновь возвращается к своей настоящей любви.

Я думаю о заявках в колледжи, которые подавала перед каникулами, о небольших посланиях, отправленных в Принстон, Дьюкский университет и колледж Джорджа Брауна без особой надежды. Будущее казалось чем-то отдаленным и абстрактным, там живет другая Фелисити — мое отражение в зеркале, существующее в параллельном мире, девушка, у которой есть шанс дожить до конца года.

В детстве было трудно представить, что когда-нибудь мне будет шестнадцать. *Шестнадцать*. Эта дата была наполнена особым смыслом: милое сердцу торжество, машины, макияж, вечеринки с выпивкой и поцелуи, которых я никогда не знала. Только потом мне стукнуло шестнадцать, и несбыточной датой стало восемнадцатилетие.

Когда же мне исполнилось восемнадцать, я уже не могла заглядывать дальше мая. Призрак Алекс, как поднимающийся туман, скрывал вероятность будущего, проглатывая все, что было бы в июне, июле, а затем и в мои девятнадцать. Ни одна из Дэллоуэйской Пятерки не пережила восемнадцатилетия; с чего бы мне избежать подобной участи?

Я послала те заявления, потому что от меня этого ждали.

Сегодня это впервые кажется реальным.

Может быть, Эллис поедет со мной. Мы будем вместе жить на Манхэттене. Днем я буду ходить на занятия в Колумбийский университет, а вечером возвращаться домой к Эллис, склонившейся над пишущей машинкой. Вокруг нее по столу, словно опавшие листья, будут разбросаны записи и недочитанные книги

Когда я выбираюсь в комнату отдыха, чтобы пообедать и передохнуть от дипломной работы, Эллис на диване уже нет. Впрочем, вернулась Леони. Она взгромодилась за кухонный островок с чашкой кофе и строчит что-то в записной книжке.

— Над чем работаешь? — спрашиваю я, и она немедленно захлопывает книжку, словно не хочет, чтобы я увидела.

Я приподнимаю брови, и после долгого молчания она протирает глаза рукой и качает головой:

— Прости. Я... в общем, я записывала бабушкину историю. В формате романа. Не скажешь Эллис?

— Почему это должно волновать Эллис?

Леони пожимает плечами:

— Я не знаю. Может быть, и не должно. Но... писательство — это ее стихия.

— Эллис не единственная пишет. Если ты хочешь написать о своей бабушке, делай это.

Леони накручивает локон на палец и смотрит так, словно не верит мне. Теперь я знаю Эллис лучше всех и предпочитаю думать, что она бы обрадовалась, увидев, что кто-то еще обнаружил страсть к писательству и сочинительству.

А еще я знаю, что, когда хранишь тайну в сердце слишком долго, она постепенно наполняет его ядом — страх

открыться кому-то тоже может отравить. Но когда я наконец рассказала Эллис о своей матери, ей это не навредило.

Она поняла.

— Я хотела попросить тебя кое о чем, — говорю я, набравшись смелости.

Леони медленно кивает.

— Ладно, — произносит она. — Давай.

— Ты была в ковене Марджери, ведь так?

Леони отпускает свой локон. Я не могу определить выражение ее лица: обычно безмятежные черты лица на мгновение искажаются — словно от отвращения. Но эта эмоция мелькает так быстро, что я начинаю сомневаться, не показалось ли мне.

— Да. Предполагаю, что я и сейчас там.

«А я вот нет», — чуть было не сказала я, но вовремя спохватилась. Вместо этого я прерывисто вздыхаю.

— Что ты думаешь о них? — задаю я вопрос.

Леони похлопывает по сиденью у островка рядом с собой, и, чуть помедлив, я сажусь. Она кладет скрещенные руки на записную книжку и смело встречает мой взгляд.

— Ты действительно хочешь знать? — говорит она.

— Я действительно хочу это знать.

Улыбка прорезает ее губы, накрашенные красной помадой.

— Я думаю, что они — полное дерьмо.

Я чуть не задыхаюсь от смеха, пораженная, восхищенная: Леони оказалась первой из всех, кого я встречала, кто осмелился и сказал это. Но ведь она права.

— Они все зазнайки. Они создают впечатление, что ковен — это единственный путь к успеху после Дэллоуэя, но это всего лишь пропаганда.

— Это не совсем пропаганда. Девушки Марджери всегда успешны.

— Потому что они богатые, а не потому, что они из ко-
вена Марджери. Они богатые, и они белые.

Я прикусила нижнюю губу. Леони говорит резко; я ее
такой никогда не видела.

— Зачем тогда ты вступила в ковен? — спрашиваю я.

Леони пожимает плечами.

— Почему все вступают? Сначала они мне нравились.
Я им тоже. Но в прошлом году я сказала, что одно из их исто-
рических преданий было неточным, и внезапно они начали
относиться ко мне по-другому. Скажем... это все прояснило.

— Это ужасно.

— Правда? Вот мое мнение. Они все отвратительны.

Несколько секунд я сижу, ворочая ее слова в своем созна-
нии как камни. Конечно, она права. Она права, но раньше я
не хотела признавать это. Ковен Марджери был весь напо-
каз — от самых мелких действий во время «сеансов» до от-
торжения Леони. И они отторгли меня, когда я заболела.

Интересно, какое из преданий было некорректным —
узнала ли об этом Леони во время одного из своих исследо-
ваний вне кампуса? Интересно, насколько ограничено мое
понимание Пятерки из Дэллоуэя, если, изучая только то,
что нашла в библиотеке, я загнала себя в ловушку преду-
беждений?

Ведь я всегда хотела, чтобы девушки Пятерки были ведь-
мами. Я всегда видела только то, что хотела видеть.

Леони не такая. Для нее было неважно, чего она хочет, —
ей нужна была только правда.

— Мне в самом деле очень жаль, Леони, — наконец
сказала я. — Я... это все отвратительно.

Леони закатывает глаза, но улыбается приветливо, когда
говорит:

— Видишь? Теперь ты это понимаешь.

Я иду к холодильнику и достаю тарелку с сыром, который Клара и Каджал собрали вчера вечером после ужина, снимаю пленку и приношу на островок.

— Хочешь, что-то расскажу? — импульсивно спрашиваю я, но вдруг ловлю себя на осознании, что я *хочу*, чтобы она это обо мне узнала. Леони доверила мне свою мечту стать писателем. Я хочу взамен поделиться своей тайной.

Она вновь открывает свою записную книжку и убирает ручку в кармашек.

— Давай.

Конечно, я рассказала об этом Эллис, хоть и не напрямую. Я рассказала Алекс. Может быть, облеченный в слова, мой секрет потерял часть своего влияния, но сейчас мне легче встретить взгляд Леони через стол и сказать:

— Я лесбиянка. Это вообще-то тайна... Или... было тайной. Наверное, уже нет.

К чести Леони, она не подала даже вида, что удивлена:

— О. Это круто.

— Круто, — соглашаюсь я и неожиданно ухмыляюсь. Леони улыбается в ответ. На мгновение кажется, что между нами протянута связующая нить.

— Чего бы это ни стоило, — добавляет Леони. — Но я не думаю, что кто-нибудь в нашем доме изменит к тебе отношение, если ты решишь им рассказать.

Я уверена, что так и есть. Страх быть исключенной из-за этого никогда не было, во всяком случае в последнее время. Может быть, я принимала это как потаенную часть моей личности. Возможно, я не хотела подпускать никого так близко.

Эллис все это изменила.

Когда наступает вечер, мы, трое девушек Годвин-хаус, играем в «пьяницу» в комнате отдыха, пока усталость не

берет верх. Клара уже отправилась в свое гламурное путешествие, хотя я не понимаю, как ей удалось получить разрешение пропустить занятия по такой причине. А Эллис вернулась в дом после ужина, но сразу же поднялась наверх, ни с кем не разговаривая. Судя по ее остекленевшему взгляду, мы решили, что она пишет и с головой ушла в мир своих персонажей, а это веский повод, чтобы не замечать существование остальных.

— Я не знаю, что ты сделала с ней во время каникул, — говорит Каджал, когда мы поднимаемся в свои комнаты. — Но что бы это ни было, оно сработало. Я уже думала, что она никогда не закончит эту чертову книгу.

Жар, окативший мои щеки, не имеет ничего общего с книгой Эллис и полностью связан с тем, *«что я сделала с ней во время каникул»*. Интересно, написано ли это у меня на лице — и могут ли они обе все это прочесть, несмотря на мои попытки казаться спокойной и невозмутимой, когда я желаю им спокойной ночи на площадке второго этажа?

Свечи на моем подоконнике сгорели; теперь это кусочки расплавленного воска, обугленные фитили невозможно поджечь заново. Концом линейки я соскабливаю воск. Работа идет медленно, но я не останавливаюсь, пока не убираю все до последнего пятнышка. Вместо свечей я выставляю ряд разноцветных мраморных камешков, которые я купила в том антикварном магазине, где мы были вместе с Эллис. Я возвращалась туда перед каникулами, чтобы купить для Эллис пенсне. Я хотела подарить его в знак благодарности за то, что она помогла мне с промежуточными экзаменами, но забыла; и оно до сих пор лежит в бархатном футляре, спрятанное в ящике стола. Может, его лучше подарить, когда Эллис закончит книгу. Она сможет править рукопись, надев пенсне на кончик носа и держа в руке красную ручку.

Часы на столе показывают двенадцатый час, все ближе к полуночи. Я должна поспать. Сегодня вторник, но если у меня войдет в привычку ложиться так поздно, будет чертовски сложно вытащить себя из постели и пойти на занятия по истории искусства. Восемь утра во вторник — это совершенно невозможное время для занятий, но по крайней мере вставать так рано придется всего несколько месяцев.

Потом — лето. Дальше, надеюсь, колледж. Город. Новая жизнь.

Я дала себе слово не пить снотворного, но, пролежав в кровати полчаса и чувствуя бодрость, словно в полдень, я снова включаю лампу и тащусь к книжной полке. Я люблю Вирджинию Вулф, но, положив руку на сердце, «Миссис Дэллоуэй» неизменно меня усыпляет.

Я веду пальцами по корешкам, мимо книг «Орикс и коростель», «Таинственный сад»...

Нет.

Время остановилось — этот момент, эта *комната* существуют отдельно от остальной Вселенной, — когда я отдергиваю руку и прижимаю ее к груди, то не в состоянии дышать. Эта старая книга устроилась здесь, у меня на полке: тканевый переплет медленно отклеивается от среза, буквы в названии выцвели и стали серыми.

Это невозможно. Это... Я же преодолела это, кошмар закончился. Я моргаю, надеясь, что книга исчезнет, когда я открою глаза, будто игра света. Но нет. Ничего не меняется.

Трясущимися руками я вытаскиваю ее.

Черная пыль сыплется из страниц, сеется по полу у моих ног. Я провожу пальцами по обложке — и они становятся черными.

Могильная грязь.

Мой разум полнится ревущим звуком, заглушающим все остальное. Я открываю книгу, готовая найти там увядший цветок морозника.

И вижу на титульном листе фразу, написанную почерком Алекс: *«Я никогда не говорила, что люблю тебя, но это так. Это всегда было так»*.

Эти слова... это *мои* слова из письма, что я написала Алекс после ее смерти.

Того письма, которое похоронили в ее пустом гробу.

Я захлопываю книгу и держу ее обеими руками, будто это сотрет то, что я видела. Мой взгляд снова устремляется в окно, мимо цветных камешков — мне не следовало задувать эти свечи, я *не должна* была позволить исчезнуть защите — и туда, в непроглядную ночь.

Когда я в первый раз нашла книгу в своей комнате, я подумала, что это злой розыгрыш Эллис. Но она никак не могла узнать, *что* я написала Алекс.

Потом я решила, что книга — это галлюцинация.

Но сейчас у меня нет галлюцинаций.

Я снова открываю книгу и перечитываю надпись. Написано рукой Алекс... Ошибки быть не может. Несмотря на это, я достаю старые письма, которые она мне присылала, и устраиваюсь на полу, сравнивая букву «z» в книге с острыми выступами в почерке Алекс, когда она была жива. Вспоминая то, как она всегда забывала ставить знаки препинания и начинать новое предложение с заглавной буквы.

Эти строчки в книге написала Алекс. Недавний прием таблеток не изгнал ее, она не исчезла перед лицом наших с Эллис отношений. Она здесь. Она всегда была здесь, ее дух взывал к наследию магии, глубоко проникшей в кости этой

ГЛАВА 24

школы, к темному проклятию, которое заразило меня в ту ночь, когда я пролила свою кровь на череп Марджери.

Хватит.

Я больше не могу так жить.

Пора встретиться с Алекс лицом к лицу.

Пора заплатить за мои преступления.

Симпатическая магия должна отразить проклятие, чтобы отменить его.

*Запись, сделанная рукой Фелисити Морроу,
найденная в ее материалах для дипломной работы*

Марджери была силуэтом на фоне деревьев, но то, как свет огней в толпе отражался в белках ее глаз, придавало ей безумный вид. Демонический.

— Я это сделала, — прошептала она. — И сделаю снова.

Из рукописи Эллис Хейли

ГЛАВА 25

Кладбище находится в Кингстоне; слишком далеко, чтобы идти пешком.

Я краду велосипед Каджал, еду в город и беру машину в аренду там же, где в прошлый раз, по фальшивому удостоверению личности, которое моя мать подарила мне в шутку на шестнадцатилетие; последнее, чего мне хотелось бы сейчас, это целый час сидеть на заднем сиденье чужой машины и отвечать на вопросы о том, что я изучаю в школе, почему я так поздно не дома, почему я выгляжу так, словно увидела привидение.

Укутанное снегом, кладбище выглядит совершенно иначе, чем во время нашего с Эллис визита. Надгробия торчат из мрака, как внимательные призраки, черные и молчаливые. Я приезжаю на место в четыре утра, ночь темная как никогда, холод пробирает меня до костей сразу, как только я выхожу из машины и миную железные ворота.

Снег лежит по колено; я буквально ползу мимо мавзолея к молчаливому дубу, охраняющему могилу Алекс. Под этой массой погребены заросли морозника, могила выглядит безымянной. Нетронутой.

Как только я опускаюсь на колени у надгробия Алекс, то понимаю, что снег здесь был сдвинут. Это не безупречное одеяло, покрывающее другие могилы; снег здесь недавно копали, чья-то жалкая попытка скрыть то, что сделал.

Я оглядываюсь, ожидая обнаружить сумрачную фигуру сзади, но на кладбище нет никого, кроме покойников.

Алекс все же не погибла в том озере. Мы не нашли труп, потому что *нечего* было находить.

Пока я бежала со скалы искать ее тело, Алекс вылезла из черной воды и укрылась в лесу, исчезнув без следа.

Конечно, она это сделала. Она смогла бы. Ее карьера закончилась, репутация уничтожена. Теперь все думали, что она жестокая, слишком эмоциональная, слишком непрофессиональная. Она говорила мне, что выхода нет, что она может убежать хоть на край света, но все равно не перестанет быть Алекс Хейвуд.

Она раскопала свою могилу и прочитала мое письмо. Поэтому снег потревожен. Вот почему в книге появилась эта надпись. Потому что ее написала *именно* Алекс.

Что же, по ее желанию, я должна найти лежащим в ее могиле?

Внезапно я больше не чувствую холода. Станный жар возникает под кожей и разгорается в моей груди. Я резко поднимаюсь и прокладываю дорогу по извилистой тропинке, ведущей к сараю смотрителя. Незапертый замок болтается на двери, он даже не заиндевел. Я пинком открываю дверь и окунаюсь в душное тепло сарая.

Пыль, сбитая со стропил, заставляет меня закашляться. Я вытаскиваю из кармана телефон и включаю фонарик, луч освещает самые дальние углы помещения. Штыком вниз у дальней стены покоится лопата. Я вытаскиваю ее из сарая. Надо было принести перчатки; кончики моих пальцев

побелели и онемели там, где они сгибаются вокруг рукоятки.

Когда лезвие вонзается в снег, раздается звук, похожий на треск ломающегося льда. Я отбрасываю первую лопату снега в сторону. Когда я втыкаю лопату во второй раз, мое сердце бешено колотится.

Я чувствую странное головокружение: голова легкая, в глазах двоится, будто вторая пара рук рядом с моими, чернозем крошится под лезвием. Мои ладони болят от бущих волдырей; на языке ощущается еле заметный привкус соли.

Минут через десять кончик лопаты попадает в землю. Я очистила прямоугольник, длиной и шириной походящий на гроб Алекс. У меня болит грудь, под пальто липкий пот. Но это еще не конец. Еще нет.

Я вонзаю лопату еще раз, вгрызаясь в мороз и землю, копаю снова, и снова, и снова. Солнце выглядывает из-за далекого горизонта, тусклое серое сияние делает тени более резкими. Я смотрю на имя Алекс на надгробии, буквы расплываются от пота, заливающего мои щеки.

— Я найду тебя, — говорю я ей. — Я всё исправлю.

Не знаю, что я исправляю.

Я начинаю терять ощущение времени. Весь мир уплотнился до снега, тающего в носках, и грязи под ногтями. Дыхание облачком срывается с моих губ, мозоли на ладонях набухли, лопнули, а затем начали кровоточить.

Я никогда не задумывалась о том, сколько нужно времени, чтобы выкопать могилу. Я никогда не могла представить, что черенок лопаты станет скользким в моих руках, что буду наступать на штык лопаты, чтобы он лучше входил в землю, что по мере углубления ямы я буду по колено в грязи, пока не окажусь внутри и не начну копать прямо под ногами.

Лопата глухо ударяется обо что-то цельное — и я останавливаюсь. Небо надо мной свинцово-серое, я запрокидываю к нему лицо, задыхаясь и закрыв глаза. Я забыла, что такое страх. Даже туман, который скатывается с гор и окутывает могильные камни, больше не пугает меня. Я скорее тень, чем девушка. Я не более материальна, чем костная пыль.

Я соскребаю грязь с крышки гроба, обнажая дерево, потемневшее от земли, пропитавшей его прожилки.

Теперь мне осталось лишь открыть его.

И вот я стою на коленях в разверстой могиле Алекс, положив руки на крышку ее гроба и крепко зажмурившись, судорожно вздыхая и пытаюсь прогнать, даже сейчас, чувство, что за мной следят.

Вот бы ее тело было здесь. Вот бы мне прижаться щекой к холодному дереву и ощутить тень ее присутствия с другой стороны. Я могла бы устроить такой же сеанс связи с умершими, как устроили мы с Алекс в ту ночь, когда разговаривали с Марджери Лемонт, — написать буквы на крышке гроба и позволить духу Алекс двигать планшечку от слова к слову.

Но призрак не раскапывал эту могилу. Это сделали живые руки.

Печать на гробе сломана; я легко просовываю пальцы под крышку и дергаю ее вверх; петли скрипят, когда гроб открывается.

И даже в этом тусклом свете, когда рассвет только занимается над холмами и снегом, накрывшим все тишиной, я узнаю ее.

Алекс.

ГЛАВА 26

Алекс курила пятую сигарету — пятую сигарету следом за пятой рюмкой, — ее платье было в беспорядке, щеки покраснелись, когда она закружила малышку Ханну Стрэтфорд. Горящая сигарета оставляла за собой струйку дыма; я вздрагивала каждый раз, когда она оказывалась возле занавесок.

— Дай ее мне, — я подошла ближе. — Ты сейчас подожжешь дом.

Но Алекс только засмеялась и снова бросилась кружить пьяненькую Ханну, которая хихикала и явно наслаждалась тем, что Алекс обратила на нее внимание.

— Не порти удовольствие, Фелисити. Танцуй с нами.

— Я не танцую. Ты это знаешь. — Стакан стал скользким у меня в руке; я выпила то, что оставалось.

Ханна потянулась ко мне свободной рукой:

— Давай, Фелисити. Это весело!

Все стали таращиться на нас. Зашептались, прикрывшись ладонями, бросали взгляды на меня и Алекс.

Я подошла ближе и понизила голос почти до шипения.

— Ты выставяешь себя душой, Алекс. Пошли домой.

Алекс остановилась. Центробежная сила закружила Ханну, она пошатывалась, пока ее не поймали заботливые руки

старшей девушки, насколько я увидела издалека, из греческого класса.

Волосы Алекс выбились из шиньона, торчали во все стороны, как рыжий ореол вокруг лица. В тот момент она абсолютно соответствовала той роли, которую ей отвели газеты: бешеная, агрессивная. *Грубая*.

Она придвигалась ближе, еще ближе, и мое сердце стало стучать уже не от алкоголя, а от уверенности, что она собирается поцеловать меня и заставить совершить каминг-аут прямо здесь и прямо сейчас...

Но рот Алекс лишь злобно скривился, и она сказала:

— Ну да, ты все знаешь о том, как выставить себя дураком. Не так ли, Фелисити?

Меня накрыло ощущением, будто из зала выкачали весь воздух. Вечеринка затихла; от взглядов присутствующих у меня зачесалась кожа.

— Мы идем домой. Сейчас. — Я направилась к дверям, но далеко не ушла.

Голос Алекс, подобно раскаленной стали, рассек пространство между нами.

— Все знают, что ты сумасшедшая, — кричала она. Она была пьяная, слова вылетали невнятно и неровно. Она была пьяная; она так не думала. Но она все равно это сказала. — Все это дерьмо про ведьм, магию и мертвых девушек. Мы все знаем правду.

Я развернулась на каблуках и зашагала обратно туда, где, покачиваясь, стояла Алекс. Я учуяла запах ликера еще за полметра от нее.

— И что это, Алекс? — спросила я. — Что есть *правда*?

Алекс резко выдохнула. «*Не говори, — мысленно умоляла я. — Не говори этого.*»

Но она собиралась сказать.

Я видела это по глазам, потому что я ее знала — я *понимала* ее, — а Алекс была не из тех, кто жесток нарочно, она была жестокой по своей сути. Она просто ничего не могла с собой поделать.

— Ты одержима магией, потому что иначе не можешь смириться с собой. Потому что, если у тебя нет ведьм, на которых можно свалить все твое *дерьмо*, если ты не сможешь притвориться, что тебя выбрала Марджери Лемонт или *кто-то там еще*, то это значит, что магия не виновата в том, что ты делаешь. Это все *ты*.

Я смеюсь. Получается холодно и бесстрастно, как у злодея в детском фильме.

— Ты хочешь поговорить о том, как брать на себя ответственность за собственные поступки, Алекс? В самом деле? Или ты просто хочешь, чтобы я в очередной раз уверяла тебя, что ты безупречна, и что Эсме первая начала, и если ты сломала ей нос, то она, черт возьми, сама виновата?

Я перегнула палку.

Я поняла это прежде, чем закончила говорить, но все равно сказала, и мой удар достиг цели. Алекс отшатнулась, краска отхлынула от ее лица. Она резко перестала выглядеть сердитой или злобной — *агрессивной* — *жесткой* — *безумной*.

Просто напуганная девчонка.

— Алекс... — начала я, но было слишком поздно.

Она швырнула стакан на мраморный пол, где он разлетелся на тысячу осколков. Я взвизгнула и отпрянула, а ей именно это и было нужно. Алекс пробивалась сквозь собравшуюся толпу к выходу, а я была позади — так далеко от нее, — так что даже когда я вырвалась из Болейна во двор, она уже казалась отдаленным бледным пятнышком, бегущим к озеру.

— Алекс!

Я рванула за ней. Это не могло закончиться вот так; я не могла бросить ее одну после... после своих ужасных слов. Она была неуравновешенной. Я это знала. Она была не в себе с тех пор, как случилась история с той альпинисткой; и если я оставляю ее на произвол судьбы, то она может...

Даже не знаю, что она может сделать.

Алекс была спортсменкой мирового уровня; она бежала слишком быстро. Я же, добравшись до скал, хватала ртом воздух, прижав руку к своему боку.

Алекс стояла на гребне холма, неподвижным силуэтом на фоне белого лунного света. Я подходила медленно, почти уверенная, что любое резкое движение — и она сделает непоправимое.

— Алекс, — повторила я, восстановив дыхание. — Прости меня. Я не это имела в виду.

— Нет, именно это. — Она стояла спиной ко мне, сжав кулаки, руки по швам. — Ты сказала именно то, что имела в виду, точно так же, как и я.

Я стиснула зубы и покачала головой.

— Пожалуйста. Давай просто поговорим об этом. Хорошо? Давай вернемся в Годвин-хаус. Мы можем... Я сделаю чай, и мы сможем поговорить.

Алекс наконец-то повернулась ко мне лицом, ветер трепал ее волосы. Она была похожа на дикое создание из легенды.

— Ты была права, — сказала она. — Я не несла ответственность за то, что делала. Но я тоже была права, и ты это знаешь. Вся эта история с ведьмами доконала тебя. Например, мне иногда кажется, что ты себя даже толком не слышишь. Чертовы эти... спиритические сеансы,

Фелисити! Мертвые девушки, проклятия и одержимость демонами!

Я отшатнулась. *Демонического* не было — я никогда не говорила об одержимости демонами. Но я призналась Алекс однажды ночью, когда мы лежали вместе в ее постели, что, по-моему, дух Марджери Лемонт был заперт в нашем мире после той хеллоуинской ночи. Из-за того, что мы не завершили ритуал правильно, Марджери не смогла покинуть наш мир. Я сказала, что намерения Марджери были недобрыми. Что через нас она может творить зло.

Тогда Алекс была очень осторожна со мной. Но в эту ночь ее глаза были темными и холодными, рот сжался в тонкую линию.

— Тебе нужна помощь. Тебе нужно взять себя в руки, черт возьми.

— Иди к черту, — мне удалось сдержать самообладание, но голос дрожал. Это была слабость, а слабость для нее — как красная тряпка для быка. Алекс подошла ближе, но я не позволила ей прижать меня к деревьям как труса. Я чувствовала, что Марджери наблюдает за нами. Ее взгляд прожигал мне затылок.

Я шагнула к Алекс и покачала головой.

— Нет. Я не позволю тебе сделать это. Ты... Ты же *понимаешь*, Алекс. Прекрати.

— Понимала, — повторила она и издала хриплый смешок. — Иди к черту, Фелисити. Меня тошнит от всего этого. *Тошнит* от того, что ты все время ведешь себя как мученица. Будто ты так чертовски терпелива, такая понимающая, а если я не такая, то что поделать, Алекс есть Алекс, ведь так? Злая, подлая Алекс, которая огрызается, ругается и защищает себя сама. Думаю, постоять за себя — это не совсем в духе Дэллоуэя, так? Понимаю, что я просто показываю свою

неотесанность, ведь я не ходила в чертов пансион для благородных девиц и не научилась все время вести себя как безупречная маленькая принцесса...

— Ты...

— Но тебя скоро выведут на чистую воду, мисс Морроу. И ты больше не сможешь скрывать свою сущность! Ты чертовски искалечена. Ты чокнутая, как твоя мать.

И тут я толкнула ее.

Я не хотела, чтобы она упала. Она даже не стояла на краю. Но Алекс была пьяна, и когда она потеряла равновесие, то споткнулась. На долю секунды мне показалось, что она выравнивается и бросится на меня...

Вместо этого она покачнулась и упала. Она кричала все время, пока падала.

Алекс умерла. Алекс была мертва. Я сама убила ее.

ГЛАВА 27

Шок от увиденного в гробу тела отбрасывает меня на осыпающуюся стенку вырытой мною ямы. Только идти некуда, места слишком мало, и я могу сделать только это: наклонившись над открытым гробом, я смотрю на спутанные прекрасные рыжие волосы Алекс на сатиновой подушке, на ее бледные щеки и безвольные руки, алый цветок крови, заливший ее белую рубашку.

Нет. Нет, *нет*...

Это рот не Алекс, нос не Алекс. На щеках слишком много веснушек, тело не разложилось.

Это труп не Алекс.

Это тело Клары.

Я отползаю назад вдоль узкого пространства, которое вырыла, прижимаюсь к стенке могилы и смотрю на мертвое тело моей подруги.

Может быть, я ужасный человек с мрачной душой, чего всегда и боялась, потому что моя первая реакция — это не скорбь. Это холодная и беспристрастная оценка: «Она умерла недавно».

Я поворачиваюсь и прижимаю лоб к земле, крепко зажмурившись. Я не могу притворяться невинной. Я знала это. *Я это знала.*

У тела в могиле Алекс пуля в животе. Горло разрезано. В волосы вплетены стебли полыни, а вместо глаз — цветки морозника.

Она — совершенная копия трупа Флоры Грейфрайар.

Все это время... где-то в глубине души я подозревала. Какая-то часть меня знала, чем это закончится, но я все равно продолжала. Пусть мои глаза зажмурены, от правды не скроешься.

Для Эллис это никогда не было игрой.

Я закрываю глаза и ощущаю, будто я падаю — на тысячу миль сквозь бесконечную яму, в воду, холодную, черную, смыкающуюся над головой, заполняющую легкие и проникающую в вены.

Ее убила Эллис.

Она действительно убила ее.

Все, что я слышу, когда заставляю себя смотреть на гроб, на девушку в гробу, на *труп*, — это биение моего сердца. Меня мутит; эта тошнота уничтожает. Я захлопываю крышку гроба ногой, и мой разум внезапно проносится сквозь череду осознаний — рефлексивных осознаний после многих месяцев изучения убийств.

На гробе есть мои отпечатки. Я двигаюсь вперед, ползу по крышке, зажав в кулаках манжеты и надавливая всем весом, чтобы вытереть места, которых касалась. Надеюсь, я касалась *только* этих мест. Могу ли я быть уверена? Знаю ли я *наверняка*? Мне следует протереть весь гроб, следует...

Только уже светает, солнце начинает подниматься из-за деревьев. Холодный свет сочится даже в эту адскую яму. Меня могут здесь найти. Кто-нибудь скорбящий, пришедший

расчистить снег или убрать увядшие цветы, или смотритель кладбища.

Я вытаскиваю телефон из кармана куртки и стираю уведомления. Уже семь часов. У меня больше нет времени.

Я выбираюсь наверх, упираясь локтями в грязь. Я обнаруживаю, что паника — это живое существо: она извивается и дрожит у меня в груди. Она затрудняет дыхание. Забыв про лопату, я загребаю грязь в открытую могилу обеими руками, на моих щеках замерзают слезы. Я уже не чувствую рук, мои пальцы сродни резине.

Не знаю, сколько времени уходит на то, чтобы закопать могилу. Сколько, чтобы набросать на место снег, унести лопату в сарай смотрителя или отскрести пальцы от грязи. Я не могу починить сломанный замок. Все равно узнают, что здесь кто-то был. Сколько минут потребуется, чтобы сопоставить взломанную дверь с потревоженным снегом на могиле Алекс? Сколько, чтобы извлечь тело? И сколько пройдет времени, прежде чем начнут охотиться на убийцу?

На Эллис.

Не хочу об этом думать — о том, что сделала Эллис. Но сейчас... здесь, с бледным лицом Клары, поднимающимся, словно невидимый остров, на поверхность моего сознания... Я не могу избежать этого. Эллис это сделала. Эллис убила Клару. Похоронила ее в могиле Алекс, а потом... потом...

Теперь все стало ясно. Я не хочу в это верить; Эллис видела, как я расстроена. Она обласкала меня, она...

Она манипулировала мной все это время.

Нет лучшего объяснения для книги в моей комнате или могильной грязи, падавшей с ее страниц. Даже надпись в книге «Таинственный сад» — это подделка; мы часами копировали почерк друг друга. Эллис принесла туда эту книгу. Она

принесла ее туда, чтобы зло подшутить надо мной, чтобы заставить меня думать, что я сумасшедшая. Она...

Эллис убила Клару. Я проговариваю эти слова, пробуя их на язык. «Эллис убила Клару». Эллис пыталась внушить мне, что я одержимая, или сумасшедшая, или все вместе. Она использовала магию, чтобы добраться до меня. Сказала, что магия разрушает меня, а потом все равно заставила практиковать ее. Затем она убила Клару и заманила меня сюда, чтобы убедиться, что я знаю.

Я не хочу в это верить. Но нежелание признавать правду не делает ее ложью.

Когда я сажусь в арендованную машину, мои ладони по-прежнему ничего не чувствуют, но я не могу позволить себе замешкаться. Я держу руль запястьями и таким образом веду машину вниз по крутому холму, а затем выезжаю на открытое пространство. Проехав около мили, я останавливаюсь, включаю отопление и сижу, держа пальцы перед панелью вентиляции, пока они, наконец, не отогреваются. Огни проезжающих автомобилей прорезают серебристый рассвет; и я всякий раз вздрагиваю.

Работает радио. Диктор рассказывает о закрытии какого-то магазина в городе. И зачем им закрывать этот магазин? Он работает уже пятьдесят лет. Это семейный бизнес. «Символ времени», — говорит диктор, и я с ним согласна. Никогда в жизни я не интересовалась местечковой политикой так, как сейчас, сидя в автомобиле с грязными ногтями, замерзшим на затылке потом, мокрыми от слез щеками и трясущимися руками.

Что эта семья будет делать дальше? Откроют ли они новый магазин? Как они покажутся в обществе, где все знают, что они банкроты?

Наверное, они уедут. Далеко. Куда-нибудь, где никто из знакомых не сможет найти их вновь. Они могли бы изменить

имена и остричь волосы. Приобрести маленький домик в лесу и стать отшельниками. Постепенно все забудут.

Наконец, когда ощущения возвращаются в мои покрасневшие пальцы, я тянусь к пассажирскому сиденью и хватаю мобильник. Включаю экран и таращусь на клавиатуру.

Мне нужно кому-нибудь позвонить. Возможно, в полицию. Нормальная девушка так бы и сделала. Вызвала бы полицию, неотложку, пожарных, чертову национальную гвардию — всех и каждого.

Смерть Клары — это тяжкая ноша. Я хочу передать ее кому-нибудь другому.

Телефон в моей руке звонит.

Я вздрагиваю так сильно, что телефон падает на коврик и мне приходится доставать его, скрести холодными пальцами под ногами. Номер незнакомый, но телефон сообщает, что звонок из Джорджии.

Внезапно я переносусь в главную библиотеку Дэллоуэя: мы с Эллис сидим на полу среди стеллажей, прислонившись к противоположным полкам и прикасаясь коленками. Мы были в разделе криминальной публицистики. Мы прочитали дело об убийстве, раскрытом потому, что виновник сделал звонок с места преступления. Телефонный сигнал зафиксировала ближайшая вышка, и алиби убийцы легко развалилось.

Я выключаю телефон. Кажется, проходят годы, прежде чем экран темнеет, а этот адский неизвестный номер прерывает насмехаться надо мной.

Достаточно ли этого? Я не ответила на вызов; может быть, это меня спасет.

Однако я уже осознаю, что это не так.

Если полиция узнает о трупке Клары — если я стану подозреваемой, — они выяснят, что я там была.

И подумают, что ее убила я.

ГЛАВА 28

Возвращение в школу проходит как в тумане. Я останавливаюсь на заправке, чтобы пропылесосить автомобиль, вдруг испугавшись, что грунт с могилы поможет меня опознать. Я как можно тщательнее моюсь в грязной ванной бумажными полотенцами и хозяйственным мылом, в канализацию стекает черная вода. Меня рвет в вонючем общественном туалете. Я сдаю автомобиль и еду в кампус на велосипеде Каджал. Я с трудом держу равновесие. По меньшей мере дважды чуть не улетаю в канаву.

Но я справляюсь.

На часах чуть больше девяти, когда я заползаю в дом, измученная и больная. В груди усталой птичкой трепещет сердце, слабо и прерывисто. Я не думаю о грязи, которую натащила на ковер, я в своей комнате, и больше меня ничто не интересует. Перспектива опуститься на колени и соскрести грязь с ковра кажется непреодолимым испытанием.

Проходя лестничную площадку второго этажа, я даже не смотрю в коридор. Может быть, Эллис сейчас в комнате подо мной. Возможно, она ждет, что я найду ее.

Но я не хочу ее искать. Я даже смотреть на нее не могу.

Вместо этого я включаю душ и сажусь на кафельный пол, а горячая вода хлещет по моей голове. Она смывает доказательства преступления — могильная грязь стекает в канализацию. Вода отмывает меня так же, как год назад.

Этот душ — именно то, что нужно, чтобы открыть раковину, которую я выстроила вокруг себя; мир возвращается на место.

Клара мертва. (*Убита. Ее убила Элис.*) Сегодня вторник; она должна была вернуться вечером из своего похода. И значит, есть несколько коротких часов, прежде чем люди начнут выяснять, что с ней случилось. Если мне везет — если мне *очень* везет, — смотритель кладбища не приходит по вторникам. Может быть, ночью снова пойдет снег; ледяное покрывало просто необходимо мне, оно скроет любой признак того, что могила Алекс вскрылась.

А какие улики связывают меня с кладбищем?

Лишь отношения Алекс со мной. И всё.

Могильная грязь в арендованной машине. Я вычистила ее пылесосом, но в тот момент не очень хорошо соображала; возможно, я что-то пропустила. Насколько легко криминалистам связать эту грязь с определенным местом? Наверняка вся грязь в Кэтскилле в сущности одинакова.

Телефонный звонок. Вот что меня выдаст. Вот мое слабое место.

Но даже эта улика — косвенная, я могу придумать вескую причину, по которой я была в Кингстоне так рано утром во вторник. Чтобы подтвердить, что я *убила* Клару, нужны более веские доказательства, чем моя близость к могиле Алекс.

Эллис затеяла очередную игру разума, так? Она хочет, чтобы я *почувствовала* свою ответственность за Алекс.

Мне нужно поговорить с ней.

От этой мысли мне хочется пуститься в бега и никогда не останавливаться. Эллис убила Клару. Почему я должна думать, что она не убьет и меня?

Только, если бы она захотела моей смерти, то убила бы меня уже раз десять.

Здесь дело в другом. У Эллис должен был быть *мотив*. Она заставила меня пройти весь путь до могилы, хитростью заставила выкопать Клару... А зачем? Было ли это частью ее игры? Вообще-то, Марджери Лемонт была похоронена живой.

А Клара — нет.

И я — нет.

Я вздрагиваю и крепко обхватываю себя за талию обеими руками. Боже, я даже не подумала, что Эллис могла послать меня туда на смерть. Вообще-то, это она заставила меня выкопать Клару. Она могла прятаться в тени, ожидая, когда я сниму крышку с гроба. А потом могла бы толкнуть меня внутрь него и забить крышку гвоздями.

Она могла убить меня точно так же, как убили Марджери, я сама пришла бы прямоком в ее ловушку.

Но она этого не сделала, тут возникает новый вопрос: зачем ей раскрывать себя передо мной? Я могла бы сдать ее полиции. Я могла *точно* рассказать, зачем ездила в Кингстон.

Может быть, так мне и сделать? Вообще-то, я не знаю, почему не сделала этого. Это не мелкая кража или незаконное проникновение. Эллис убила человека. Она убила нашу подругу.

Однако почему-то выдать Эллис полиции не кажется реальным вариантом. Я должна ощущать больше, чем чувствую

сейчас. Мне следует горевать по Кларе. Мне следует плакать, кричать и бить руками по стенам.

Вместо этого я хожу из одного угла моей комнаты в другой, холодные капли стекают с мокрых волос на голую спину. Я пытаюсь вспомнить Клару при солнечном свете, рубашку Клары, трепетавшую на ветру, когда она шла по двору в библиотеку, Клару со стопкой книг и ручкой во рту, Клару во время «Ночных перелетов», этакую дриаду среди деревьев.

Так Эллис ее и поймала? Запиской с набором координат, ночью подсунутой под дверь перед Клариним походом и подписанной именем Эллис?

Я представляю, как объясняю произошедшее в холодном полицейском участке, признаюсь, что вела машину в Кингстон сама, украла лопату, раскопала могилу Алекс и нашла тело Клары. Я могла бы утверждать, что Эллис ее убила.

Но — *нет* — но... а если это не она? Если это я убила?

Что, если я убила Клару, потом забыла об этом, так же как забыла о том, что толкнула Алекс, пока Эллис не заставила меня вспомнить?

Что, если это проклятие срабатывает снова и снова, бесконечной чередой смертей для удовлетворения ненасытной жажды крови? Если *это в самом деле* проклятие, оно, очевидно, укажет на меня.

«*Шах и мат*», — шепчет Марджерии Лемонт из темноты.

Я натягиваю через голову удлинённый свитер и не заморачиваюсь с остальной одеждой. Я несусь по коридору в одном нижнем белье, спотыкаясь о кривые половицы, в ужасе от того, что из своей комнаты появится Каджал и спросит, где я была.

На Кларину дверь я стараюсь не смотреть совсем.

Комната Леони на втором этаже открыта и пуста. А вот дверь Эллис заперта. Я не могу сказать, горит там свет или нет.

Я все равно стучу. Конечно, никто не отвечает. Не знаю, чего я еще ожидала. Если она внутри, то мне не ответит.

Мое сердце бьется быстро — очень быстро. Как-то я читала, что пульс у колибри более тысячи ударов в минуту. Кажется, сейчас и у меня тоже, словно мое сердце — это дрожащий в груди кусок мяса. Я что, боюсь? Или просто... *разгневана.*

Мне даже приходить не стоило. Это глупо, безрассудно — хороший способ покончить с собой.

Несмотря на это, я зову Эллис и стучу громче. Ответа нет. Я хватаюсь за ручку, но дверь заперта изнутри.

— Я знаю, что ты там, — требую я. — Открой дверь.

Молчание, тишина. Точно так же, как тогда, после вечеринки: Эллис настаивала, что *писала*, ей было некогда со мной встречаться. Сейчас еще нет и десяти, а я столько раз заставляла Эллис полностью одетой и работающей до рассвета, что отказываюсь верить, что она уже проснулась и по уши в работе.

Я прижимаю лоб к дереву в отчаянной попытке услышать что-нибудь, хоть *что-нибудь*: щелканье клавиш печатной машинки, мягкое шипение виниловой пластинки с классической музыкой и даже тихие звуки дыхания Эллис. Но за этой дверью никого нет. С таким же успехом она могла бы открыться в пустоту космоса, в разрушительную сердцевину черной дыры.

Я крадусь обратно вверх по лестнице в свою комнату и пинком захлопываю дверь. Я ложусь на кровать, прижимаю лицо к подушке и кричу.

К следующему вечеру Клара отсутствует уже целый день. Это слишком долго, она выбилась из расписания. Она заслужила наказание. Я пропускаю занятия, остаюсь в постели, пока солнце прокладывает себе путь по небу, но после наступления сумерек в мою дверь стучат.

Я решаю остаться в постели и сделать вид, что меня нет дома. Но рано или поздно кто-нибудь придет в поисках Клары. И когда придут, я не могу позволить себе выглядеть подозрительно.

Я вылезаю из-под простыней, волочу ноги по ковру и открываю дверь.

Эллис протискивается мимо меня, держа в руках кучу отпечатанных листов, с лихорадочным румянцем на щеках.

— Я это сделала, — говорит она, крепко прижимая книгу к груди, смотрит на меня, но вместе с тем словно не видит. — Я закончила книгу. Я все-таки ее закончила.

Я стою в дверях, мечтая, чтобы у меня в руках что-нибудь было. К примеру, оружие.

— Клара мертва.

Эллис бросает на меня острый взгляд и, неодобрительно поджав губы, захлопывает дверь.

— Я знаю. Не надо так громко.

Она смотрит на меня, словно ожидая какой-то особенной реакции. И я чувствую, что это совсем не та реакция, которая подбирается сейчас снизу к моему горлу, желчная и тошнотворная:

— Ты убила ее. Ты... Ты...

Эллис вздыхает и, наконец, идет к столу, чтобы положить пачку бумаг на его край.

— Пусть так. Я полагаю, если нам *приходится* вести этот разговор... Да. Я убила ее. И это *сработало*, Фелисити. Это *сработало*! Я несколько месяцев билась над этой сценой. Ты даже не представляешь, сколько бессонных ночей я провела впустую, пытаюсь выдавить из себя еще хоть одно слово, подобрать подходящую фразу или образ.

Узел в моей груди немного ослабевает. Это была она. Это была Эллис. Не проклятие, не ведьмы, не *моя вина*.

Она подходит ближе, а я не могу ни сдвинуться с места, ни даже вырваться из ее объятий: она обхватила мои запястья и потянула мои руки, чтобы прижать их к груди. Она достаточно близко, и я могу уловить исходящий от нее запах сигаретного дыма, пропитавший волосы. Я вижу новые оттенки в ее глазах: бледно-серая вода поверх черных камней, скрывающихся под нею.

Эллис улыбается.

— Теперь все кончено. Я сделала это. Благодаря тебе. Я даже не могу сказать, как сильно я тебе... Эта книга. Это лучшее из того, что я вообще писала. Ты понимаешь, правда?

Я даже не знаю, что ответить. Что тут скажешь? В моей памяти отпечатан образ холодного тела Клары. Кровь на ее животе. Ее пустой взгляд.

— Ты убила ее, — повторяю я.

Эллис отпускает мои запястья. Скрестив рук на груди, она переступает с ноги на ногу и вдруг становится циничной:

— Да. Я застрелила ее, правда. Дважды, прямо в кишки. А потом перерезала ей глотку.

Если это признание предназначено для того, чтобы я почувствовала себя больной, оно работает. Я трясусь головой, словно могу выбросить ее слова из своего сознания.

— Я использовала охотничье ружье Квинн, — продолжает Эллис. — То самое ружье, которым ты убила койота. Там везде твои отпечатки.

Воздух в комнате замирает.

Не знаю, как я вообразала себе случившееся. Но сейчас я отчетливо вижу Эллис с тем ружьем, ее руки в перчатках, она спускает курок.

— Зачем? — прохрипела я. — Ты... Зачем?

— Потому что я должна была быть уверена, — спокойно говорит Эллис. — По этой же причине я сделала так, что ты поехала в Кингстон и раскопала ее могилу: чтобы привязать тебя к месту преступления. Не могла же я позволить тебе побежать в полицию и рассказать им, что я сделала, правда? Прости, Фелисити. Я надеялась, что до этого не дойдет. Я *не хочу* предавать тебя. Пожалуйста, не заставляй меня это делать.

Я подхожу к окну и выглядываю на улицу. За моей спиной Эллис еще что-то говорит, но я ее уже не слушаю. В моих ушах стоит лишь гул, легкие не дышат. Я прижимаю ладонь к холодному стеклу. Не помогает.

Грязь в арендованном автомобиле не имеет значения. Ничего не значит ни раскопанная могила, ни телефонный звонок в районе вышки в Кингстоне, ни тело Клары в гробу Алекс. Эллис не признает полумер. Что бы она ни сделала, в ее плане не будет ни единого слабого места.

Я чувствую, что она подходит ко мне со спины; все, что я могу сделать, — это не поворачиваться, чтобы не видеть ее. Эллис хватает меня за плечо и сильно сжимает.

— Не прикасайся ко мне.

Она отдергивает руку. Я слышу мягкий звук ее дыхания. По моему затылку пробегают мурашки.

— Я хочу убедиться, что ты видишь всю картину целиком, — говорит Эллис, — поэтому слушай внимательно.

Мне не нужно видеть всю картину целиком. Я не хочу знать, насколько основательно Эллис опутала меня. Но и остановить ее я не могу, поэтому она продолжает:

— Подумай, как это выглядит. Клара и Алекс... они, должно быть, близнецы. Или, возможно, сестры. Не только из-за рыжих волос — у них удивительно похожие черты лица. При госпитализации установили твою психическую неустойчивость. Все в Годвин-хаус убедились в этом: твоя одержимость теми давно умершими девушками, уверенность в том, что ты проклята. Конечно, полиции не будет нужды искать другие версии. Я написала письмо Кларе твоим почерком. Оно очень... правдоподобное. Просто скажем, что для тебя было бы не очень хорошо, если бы письмо нашли в комнате Клары среди ее вещей. Спрятать письмо в записную книжку или под подушку очень просто.

Я оборачиваюсь. Эллис отступает на шаг, большие пальцы рук засунуты в карманы брюк в тонкую полоску. Ее слова отражаются от стенок моего черепа, повторяются вновь и вновь, пока не теряют всякий смысл.

— Письмо, — эхом повторяю я.

— Да. И, конечно, твои отпечатки на ружье. Мои прикреплены к делу после ареста несколько лет назад, ты это знаешь, так что я на учете. Тело Клары будет найдено в могиле Алекс — могиле твоей бывшей подружки, которую, по всеобщему мнению, ты убила. Я уже не говорю о звонке, привязавшем тебя к месту преступления. Мой же телефон был все время в моей комнате.

— У тебя нет мобильного телефона, — хриплю я.

— Разве?

Она сует руку в карман и достает тонкий аппарат. Модель не самая новая, но в новой и нет нужды. Она просто должна работать.

Рот Эллис кривится в подобии улыбки.

— Я предупреждала тебя об опасности технологического прогресса.

И теперь, вспоминая прошлое, я осознаю, что Эллис никогда не говорила мне наверняка, что у нее нет телефона. Я лишь судила по тому, как девушки из Годвина сторонились компьютеров, социальных сетей и текстовых сообщений; я полагала, что они вырвали лист из книги Эллис и следовали ее заветам. Думала, что она положила начало этой тенденции.

Возможно, так она и сделала. Наверное, она спланировала все задолго до того, как я это поняла.

— Но тебе нет нужды беспокоиться об этом, пока ты все делаешь правильно, — говорит Эллис. — Не ходи в полицию, и я не подброшу ту записку. Я не расскажу копам, где искать ружье. Или тело Клары.

Тело Клары. *Боже. Мне плохо.*

Только я не могу показать Эллис свою уязвимость. Она тотчас разорвет мою плоть, стоит ей обнажиться.

Я, должно быть, выгляжу так же ужасно, как и чувствую себя, потому что Эллис печально улыбается и хватает меня за запястье, кончиками пальцев проверяет мой пульс.

— Как ты думаешь, почему я выбрала для этого тебя? — говорит она. — Не затем, чтобы разрушить твою жизнь. Я хотела *помочь* тебе. Разве сейчас ты не чувствуешь себя лучше? Ты стоишь здесь и споришь со мной, потому что *знаешь*, что не убивала Клару Кеннеди. И Алекс ты не убивала. По меньшей мере, не с помощью магии.

— Не имеет значения, выдашь ты меня или нет, — говорю я. Мой голос доносится словно издали, мечется

по просторам времени и пространства, пока не достигает моих ушей. — Ты сама сказала: они в любом случае решат, что это была я. Меня найдут на камерах видеонаблюдения в автопрокате. Мой мобильник... в Кингстоне. В тот момент, когда они поймут, что могила была потревожена...

Эллис качает головой.

— Зачем кому-то вообще может прийти в голову проверить кладбище в нескольких милях отсюда? Клара может быть где угодно.

Только она не находится *где угодно*. Она в том гробу. Если ее тело найдут, будет похоже, что я хладнокровно убила ее. Или же сделала это в припадке безумия.

К горлу подступает тошнота, я вырываюсь из хватки Эллис, сгорбившись над одним из растений в горшке и прижав руку ко рту. Но ничего не происходит. Я задыхаюсь, но затем Эллис помогает мне выпрямиться.

— Боже, — говорю я. — Если меня заподозрят, если найдут даже малейшую улику...

— Ты могла быть в Кингстоне по множеству причин. Кроме того, для проверки записей сотовой связи требуется решение суда — должны быть другие основания подозревать тебя, чтобы только взглянуть на них. До тех пор, пока ты со мной, у них *не будет* подобных причин.

— Убирайся!

— Фелисити, я обещаю, что ты не будешь...

— Пошла *вон!* — Я отталкиваю ее обеими руками на полшага назад.

Эллис отходит от меня, пальцами взъерошив и без того растрепанные волосы.

— Хорошо. Хорошо, я уйду... Будь осторожна, Фелисити. Помни, что я сказала.

Вряд ли я забуду.

Она уходит, забрав свою рукопись, и я вновь остаюсь одна. Не хочу, чтобы она вернулась. Хочу больше никогда не встречаться с Эллис Хейли.

Но в ее отсутствие стены начинают давить на меня. Я сижу здесь в одиночестве, и у меня нет ничего, кроме тикающих на запястье часов и неизбежного осознания того, что рано или поздно мое время закончится.

Я обладаю чудовищной и беспощадной совестью, не позволяющей мне действовать безнаказанно.

Октавия Батлер

Берегитесь, ибо я бесстрашен и, следовательно, силен.

Мэри Шелли, «Франкенштейн»

ГЛАВА 29

Две с половиной недели тому назад — за неделю до каникул в честь Дня благодарения, за две недели и примерно два дня до смерти Клары — мы с Эллис были в библиотеке, делали вид, что заканчиваем проект по истории искусства, а в действительности просто тянули резину. Отдел древних изданий тем поздним вечером был необыкновенно тих: той тишиной, которая предполагает не столько отсутствие голосов, сколько молчание, настороженные взгляды, бессловесные рты. Я попросила Эллис придержать несколько книг из собрания оккультной литературы, и мы вдвоем закрылись в самом потаенном уголке среди стеллажей, вдыхая запах пыли и старой бумаги.

— Дай мне руку, — потребовала я.

Эллис подняла глаза от книги, которую читала.

— Знаешь, некоторые люди утверждают, что могут предсказывать будущее по внутренностям животных. Это называется экстиспиция.

— Да. Руку дай.

Она подчинилась. Я повернула ее руку ладонью вверх и положила себе на колени.

— Что ты делаешь? — Эллис наклонилась и через мое плечо посмотрела в открытую книгу, лежавшую у меня на коленке.

— Я хочу предсказать твое будущее по ладони.

Эллис открыла рот от удивления.

— Хорошо, но... зачем?

— Затем, что я любопытная. Потому что хочу выяснить о тебе больше. Хочешь знать почему?

Она молча смотрела на меня, словно я занималась особенно интересным научным проектом, и я расценила это как молчаливое разрешение.

— Ты левша, верно? — Я достаточно часто наблюдала, как она подделывает почерк, к тому же у нас, левшей, есть что-то вроде радара для обнаружения себе подобных.

По-прежнему глядя на меня со странным выражением, она все же кивнула.

Я поворачивала ее левую руку, чтобы осмотреть ее со всех сторон, сверяясь со своей книгой всякий раз, когда сомневалась в толковании.

— Это твоя доминирующая рука, — объяснила я. — Все здесь указывает на то, к чему ты придешь позже. На правой же руке отражены твои врожденные качества. Поэтому она важнее, чем тебе кажется.

Я провела пальцем по линии сердца, Эллис не шевельнулась, даже не вздрогнула. Хочется верить, что она *так* затихла, чтобы не казаться выбитой из колеи.

— Что же написано на моей ладони? — наконец спросила Эллис.

— Ты проживешь долго. Будешь здорова. И — ты, наверное, сама догадалась — ты творческая личность. Эти линии указывают на честолюбие и способность достигать самых невероятных целей.

Эллис ухмыльнулась.

— Я такая.

Я перевернула страницу и снова принялась исследовать руку Эллис. У нее гладкая розовая ладонь, кончики пальцев в мозолях от печатной машинки, внутренняя сторона указательного пальца испачкана чернилами. Если бы я была одной из шарлатанок, сидящих в лавочках в захудалом районе, в дыму благовоний, и укутанных в прозрачные вуали, я могла бы сказать ей: «*Ты писатель!*» — и так завоевала бы ее доверие.

— Но... тебе следует быть осторожнее с друзьями, которых ты впускаешь в свою жизнь, — продолжила я. — Ты не должна никому доверять. Кто-то таинственный, старше тебя, принесет разрушение благодати.

Быстрая злая усмешка исказила лицо Эллис.

— Я знаю, что Уайатт имеет на меня зуб.

— Тебе лучше бежать, — очень серьезно посоветовала я. — Измени имя, измени свою личность, беги из страны...

— ...сожги это место на моем пути...

— ...посыпь землю солью, чтобы больше ничего не росло.

И мы дружно засмеялись, Эллис делала это так громко, что даже покраснели щеки, и она, наклонившись вперед, уперлась лбом мне в коленку. Своими длинными пальцами она обхватила мою лодыжку и удерживала ее. Будто бы я могла убежать, когда она трогала меня *так*.

И конечно, когда в свою очередь Эллис стала предсказывать мое будущее по ладони, она даже не смотрела в книгу. Она просто говорила, что я буду жить вечно, стану очень знаменитой и очень богатой и разделю все свои деньги с ней.

Ничто в гадании не указало на истинную Эллис. Мне следовало быть внимательнее. Я должна была заметить

малейшие пересечения и звездочки на ее коже, найти правду, записанную на ее теле.

Мне следовало узнать, что она — убийца.

В четверг утром полиция первым делом приехала в кампус. Это случилось через двадцать четыре часа после того, как Клара не вернулась на занятия из своей поездки. После ухода Эллис я заперлась в своей комнате и с тех пор не покидала ее, поэтому я не знаю, почему они находятся здесь так долго. Не знаю, то ли девушки Годвина не хотели выдавать Клару на случай, если она где-нибудь в запое, то ли Эллис убедила их подождать.

Может быть, ничего страшного.

Из уголка для чтения у окна в коридоре я наблюдаю, как полицейские подъезжают на машинах к подножию холма, смотрю, как они вышагивают по подъездной дорожке в своей синей форме и что-то неслышно бормочут в свои рации.

Последнее, что мне нужно, — это чтобы им сообщили, что я пряталась в своей комнате с того времени, как исчезла Клара. Поэтому я меняю пижаму на нормальную одежду, причесываюсь, стягиваю волосы в низкий пучок, наношу чуть-чуть розовой помады — достаточно, чтобы выглядеть как Фелисити Морроу, хорошая девочка из бостонских Морроу, — и спускаюсь вниз.

Эллис уже на кухне, сидит на подоконнике, уставившись на лес. Она утонула в темно-сером свитере, который ей слишком велик. В руках у нее кофе. Она не смотрит на меня, я не разговариваю с ней.

О чем еще говорить?

Полиция допрашивает нас всех по отдельности.

— Когда вы заметили, что Клара пропала? — спрашивает офицер Эшби, когда меня приводят к ней и ее напарнице, офицеру Лю, в кабинет домоправительницы Мак-Дональда.

— Она не вернулась во вторник из похода.

— Сколько времени у вас ушло, чтобы понять, что что-то не так?

Мои руки лежат на коленях. Я не хочу сплестать пальцы, теревить ими юбку. Не хочу выглядеть нервной.

— Не знаю. Предполагаю, прошлой ночью. Мы все думали, что она в одном из своих клубов...

— Вы не звонили ей?

— У Клары нет мобильного телефона, — говорю я.

Брови Эшби подпрыгнули.

— Вы хотите сказать, что девушка из высшей школы не имеет мобильного телефона?

Офицер Лю фыркает. Но, когда я смотрю на нее, она ничего не говорит, просто качает головой и поднимает руки, а на ее губах появляется насмешливая улыбка.

— Мы предпочитаем сосредоточиться на наших занятиях, — говорю я.

— Что тут скажешь, — произносит Эшби, наклоняясь вперед, словно хочет подбодрить.

— Фелисити, Клара способна вот так исчезнуть? Она давала повод думать, что не хочет возвращаться в школу?

Я качаю головой.

— Она в последнее время вела себя необычно?

Снова нет.

Лю постукивает короткими ногтями по керамической кружке с кофе.

— Я должна спросить: у Клары были враги? Кто-нибудь хотел причинить ей вред?

У меня совершенно пересохло в горле. Я облизываю губы и слатываю, это не помогает.

— Нет. Конечно нет. Все любили Клару.

Любят. Мне следовало использовать настоящее время. Лю и Эшби переглянулись; подозреваю, что мне не повезло и они заметили мою оговорку.

— В прошлом году вы были здесь, не так ли? — говорит Лю. — Когда умерла та девушка.

— Алекс Хейвуд. — Я ничего не могу с собой поделатъ. Алекс не была *той* девушкой.

— Алекс Хейвуд, — повторяет Лю. — Станный случай. Я его просмотрела. Девушка падает со скалы... тонет в озере Дэллоуэй... потом исчезает. Пропадает без вести.

Кажется, словно голова моя отделилась от тела и парит в вышине. Я вообще почти не чувствую себя человеком.

— Да.

— Вы там были? Вы видели ее падение?

Я ощущаю в горле ком; я хочу его проглотить, но не осмеливаюсь издавать никаких звуков, которые бы выдали мое беспокойство. Или чувство вины.

— Я была там, — говорю я. — Алекс была моей лучшей подругой. Она упала. Это был несчастный случай.

— Несчастный случай.

— Она была пьяная.

— Да. Так вы сказали полиции.

На лацкане пиджака Эшби — крошечное пятнышко горчицы, такое маленькое, что я замечаю его не сразу. Сейчас я больше всего хочу соскрести его и затереть мокрой тряпкой. Я смотрю, смотрю, пока пятнышко не расплывается.

— Держи, — говорит Эшби, смягчаясь, и передает мне свой носовой платок; я крепко зажмуриваюсь и вытираю

слезы. У меня хватает совести, чтобы испытывать легкое отвращение к себе: эти слезы — плата за мою безопасность. Что бы я ни сказала, ни Эшби, ни Лю не заподозрят меня в убийстве. Глядя на меня, они видят деньги моей матери и мою белую кожу. Они не видят убийцу.

Но именно убийцей я и являюсь.

— Я не знаю, что с ней случилось, — шепчу я. — Может быть, она... Она могла бы попытаться уползти за помощью... В лес. А потом...

А потом деревянная ручка лопаты снова оказалась в моих руках, занозы впивались в ладони. Я взяла лопату в сарае дворника. Я не могла выкопать яму глубиной шесть футов — только три, но этого было достаточно.

Когда я вытащила Алекс из озера, ее тело лежало на земле, бледное, изломанное, не похожее на человеческое, мокрое и холодное. Я с облегчением засыпала его — сначала землей, потом камнями.

Я помню мысль, что это знак, что она умерла как Корделия Дарлинг. Что я хотела бы похоронить ее так, как была похоронена Марджери Лемонт, — в подвале Годвин-хаус, выстроенном на каменном основании, где ей самое место. Еще я подумала, что этого было бы достаточно, чтобы утолить аппетит Марджери.

Только Марджери Лемонт никогда не существовало. Во всяком случае, в виде призрака, следящего за мной. Она просто была слишком умной девушкой, жившей в то время, когда *опасно* было быть умной. И она расплатилась за это своей жизнью.

Явно считающие себя замужем за работой, офицеры разрешают мне вернуться в свою комнату. Я оставляю дверь открытой и сажусь на пол так, чтобы слышать эхо голосов на лестнице, оставаясь при этом скрытой краем двери

от проходящих мимо. Следующей в кабинет МакДональда Эшби приглашает Эллис. Я могу разобрать щелчок закрывающейся двери, но как бы сильно я ни напрягала слух, голосов не слышно.

Я выхожу из укрытия и на цыпочках крадусь по лестнице на второй этаж. Комната Эллис заперта, но я умею вскрывать замки; этому я научилась во время наших исследований для книги, вот только Эллис об этом моем навыке не знает. Да и защелки в Годвин-хаус древние, непритязательные; они открываются без усилий.

Эллис сказала, что у нее есть документ, файл, привязывающий все улики ко мне. Письмо к Кларе, написанное моим почерком. Не знаю, будет ли у меня другая возможность обыскать ее комнату.

Эллис заправила постель, свернула простыни и накрыла толстым вязаным одеялом изножье кровати. На подушке лежит открытая книга Ширли Джексон «Мы всегда жили в замке». Пишущая машинка стоит на столе, в чехле, поскольку книга закончена. Я открываю машинку, но под клавишами письма нет.

Книжные полки Эллис забиты эклектичным набором литературы — от мистики до классики и текстов на латыни. Есть даже странный экземпляр книги о Нэнси Дрю, с загнутыми углами и порванным корешком. Никаких фотографий. Ни ее самой, ни ее матерей, или Квинн, или подруг детства — только портрет Маргарет Этвуд в рамке, прислоненный к полному собранию сочинений писательницы.

Шпага Эллис висит на стене. Фехтовальное снаряжение сложено в комоде. Я копаюсь в ящике для носков, отбрасываю нижнее белье и коллекцию сломанных авторучек, чтобы в результате... ничего не найти.

Где бы Эллис ни спрятала письмо, написанное якобы мною, здесь его нет.

Внизу, открываясь, скрипит дверь кабинета. У меня больше нет времени.

Я убегаю обратно на третий этаж и, повернув засов, запираю дверь. С колотящимся сердцем я присаживаюсь на корточки, прижав ухо к стене, — я оставила комнату Эллис незапертой. Но по лестнице никто не поднимается. Эллис не стучится в мою дверь.

Ей все равно.

Я не позволю Эллис Хейли устроить мне ловушку. Любым способом я должна опередить ее.

Усевшись за стол, я вытаскиваю лист бумаги и открываю ручку, украденную у Эллис. Я пишу письмо, медленно, кропотливо, как можно тщательнее копируя почерк Эллис из записок для «Ночных перелетов».

Дорогая Клара...

Почерк подделывается плохо. К тому же содержание само по себе не копирует Эллис. Я рву письмо и начинаю заново — второй раз, третий, пока не получается, по-моему, вполне прилично. Не точь-в-точь, но опять же никто не знает Эллис лучше меня. Никто другой не смог бы, взглянув на эти строчки, сказать, что Эллис их не писала.

«В любом случае, есть шанс никогда не использовать эту записку», — говорю я себе. Пропавший без вести — не значит мертвый. Ни у кого нет причин меня подозревать.

Пока нет.

ГЛАВА 30

Большинство пропавших без вести, насколько я слышала, находят в течение первых семидесяти двух часов.

Не знаю, почему именно так. Возможно, из-за того, что улики проще отследить ближе к фактическому моменту совершения преступления. Или потому, что большинство дел о пропавших без вести людях никак не связаны с насилием. Быть может, многие пропавшие в итоге возвращаются домой. Возможно, в грязной, потрепанной одежде и со слегка затуманенным сознанием, но живые.

Полиция обнаруживает машину Клары, брошенную на обочине дороги; на руле нет ничьих отпечатков, кроме ее собственных.

— Может, она сама оставила ее там, — говорит Леони, отковыривая лак со своих погрызенных ногтей. Но предположение лишь допускает еще одну очевидную возможность: *наверное, убийца был в перчатках.*

Перчатках цвета слоновой кости из антикварного магазина, которые все еще пахнут лавандой.

Приезжают родители Клары. Элегантные, немногословные, они быстро проходят по Годвин-хаус, будто он им

неприятен. Может, и так. Провалившиеся неровные полы и выцветшие потрепанные ковры не выглядят привлекательно для человека извне. Наши посетители словно попали сюда из другой эпохи, другой страны.

Я иногда задаюсь вопросом: не вырвались ли мы здесь, в Дэллоуэе, из обычного измерения, перейдя в новое? Вдруг мы существуем на отдельном от всех метафизическом уровне, а эти незваные гости — обыкновенные нарушители. Отвергнет ли их Дэллоуэй, как хозяин устраниет вредителя?

Мне нужно рассказать кому-нибудь. Думаю, *может, Каджал*, раз мы сидим одни за завтраком. Она гоняет яйца по тарелке и ни одного не ест. Только вот Каджал в последнее время так же ранима, как и я. Если я хоть немного надавлю, она может сломаться.

Можно было бы рассказать Ханне Стрэтфорд, увявшей за мной после исчезновения Клары. Ханна появляется у меня на пути всякий раз, когда я отправляюсь в класс или библиотеку, иногда я вижу ее в главной обеденной зале с не сходящим с лица выражением бесконечного беспокойства.

— Что думает Эллис? — спрашивает меня однажды Ханна, идя со мной по двору, потому что *мне же явно нужен провожатый*.

— Эллис считает, что Клара была... — ее голос снижается до сценического шепота, — *убита?*

Нет. Я не буду рассказывать Ханне Стрэтфорд.

Остается МакДональд. Я бы сидела у нее в кабинете, как сейчас, открывала бы рот и признавалась: «*Эллис Хэйли убила Клару Кеннеди. Ее тело захоронено в могиле Алекс Хейвуд. Я сама видела*». Но это звучит невероятно даже для меня. Что бы ни говорилось в бульварных романах,

старшеклассницы не слывут злобными стервами. Лишать жизни Клару у Эллис нет мотива. И, естественно, нет причин подставлять меня.

— Ты в порядке, Фелисити? — спрашивает МакДональд, тараща свои огромные совиные глаза в очках с тонкой металлической оправой. — Я знаю, как вы, девочки, все тесно общаетесь. У вас все хорошо?

— Мы все скучаем по Кларе, — отвечаю я. За прошедшую неделю я хорошо продумала свои слова. Говорю в настоящем времени. Я принадлежу большинству, никакого индивидуализма — часть безликого целого.

МакДональд кивает головой, и на мгновение мне кажется, что она уже готова меня отпустить. Но она тянется ко мне через весь стол и так сильно хватает меня за руку, что я вздрагиваю.

— Прости, — говорит она мне. — Я знаю, она твоя подруга. Что за год у вас... Никто не должен терять двоих... двоих... — Вдруг она замолкает, слезы наворачиваются на ее глаза.

— Уверена, с Кларой все хорошо, мисс.

Но ни она, ни я не верим, что это правда.

МакДональд шмыгает носом и достает носовой платок из кармана пиджака.

— Ну, — говорит она. — Скажи мне, если тебе нужна будет помощь. Хорошо? Может быть... тебе стоит позвонить своей матери и попросить ее приехать?

— Я в полном порядке, — как можно увереннее отвечаю я. — Спасибо. Я вам скажу, если мне что-нибудь будет нужно.

Я поднимаюсь к себе и нахожу письмо, написанное мною почерком Эллис. Я несу его вниз и прячу под подушку Клары.

В среду приезжает полиция с судебным запросом на обыск комнаты.

В Годвин-хаус столпотворение: эксперты-криминалисты и офицеры, желтая лента на двери Клары, незнакомцы, расхаживающие по нашим любимым залам.

Мне не интересно их мнение о нас. Я слышу, как Лю и Эшби разговаривают за входной дверью, когда подслушиваю, спрятавшись в комнате отдыха.

— Ставлю тысячу баксов, что эта девушка уже мертва, — говорит Лю в сторону Эшби. — Через несколько дней в Гудзоне мы найдем ее тело, раздутое и полуразложившееся.

Я думаю о том, где на самом деле тело Клары: покоится в шести футах под землей, бледное и холодное. Возможно, хорошо сохранившееся из-за холода и снега.

— Думаешь, кто-то из жителей дома ее убил? — спрашивает Эшби, и у меня холодеет в груди.

Я практически вижу, как Лю качает головой.

— Что за странные люди. Наряды. Лексика. Ты видела, как одна из девушек отреагировала на мой вопрос о развлечениях Клары? С таким же успехом я могла бы спросить, нравится ли Кларе мучить маленьких щенков в свободное время.

— Ну, это Дэллоуэй, — сухо отвечает Эшби. — Слышала об этом месте? Понятно, что здесь они занимаются какой-то мерзостью с замашками тайного общества. Спиритические сеансы, поклонения сатане, вот о чем я говорю...

Никто не поклоняется сатане в Дэллоуэе. Никто даже не верит в магию, никто, кроме меня.

Я больше не могу это слушать. Я потихоньку убегаю по лестнице обратно в свою комнату.

Добираюсь только до второго этажа.

Эллис стоит на площадке, как тень, вся в черном.

Она поднимает конверт в руке и выгибает бровь.

— Нам надо поговорить.

Эллис ведет меня в свою комнату и толчком локтя закрывает за нами дверь. Воздух наэлектризован, он искрится между нами, словно молния, вызвавшая лесной пожар.

— Что это?

Она держит письмо над головой. Мой взгляд скользит по собственному почерку, кажущемуся с этого ракурса еще мельче, чем почерк Эллис.

Она встает между мной и дверью. Бежать некуда, кроме как выпрыгнуть из окна, — тогда я не буду так близко, чтобы она могла схватить меня за руку.

Эллис пообещала, что если я не буду ее провоцировать, то она не сделает мне ничего плохого.

Но я лишь попыталась подвести ее к разговору об убийстве Клары. Это считается провокацией?

«*Не верь больше обещаниям Эллис*», — говорю я себе.

— Письмо, — отвечаю я как можно более спокойно и уверенно. — Эллис, это ты все затеяла. Не делай вид, что игра не для двоих.

Даже отсюда я вижу, как она нервно передергивает плечами. Ее обычное спокойствие исчезло, и появилось нечто более резкое и опасное.

— Я не оставляла того письма в комнате Клары, — говорит Эллис, хотя я не могу найти другой причины, по которой она тогда бы нашла *это* письмо. — Я сказала, что я не буду. Я обещала, что не стану обвинять тебя, если ты не будешь провоцировать. Зачем ты это делала, Фелисити? *Зачем?*

Она повышает голос.

Я бросаю взгляд на окно, но полицейские уже отъезжают от дома, спускаясь по узкой аллее прямо к кампусу. Все остальные в классе. Никто не услышит.

— Я ради тебя поступила в эту школу, — вдруг заявляет Эллис, и я вновь переключаю внимание на нее, быстро отходя к кровати. — Ты знала это? Я читала о тебе в статье про смерть Алекс. Меня не интересовала Пятёрка из Дэллоуэя. Я хотела писать о *тебе*.

Она говорит так, будто извиняется. Словно я должна растаять в ее объятиях и всё простить.

Но все мои мысли сейчас об одном: что думает про меня Эллис? Какой жалкой я, должно быть, кажусь ей: девушка, которая убила, а может быть, и не убивала свою подругу; девушка, которая верит в привидения: та, что сошла с ума. Я подтвердила ее правоту, не правда ли? Я доказала, что и Алекс была права. Я встречаюсь взглядом с Эллис и чувствую, как сердце сжимается в холодных тисках. Словно захлопнулась дверь.

— Нет. — довольно резко говорю я. Я делаю шаг в ее сторону, чтобы она попятилась, хоть и не лезу к ней с кулаками. — Нет. Я не позволю тебе разрушать мою жизнь ради развлечения. Я не Мельпомена, чтобы вдохновлять тебя на очередной трагический опус. Ты не имеешь права.

Эллис бледнеет. Теперь она выглядит как привидение на фоне быстро темнеющей комнаты.

— Вот как?

Впервые меня посещает мысль, что она может убить меня. Возможно, такой, какой она сейчас предстала передо мной, ее и видела Клара в свои последние минуты. Этот вышедший из ада мстительный дух неумолимо стремится к уничтожению. Мой взгляд скользит по шпаге, висящей на крючке в стене на одинаковом расстоянии от меня и Эллис.

Похоже, она думает о том же. Мы разом бросаемся к шпаге, но Эллис, посвятившая этому годы и многочасовые

тренировки в спортзале, преследуя цель овладеть оружием в совершенстве, первой добирается до нее.

— Стоять, — приказывает она, приняв правильную стойку с нацеленной на меня шпагой, которая почти касается моего лица.

— А то что? — смеюсь я. — Учебное оружие — тупое. Что ты собираешься сделать, ткнуть ей в меня?

Эллис не делает никаких движений и неотрывно смотрит на мое плечо.

Шпага зажата в правой руке. Сколько раз я наблюдала, что она блефует... Она не левша. Я бы никогда не смогла подделать ее почерк, и она убедилась в этом.

Грудь болит от каждого вымученного вдоха. Я не могу узнать, о чем же думает Эллис: стоит ли, по ее расчетам, меня оставлять в живых? Или же она пригласит меня на последний «Ночной перелет», а после мое тело ляжет рядом с трупом Клары и призраком Алекс в той самой могиле?

Я не могу оставаться здесь.

Я устремляюсь вперед, но Эллис меня опережает. Одно простое движение ее запястья — и боль пронзает мою щеку.

Меня откидывает назад, и я касаюсь рукой крови, стекающей по коже.

— Не двигайся, — рычит Эллис.

На этот раз я подчиняюсь.

Кончик шпаги Эллис дрожит, край оружия красный.

— Я не верю тебе, — низким и напряженным голосом говорит она. Это не констатация факта, а осознание. — Рано или поздно, но ты меня предашь. В следующий раз...

Напряжение рушится, как тонкий лед, когда хлопает дверь. Я вздрагиваю, и Эллис на мгновение замирает на месте, царапнув мне горло шпагой.

С лестницы слышится голос Каджал:

— Есть кто дома?

Эллис безвольно опускает шпагу. Мы стоим, уставившись друг на друга. Она судорожно сглатывает, ее бледные глаза широко раскрыты.

Я поднимаю подбородок:

— Полагаю, тебе придется прикончить меня в какой-нибудь другой день.

Я протискиваюсь мимо нее, задевая плечами стены, пытаюсь сохранить дистанцию между нами.

Эллис провожает меня взглядом до самой двери, пока я не закрываю ее, — еще один барьер между нами.

ГЛАВА 31

Мы с Эллис стережем друг друга в этом доме, как два стервятника — умирающую добычу.

Если я в комнате, она тоже обязательно придет туда. Она следует за мной по пятам, молчаливая и внимательная, когда Леони зовет меня играть в шашки и когда Каджал просит меня подколоть слишком длинную юбку. Такие обычные занятия, но все они теперь пропитаны напряжением, нервозностью. Когда Леони передвигает шашки, ее рука трясется. Каджал вздрагивает, когда мои пальцы задевают ее спину.

Мы все — призраки в этом доме, ждущие, по кому зазвонит колокол.

Я не сплю ни в эту ночь, ни в следующую. Даже с просунутым под дверной ручкой стулом, я вздрагиваю от каждого скрипа половиц за дверью, от шороха ветвей за окном. Для защиты я жгу свечи. Но если они не смогли напугать моих собственных фантомов, против Эллис они бессильны.

Мой мир уменьшается до ощущений. Свет слишком яркий, звуки чересчур громкие. Когда со мной говорят, я

слышу и отвечаю, но через две минуты уже не могу вспомнить, что мне сказали или что это значило. Мы с Эллис существуем по разные стороны. Мы скребемся о преграду, стоящую между нами. В конце концов одна из нас сметет ее и ворвется в обитель другой. В итоге одна из нас проиграет.

Алекс не ушла. Даже зная, что ее присутствие во многом было происками Эллис, я не могу стереть ее из своего сознания. Я все еще вижу ее в сумерках. Я до сих пор замечаю ее передвижения среди деревьев. Ее голос будит меня среди ночи. Воспоминание о ней омрачает мою душу.

Может быть, я несправедлива к Эллис. Возможно, некоторые из моих кошмаров реальны.

Вечером в пятницу моя мать появляется в Дэллоуэе, привидение, окутанное ароматом дорогих духов. Я не сразу узнаю ее, стоящую в дверях, с красиво уложенными, аккуратными локонами и в розовом платье от Изабель Маран. В Ницце она похудела.

— Что тебе здесь нужно? — резко спрашиваю я.

— Звонила мисс МакДональд. Она сказала, что пропала твоя подруга. — У матери такой вид, словно она не понимает, что ей делать в этом месте, она бросает взгляд на полки с книгами, на свечи на столе и, наконец, на карты таро, разбросанные по полу.

— Фелисити, что все это?

— Ничего. Тебе не нужно было приезжать.

Наверняка у Сесилии Морроу были дела поважнее — *более статусные*, — чем ее безумная дочь и мертвые тела, падающие за ней, как срезанные цветы.

Мать подходит ближе и опускается на колени, чтобы рассмотреть карточный расклад. Это был плохой расклад, много плохих знаков; я вытянула Висельника и думала о Тамсин

Пенхалигон, качавшейся на дереве, на котором ее повесили. Чтобы отразить ее проклятие, я сожгла над картами анис и гвоздику.

Сейчас мать проводит рукой по молотым пряностям, растирает их большим пальцем, ее накрашенный рот кричится в гримасе неприязни:

— Я думала, ты это бросила, — говорит она.

— Это для моей дипломной работы.

— Фелисити...

Я знаю, что она собирается сказать. Она говорила с доктором Ортегой, которая прожужжала ей все уши рассказами о моей паранойе, моей одержимости Пятеркой из Дэллоуэя. Нет нужды объяснять, как все академические увлечения превращаются в одержимость. Она бы не поняла, что колдовство может быть просто метафорой, как сказала Эллис. Что магия не обязательно должна *действовать*, чтобы что-то значить. Что иногда волшебство — это бальзам от ожога и единственный способ излечиться.

— Я в порядке, — сообщаю я. — Ты можешь ехать домой. Обратно в Аспен, или Париж, или куда там еще. Не беспокойся обо мне. — Я смеюсь. — Ты никогда этого не делаешь.

— Я действительно беспокоюсь о тебе. Фелисити... дорогая... ты по-прежнему принимаешь свое лекарство?

— Да.

— Можешь показать мне пузырек?

Я резко выдыхаю, а потом со свистом втягиваю воздух.

— Какое тебе вообще до этого дело? Зачем ты притворяешься, что это я сошла с ума, — это *не я* сумасшедшая! Это не я провожу каждый час каждого чертова дня в обнимку с бутылкой. Это не я принимаю ксанакс и рву бесценные картины, чтобы говорить всем, что я *совершенно счастлива*.

Не могу сказать, попала ли я в цель. Лицо матери совершенно бесстрастно, как поверхность замерзшего озера. Наверное, даже сейчас ее чувства утонули в шести стаканах красного «Кот-дю-Рон».

— Я считаю, — наконец говорит она, поднимаясь на ноги и стряхивая с руки специи, — тебе следует взять еще один академический отпуск. Доктор Ортега сказала, что они могут подготовить тебе место уже к следующей пятнице.

— Пошла ты.

На лице матери наконец появляется реакция: ее рот искажается от шока, и она немедленно закрывает его рукой.

— Фелисити Элизабет, такие фразы не соответствуют...

— Пошла ты, — снова говорю я. — Пошла к черту и куда подальше, твою мать!

Румянец, заливающий ее щеки, прекраснее всего, что она могла бы купить у Шанель.

— Ты не в порядке, — говорит она. — Очевидно, домоправительница МакДональда была права. Совершенно ясно, что потеря подруги может оказать на тебя такое действие, после того что случилось в прошлом году.

Совершенно ясно. Моя мать никогда ничего во мне не понимала, начиная с того дня, когда я родилась и она спланировала мою первую из множества нянь.

— Я не поеду, — говорю я.

— *Поедешь.* Мне пришлось поговорить о тебе с полицией. Ты об этом знаешь? Декан сказала мне, что тебя допрашивали. Мне пришлось позвонить им и сказать, что ты всего лишь больная девушка, скорбящая по подруге. Я сказала, что ты *ранимая*, что ты...

На самом деле ей пришлось позвонить одной из своих приятельниц с Восточного побережья и заставить ее поговорить с полицейскими.

Или ей пришлось заплатить.

— Мне уже восемнадцать, — сообщаю я, ухмыляясь безумно и зло. — Мне восемнадцать. Я совершеннолетняя. Ты не можешь заставить меня.

Мать кажется сейчас такой маленькой: хрупкая фигурка, скрытая в раковине дизайнерской одежды и наследственного богатства. Одно прикосновение — и она сломается.

— Возможно, я не смогу заставить тебя обратиться за помощью, но я могу поговорить с деканом — и тебя исключат из школы.

Я качаю головой.

— Нет. Ты прежде никогда не хотела быть мне матерью. Не смей начинать сейчас.

Ее плечи дрогнули. На секунду мне показалось, что она заплачет. Но вот Сесилия Морроу поднимает подбородок и кивает. На этом все.

— Я поняла.

— Очень на это надеюсь.

Я провожаю свою мать до дверей Годвин-хаус, а затем стою в вестибюле и смотрю, как ее фигура удаляется по извилистой аллее, пока не превращается в розовое пятнышко, быстро скрывающееся среди деревьев. Она никогда не была здесь своей. Ей никогда не следовало ступать на эту грешную землю.

Я закрываю дверь; она ушла.

Когда я прихожу на кухню, Эллис и Леони готовят ужин. Эллис ловит мой взгляд и вонзает нож в кусок мяса. Я представляю, как она так же режет мою плоть, отделяя ее от костей. На полу видна кровь.

Наконец, до меня доходит.

В этой ситуации, как и во всем остальном, я одна.

В пятницу вечером выпадает снег. В субботу на собрании руководство школы сообщает нам, что полиция больше не ищет девушку. Они ищут тело.

Все смотрят на учениц из Годвин-хаус, пока мы, одетые в черное, пробираемся к дому. На темных волосах Каджал, как корона, развевается кружевная вуаль. Эллис на этот раз нечего сказать. Она ловит мой взгляд, брошенный на двух других девушек, и на мгновение кажется, что мы понимаем друг друга. Мы одни знаем, что случилось с Кларой Кеннеди. Мы одни испытываем странное облегчение, наши сердца бьются в одном ритме: *«Если ее не нашли сейчас, то не найдут вообще. Новый снег все покрыл»*.

Это сошло нам с рук.

Ночью я сижу на полу своей спальни, пытаюсь отчистить ковер в том месте, куда, опрокинув свечи, я пролила воск, когда Эллис ворвалась в мою комнату. Внизу поставили пластинку Этты Джеймс, страстные нотки ее голоса время от времени прерываются тягучей, мучительной волной чьих-то рыданий. Четырьмя этажами ниже погребенные в земле кости Марджери Лемонт взывают ко мне. И на некотором расстоянии — недалеко, ведь они никогда не могут быть далеко — кости Алекс. Две сумасшедшие, похороненные под Годвин-хаус.

Осталось учиться всего две недели. Две недели до зимних каникул, а затем я покину это место, избавлюсь от постоянной слежки Эллис, от постоянной угрозы расправы с ее стороны в тот момент, когда мы останемся одни. Две недели она будет держать меня за горло. Смогу ли я провести четырнадцать дней в этом месте и выжить?

В конце концов я проваливаюсь в сон в неудобной позе прямо на полу: щека прижата к раскрытой книге, колени

подтянуты к груди. В моем сне мы с Алекс на вершине горы, ветер хватает ее рыжие волосы и закручивает вокруг шеи. Я кричу и тянусь к ней, но она задыхается, задыхается... И это совсем не Алекс — это Марджери Лемонт, черная кровь окрашивает ее вены и придает коже серый оттенок, ее глаза цвета ночного неба.

Я резко просыпаюсь. Пару секунд не могу понять, где я, потолок странно изгибается, в глазах все плывет. *Этот звук...*

Медленно скрипит дверь, кто-то поворачивает ручку.

Мое сердце сжимается, я резко выпрямляюсь и смотрю, как латунная ручка поворачивается и защелкивается. Кто-то осторожно возвращает ее на место.

Я смотрю на дверь, смотрю так пристально, что практически вижу Эллис с той стороны: ее голова склонилась к дверному косяку, бледные пальцы обхватили ручку.

Уходи. Убейся.

На мгновение воцаряется тишина. Ее прорезает тихий царапающий звук, словно ногтем ведут по стеклу.

Она открывает замок.

Облокачиваясь на руки, я отползаю назад, пока не упираюсь спиной в книжную полку. Мне нужно оружие. Мне нужно... что-нибудь, хоть что-нибудь.

Одна из моих кроссовок упала под кровать. Я бросаюсь за ней, развязываю шнурок и выдергиваю его. Поднимаюсь на ноги, трясущимися руками накручиваю шнурок на костяшки пальцев и подкрадываюсь к двери.

Прижимаюсь к стене. Замок с щелчком открывается.

В висках стучит до кровавых сполохов в глазах. Я сжимаю импровизированную удавку в руках и задерживаю дыхание.

Эллис на поддюйма приоткрывает дверь, и она натывается на стул. Ножки стула слегка скребут по полу и останавливаются.

Сможет ли Эллис разглядеть пустую постель оттуда, где стоит? Догадывается ли она, что я жду ее за дверью, с побелевшими от натянутого шнурка пальцами?

После бесконечной ужасной тишины дверь вновь открывается, ударяясь о стул. Я слышу в коридоре резкий вздох. Крепко зажмуриваюсь и сжимаю кулаки. А потом дверь закрывается.

Наконец-то она ушла.

ГЛАВА 32

Я планирую свой собственный «Ночной перелет».

Записка написана почерком Клары, скопированным из язвительной записки, которую она оставила для меня не так давно, когда я не помыла посуду. Я вскрываю комнату Эллис, когда она на занятиях, и оставляю записку у нее на подушке, а потом ухожу в книгохранилище.

Часы проходят в безмолвной агонии, прерываемой хождением учениц Дэллоуэя от кабинок для занятий до стеллажа. Я прячусь в математической секции — это последнее место, где Эллис стала бы искать. Моя рука в кармане сжимает корень дягиля, амулет от зла.

Я жду, пока солнце спускается низко к горизонту, окрашивая небо в оттенки золотого и красного, а затем поднимаюсь по лестнице на крышу.

С тех пор как умерла Алекс, я не забиралась так высоко. Я подползаю к краю, кровь кипит в венах. Было бы так легко упасть. Нет, не упасть — прыгнуть.

Я слышу, как ветер свистит в ушах, смотрю, как земля несется навстречу. Я моргаю, когда мир погружается во тьму.

А потом я вновь на крыше. Балансирую на краю, ветер подхватывает мою юбку и плотно прижимает к бедрам.

Солнце спускается еще ниже, кромка леса поглощает последние его лучи. Я сажусь на корточки и поднимаю лицо к свинцовым тучам. Я назначила ей встречу в 18:04 — астрономический заход солнца, когда гаснут последние лучи.

Она появляется на две минуты раньше, дверь на лестницу открывается и закрывается довольно громко, и я слышу это даже на другом конце крыши.

Я не оборачиваюсь, даже когда шаги Эллис раздаются прямо за моей спиной. Я сижу неподвижно; мои глаза плотно закрыты, а ноги качаются высоко над землей.

Но смерть не приходит.

— Фелисити?

Я открываю глаза.

Эллис в траурном черном платье стоит у моего плеча. Она протягивает руку в перчатке, и я принимаю ее, позволяя поднять меня. На мне обувь без каблуков, поэтому Эллис на несколько дюймов выше, ее свободная рука сжата в кулак.

— Я думала, ты боишься высоты, — говорит она.

— Боюсь.

Даже теперь я не могу смотреть вниз. Мир находится слишком далеко от нас.

— Я бы никогда тебя не выдала, — говорит Эллис. Ее взгляд устремлен мимо меня, в темнеющее небо. Интересно, она разговаривает *со мной* или эти слова исключительно для нее самой? Личное оправдание — это признание. — Я просто сказала это, потому что испугалась. Я никогда не собирала улики против тебя. Я никогда не хотела навредить тебе.

Я молчу. Мои слова — холодный пепел у меня во рту. Горящие угли жизни.

— Я бы хотела, чтобы все было не так, — говорит Эллис. Она по-прежнему держит мою руку, наши пальцы переплетены. Она слегка сжимает их, и я глотаю комок в горле.

Темнота уже почти крошечная. Внизу включились лампы подсветки — поле слабого света, мерцающее в кампусе и исчезающее ближе к лесу. Но их свет не достигает той высоты, на которой стоим мы.

Я прекрасно знаю, какие мелочи поддерживают во мне жизнь: учащенное сердцебиение, холодок в горле, ноющее напряжение в мышцах, держащее меня на ногах.

Эллис словно сошла с одной из картин в технике кьяроскуро*, что мы анализировали на уроках по истории искусств. На первый взгляд идеально, но наклонитесь поближе — и вы увидите мазки краски.

— Я тоже, — говорю я. — Ты сделала меня такой. Такой, какой я должна была быть всегда.

Ночь нависла над нами, как нож гильотины. Эллис отпускает мою руку, и я считаю уходящие секунды. *Одна... две.* Есть только мы на вершине мира.

Эллис тихонько вздыхает — я вижу, как поднимаются от вдоха ее плечи, — и я делаю движение вперед.

Алекс я толкнула не так. Это был несчастный случай. В этот раз я толкаю нарочно сильно, чтобы все получилось наверняка, чтобы услышать, как ахнула Эллис, чтобы она потянулась ко мне, но было бы уже слишком поздно.

Если собрать все слова английского языка, я не смогла бы связать их так, чтобы описать выражение лица Эллис во время падения.

* Манера письма, для которой характерно резкое противопоставление света и тени.

Возможно, удивление. Но также и мрачное признание неизбежности.

Падая, Эллис не кричит. Я слышу хруст ее тела при ударе о тротуар, но не вижу последствий. Я уже отвернулась.

Ночь теперь неестественно тиха.

Я возвращаюсь через ту же дверь, спускаюсь по лестнице в библиотеку и выхожу через черный ход. Я не хочу ее видеть.

Никогда больше не хочу ее видеть.

ГЛАВА 33

Я оставляю на подушке Эллис письмо-признание, написанное ее почерком. Найдут ее тело, а через час — эту записку.

Три дня я жду, когда упадет лезвие гильотины. Ничего не происходит. Полиция снует туда и обратно, а я прячусь по углам, ожидая, когда чей-нибудь взгляд пробьется сквозь раковину Фелисити Морроу и увидит, кто я есть на самом деле. Невозможно: никто не умеет видеть сквозь кожу. Никто не чувствует кости под этим домом так, как я.

Эллис знала. Она понимала меня так, как никто другой; она видела мое черное, испорченное сердце. Она взяла меня за руку и привела в эту тьму. Она открыла дверь,пустила истину, и теперь ничто не может этого изменить.

Я удивлена сочувствием. Незнакомые преподаватели останавливают меня в коридоре с наилучшими пожеланиями. Декан приглашает меня на чай, обнимает перед уходом и предлагает звонить ей в любое время. Даже Каджал и Леони присматривают за мной, словно боятся, что я сломаюсь, появляются возле моей комнаты с подносами с кофе и печеньем или просят мои книги почитать. Никто

не заставляет меня посещать занятия. Вообще никто не заставляет меня выходить из комнаты.

Считается, что я скорблю.

Когда умерла Алекс, меня с трудом терпели. Все поверили, что я ее убила. Или по крайней мере думали, что кое-что я могла бы сделать по-другому. Могла бы как-нибудь спасти ее или погибнуть вместо нее.

Я хладнокровно убила Эллис Хейли, а они наконец-то пожалели меня.

Утром, перед отъездом в Джорджию на похороны Эллис, я осмеливаюсь выйти на улицу и отправляюсь посидеть у озера, положив череп Марджери на колени и вытянув ноги к воде. Солнышко греет мое лицо, птицы щебечут на деревьях, и озерная вода блестит в лучах занимающегося рассвета. Весь вечер накануне я ощущала в своей груди какую-то необъяснимую дрожь; она началась как низкий гул и с тех пор поднялась до торжествующих высот.

Я по-прежнему чувствую призраков вокруг себя: призраки девушек Пятерки из Дэллоуэя, бросивших вызов тюремным камерам и гробам, в которые их пытался загнать мир. Призраки других женщин, учившихся или работавших в этой школе, чье наследие было забыто вместо того, чтобы стать предметом поклонения. Призраки каждой девушки, приходившей сюда и чувствовавшей под ногами историю. Но меня больше никто не преследует. Может быть, никогда и не преследовал.

Я смотрю на череп, поглаживая ладонью его холодный костяной лоб. Я прятала череп в своей комнате, в потайном отделении в моем шкафу с тех пор, как в прошлом году украла его из Болейна для спиритического сеанса с Алекс. Засохшая коричневая капля моей крови легко

отваливается, когда я соскабливаю ее ногтем большого пальца.

Глазницы черепа безучастно смотрят на меня, пустые, безжизненные. Если дух Марджери еще цепляется за эти кости, это разрушит связь между нами.

— Я завершаю ритуал, — говорю я черепу. — Я оставляю тебя в покое.

Гвоздика и анис, когда я сжигаю их на плоском камне, пахнут Рождеством.

Марджери Лемонт, возможно, была похоронена живой, но я не верну ее череп в землю. Или в Годвин, если уж на то пошло. Вместо этого я вхожу в холодное озеро, пока вода не достигает бедер. Я держу череп в сложенных ладонях и погружаю его под воду. Несколько пузырьков воздуха вырываются наружу, и на миг я представляю, что это последний вздох — последнее прощай.

А затем отпускаю его.

Череп тонет быстро, скрывается из поля зрения, исчезает во взбаламученном иле.

— Спасибо, — говорю я им — Марджери, Алекс. Им обоим. — За всё.

Дрожа, я выхожу из воды, траурно-черная юбка намокла и облепила ноги. Я в последний раз оглядываюсь на озеро, почти надеясь увидеть призрак Алекс, поднимающийся из волн, но вода гладкая, как зеркало.

Какое чудесное утро.

Эллис хоронят через два дня в Джорджии. Девушки из Годвинхаус, в крепе и тафте, так же преданы эстетике Эллис после смерти, как были преданы ей самой при жизни. Наша одежда делает нас центральными фигурами среди костюмов

и платьев-футляров других скорбящих на Сэвил-роу; когда гости смотрят на меня, я выдерживаю их взгляды. Никогда не отвожу глаза первой.

В целом это скромная церемония, гроб Эллис простой и без украшений, нигде нет и капли виски (кроме плоской фляжки Леони, которую она передает по нашей скамье, пока проповедник разглагольствует о невинности и прощении через веру). Эллис бы все это отвергла. Я даже сейчас могу представить ее сидящей рядом со мной, в закрывающей глаза вуали и со сцепленными вокруг колена руками. Ее шепот прямо мне в ухо: *«Встретимся в ванной. Я хочу тебя трахнуть»*.

— Извини, — шепчу я Каджал, пробираюсь вдоль ряда и убегая по проходу.

Оставшись одна в церковном туалете, я запираю за собой дверь и вытаскиваю из кармана серебряный портсигар Эллис. *«Она хотела бы, чтобы он был у тебя»*. — Я получила портсигар от Квинн сегодня утром. Я достаю один из косяков Эллис, чиркаю спичкой, затягиваюсь и медленно выдыхаю.

Я никогда по-настоящему не увлекалась травкой, но сейчас она как никогда кстати. Сейчас это уместно, словно финальное напутствие: *«Пошла к черту»*.

Выпрямившись, я ловлю свое отражение в зеркале. Волосы идеально уложены, слегка завиты и забраны назад лентой. Губная помада не размазана. Я брызгаю свежий парфюм на шею, поправляю воротничок и пробую улыбнуться.

Черный мне идет.

После панихиды носильщики выносят гроб, и мы все смотрим, как Эллис опускается в землю. Я до сих пор вспоминаю ее в костюме в елочку, одной рукой опирающуюся

на черенок лопаты, над могилой Алекс. Интересно, я всегда буду помнить ее такой: неистовой, независимой, живой? Думаю, лучше так, чем по-другому. Когда ее нельзя было застать врасплох, она мне нравилась больше. Я предпочитаю помнить Эллис, которая никогда не позволила бы себе унижаться.

Она — не эта девушка в гробу, так же как Алекс — это не та девушка, что я похоронила год назад под Годвин-хаус. Они обе существуют вне времени, в отрывках воспоминаний и воображении — что-то вроде персонажей книг Эллис. Они реальны настолько, насколько я позволяю им.

Рядом со мной Леони, ее трясет.

— Что такое? — шепчу я.

Она качает головой. Ее нижняя губа, прихваченная зубами, побелела.

— Я не знаю. Я просто... Что, если все это правда? Та история про девушек из Дэллоуэя. А вдруг эта история повторяется? Сначала Алекс, потом Клара, теперь...

Я беру Леони за руку, крепко сжимаю и говорю ей:

— Магии не существует.

Квинн ловит мой взгляд с другого конца кладбища. Без Эллис это просто тень, все краски поблекли без того света, которым их освещала Эллис.

Или, может быть, так все теперь видят меня — все, кто ее знал.

— Фелисити, — говорит кто-то, когда церемония завершена и я направляюсь к машине вместе с Каджал и Леони.

Я оборачиваюсь. Передо мной стоят две женщины, у каждой в петлице белая лилия. Матери Эллис. Я видела их на службе.

— О, — говорю я. — Здравствуйте.

Рука Леони сжимает мой локоть, но я отмахиваюсь от нее и Каджал, предъявляя родителям Эллис лучшую из отрепетированных перед зеркалом улыбок. Я стараюсь не думать о том, что передо мною те женщины, которые бросили Эллис зимой наедине с бабушкой. Которые не вернулись, пока их маленькой дочери не пришлось делать отвратительные вещи, чтобы выжить.

Одна из них, постарше, выходит вперед и роется в своем рюкзаке, пока не находит связку бумаг. Она сует эту стопку мне в руки, и я машинально беру их.

— Это тебе, — говорит мать Эллис. — Она хотела бы, чтобы они были у тебя.

Я смотрю. На первой странице знакомый шрифт, читаю:

ШИЛОКЛЮВКА

Роман

Эллис Хейли

— Нет. — Я пытаюсь вернуть рукопись обратно женщине, что дала ее мне, но она отступает подальше, опустив руки. — Нет. Я не хочу.

— Ты должна взять, — настаивает другая. — Пожалуйста. Это последнее произведение Эллис. Она...

Знаю я, *что* это. Я знаю и не захочу читать это никогда. Не захочу даже открывать его и видеть, какую пародию на нас она написала.

— Мне все равно. Я не хочу это читать. Я не могу. Заберите.

Женщины переглядываются, но я не жду, пока они еще что-нибудь скажут. Я наклоняюсь, кладу связку на сырую траву и бросаюсь прочь, догоняя ушедших Каджал и Леони,

туда, где скорбящие толпятся, как вороны, на церковной парковке.

Когда я оглядываюсь, матери Эллис мечутся, собирая страницы, разбросанные ветром, отчаянно цепляясь за бумагу и чернила — последнюю память об их дочери.

Три года спустя

Лондон — это не то место, где я планировала в конце концов жить.

Я всегда думала, что захочу величественные горы вокруг, бескрайнее небо и погоду изменчивую, как море. И вот я здесь, в квартире на Мэйфейр, рядом маленькая собачка и любимая булочная, где меня знают по имени.

Я решила, что город мне нравится. Я люблю анонимность толпы, осознание безграничных возможностей, открывающихся во всех направлениях. Мне нравится знать, что я никогда не побываю во всех местах этого города, не поем во всех ресторанах, не встречу со всеми людьми, называющими Лондон родным. Здесь всегда что-нибудь новое и кто-нибудь новый. Здесь всегда тайна, которую я еще не разгадала.

Я выхожу из здания Имперского колледжа Лондона и иду прочь от Темзы, в суету большого города. В моем кармане жужжит телефон — наверное, это подруга пишет мне, узнает о планах на ужин. Теперь, когда я почти получила степень, я подумываю о расставании с ней. Я хочу двигаться вперед, открывать новые двери в своей жизни. Я поеду

в Париж. Встречу француженку со светлыми волосами и мимолетной улыбкой, ту, что будет спать всю ночь голой в моей постели. Возможно, она будет зациклена на классических фильмах — так, в дополнение к характеру.

Я пока не хочу идти домой и опять выслушивать требования Талии, поэтому ныряю в ближайший книжный магазин и брожу между полок, вынимая книги для того только, чтобы поставить их на место. У меня столько заданий, что я, кажется, почти перестала читать для удовольствия.

Я уже собираюсь уходить, когда замечаю стойку в витрине: пятнадцать книг, дополненных огромным портретом автора. Плакат объявляет о выпуске посмертного шедевра Эллис Хейли: «Шилоклювка».

Мои ноги обрастают корнями, проникающими глубоко в пол. Я стою и смотрю на фото Эллис, а она смотрит на меня, ее серые глаза спокойные и живые, хотя всего лишь напечатаны на бумаге. Это не тот портрет, который был опубликован в ее первом романе. Я знаю это потому, что провела много часов, разглядывая оригинал этой фотографии, когда мы еще были в Дэллоуэе, фантазируя о том, что рот Эллис мог бы сделать со мной.

Это более свежее фото. У Эллис такая же прическа, какую она носила, когда мы вместе учились в школе, несколько прядей выбились и упали на лоб, губы сжаты в тонкую линию.

— Вы читали эту книгу?

Я оборачиваюсь. Продавец стоит у меня за плечом, сцепив руки, смотрит с надеждой, с тем выражением, что говорит: *я получаю комиссионные.*

— Нет.

— О, тогда вам следует почитать. — Она снимает одну книгу со стойки и сует мне в руки. Я бросаю взгляд

на обложку: скромную, минималистичную, украшенную золотой медалью Национальной книжной премии.

— Не знаю, понравится ли мне этот жанр.

— Художественная литература? Понравится каждому... надеюсь, — со смешком произносит женщина. Хочется ударить ее по лицу. — Но если говорить конкретнее, эта книга пересекает границы мистики и триллера. В ней психопатка влюбляется в красивую женщину, на первый взгляд невинную, но которая, — она сверяется с рекламной надписью на плакате, — скрывает свою смертельную тайну.

— Спасибо. Я подумаю.

Женщина, наконец, понимает намек; ее щеки вспыхивают бледно-розовым, и она возвращается за прилавок просматривать документы, время от времени поглядывая на меня поверх очков в проволочной оправе.

Я обращаю свое внимание на книгу у меня в руке.

Значит, это оно. Ее величайшее произведение. Книга, ради которой она была готова пожертвовать чем угодно. Жизнью Клары. Своей собственной. Да и жизни остальных — всего лишь линии статистов в ее шедевре.

Я открываю обложку и переворачиваю титульный лист.
Для Фелисити. Все это я сделала ради тебя.

Захлопываю книгу. В магазине вдруг не остается воздуха — кассир, и полки, и лондонская улица обрушиваются, погружая меня в темноту беспомощности.

И снова только я и Эллис, две фигуры, возникшие на противоположных концах сцены. Я снова чувствую, как она берет мою руку, утягивая в ночь. Прошло три года, но внезапно мне кажется, что я никогда и не покидала то место, Годвин-хаус с его темной историей и злыми тенями, магией, пропитавшей камни, и убийством, переданным как наследие от поколения к поколению.

Все это я сделала ради тебя.

Я бросаю книгу на стол и ухожу, вываливаясь из магазина на улицу. Мимо с ревом проносится автобус, и я, ослепленная, оглушенная, падаю, падаю, падаю в стужу.

Не помню, как я добираюсь до дома.

Когда я вхожу, Талия на кухне, держит в руке деревянную ложку, как дирижерскую палочку, рассматривая кипящий на плите болоньезе с выражением неодобрения, которое наводит на мысль, что если соус — это воображаемый оркестр, то он отстает на несколько тактов.

— Фелисити, — она кладет ложку сразу, как только замечает меня. — Ты ужасно выглядишь. Что-то случилось?

— Ничего. Просто устала. — Оправдание слетает с моих губ, как медовое вино, пока я достаю из сумочки пузырек с лекарством и глотаю одну таблетку; опыт научил меня никогда не пропускать прием. — Ужин уже готов?

Кажется, Талия рада меня видеть. Она шеф-повар — или, во всяком случае, хочет им быть. Сейчас она работает обычным поваром в маленьком ресторанчике в Вест-Энде, надеется сделать карьеру. Я буду скучать по ее стряпне после расставания.

— Все готово, — говорит она. — Кстати, звонила твоя мама. Она хотела, чтобы я сказала тебе об этом.

Я корчу гримасу, и Талия поднимается на цыпочки, чтобы поцеловать меня в макушку.

— Не представляю, чего она лезет, — говорю я. — Я сразу дала понять: я не хочу, чтобы она впредь появлялась в моей жизни.

От Талии пахнет мускатным орехом. Когда она отходит, я счищаю муку с ее щеки, и она улыбается. Она всегда улыбается.

— Может быть, однажды ты изменишь свое отношение.

— Не изменю.

— Принесешь вино, дорогая? У меня рук не хватает.

Я целую ее и подчиняюсь.

Мы выносим еду на крышу, залитую светом от рыночных фонарей, с видом на Гайд-парк, под нами раскинулся город, сверкающий, как тысячи мотыльков. Талия наливает вино, и мы пьем за еще один год вместе, за то, куда мы отправимся в следующий раз, за будущее, которое она запланировала: мы вместе, отчаянно влюбленные друг в друга.

Мы покончили с едой, я наблюдаю за ней, стоящей на краю крыши и смотрящей на улицы далеко внизу. Ее волосы выют-ся вокруг ушей, в последнее время она стрижет их коротко. Я становлюсь за ней и целую ее в затылок. Мои руки находят ее бедра. Ее кости в моих руках кажутся такими хрупкими, их так легко сломать.

Алекс была такой же на ощупь, ее тело было послушным, оно подчинилось воздействию моего веса, когда я столкну-ла ее с той скалы.

Талия прижимается ко мне спиной, теплая и доверчивая, и говорит о том, какой на этой высоте холодный воздух. Прядь ее волос, черных, как у Эллис, прилипает к моим губам.

Что бы сказала Эллис, увидев меня сейчас? Подходящий персонаж для одного из ее рассказов. Совершенно предска-зуемый.

Я думаю об утоплении, об эйфории, о красных орхидеях, что я посадила на могиле Эллис. Думаю, что падать было бы хуже.

И вот, у меня колотится сердце, на языке привкус чернил, а город под нами открывается широко, словно жаждущий рот...

Начинает идти снег.

Благодарности

Когда-то эта книга была собранием разрозненных идей, накопленных в записной книжке: *магическая академия лесбиянок*, или *планирование идеального убийства*, но *кто-то из них принимает это слишком серьезно*. Возможно, эти идеи никогда бы не воплотились в этой книге, если бы не телефонный разговор с моей подругой Тэс Медович, которая обожает «Тайную историю» и заплатки на локтях и разделяет мою любовь к готической архитектуре. Помню, как я, лежа на животе на кровати, прижимала телефон к уху плечом, мне было неудобно, но меня это не волновало, потому что мой мозг явно не мог остановиться. Каждая идея перетекала в следующую, создавая каскад сюжетных поворотов, пейзажей и небольших зарисовок, которые великолепно передают эстетику темной академии с ее чайными церемониями, томными взглядами и чтением запоем. Поэтому, прежде всего, спасибо тебе, Тэс, за то, что вдохновила меня на эти задумки и помогла осуществить их.

Выражаю благодарность моим агентам Холли Рут и Тейлору Хаггерти, которые, выслушав по телефону мой

рассказ об этой книге, в какой-то момент остановили меня и предложили немедленно взяться за перо. Мне повезло иметь таких агентов в том числе и потому, что они в любой ситуации посоветуют мне писать о том, чем я больше всего увлечена, и это всегда будет правильным выбором.

Спасибо моему редактору в «Делакорт» Кристе Марино за ясный взгляд на этих девушек и за любовь к Дэллоуэю и его ужасам. Благодаря вашему вкладу эта книга стала гораздо сильнее, и мне не терпится увидеть наши следующие совместные загадочные истории. Также спасибо всей команде «Делакорт», особенно Лидии Грегovich, Регине Флат, Беверли Горовиц, Барбаре Маркус, Элизабет Ворд, Дженн Инзетта, Келли Макголи, Лили Файнберг и Кристен Шульц, за то, что помогли воплотить эту историю в жизнь.

Миллион благодарностей за искренность моих читателей, чьи отзывы помогли сделать книгу лучше. С помощью вашей оценки я смогла глубже познать суть истории, и это дороже всяких слов.

Я также признательна Мэгги Энтерриос, автору обложки книги; ты знаешь, я просто без ума от нее, и я повторяю: мне *безумно* нравится.

Я написала эту книгу быстро, а затем последовало ее редактирование, наложившее плоть на кости и создавшее в итоге нечто цельное и завершенное. За это образное выражение и другие отзывы я благодарю Викторию Шваб. В том числе спасибо и Эмили Мартин за то, что (в прямом и переносном смысле) все это время держала меня за руку на каждой странице, во время каждого триумфа и каждого камня преткновения на этом пути. И конечно, я благодарю друзей и семью, которые оказали особенную поддержку во время создания и редактирования этой книги: Бена

Урок возмездия

Скаллону, Зораиду Кордова, Райана Ла Сала, Нита Тиндаллу, Трейси Деонн, Рори Пауэр, Кларибел Ортега, Кейси Макквистон, Кристин Герман и Аву Райд. Наконец, моим родителям, которые ни слова не сказали о постельной сцене, моя безграничная благодарность.

Об авторе

Виктория Ли выросла в городе Дарем в штате Северная Каролина, где она провела детство, сочиняя истории о привидениях и мечтая о посещении школы-интерната. Докторская степень по психологии помогает ей глубоко анализировать своих персонажей и саму себя. Из-под ее пера вышли книги «Урок возмездия», «Король лихорадки» и его продолжение «Электрический наследник». Писательница живет в Нью-Йорке со своим партнером, котом и злобным псом.

МИО∞ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

Литературно-художественное издание
Red Violet. Жесткие уроки

Ли Виктория

Урок возмездия

Руководитель редакционной группы *Ольга Киселева*

Шеф-редактор *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Дарина Андреевна*

Арт-директор *Вера Голосова*

Иллюстрации обложки и блока *Selcha Uni*

Дизайн блока *Анна Кроник*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Лилия Семухина, Надежда Лин*

В макете использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com.

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,

д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifbooks

ГОТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР В ЭСТЕТИКЕ ТЕМНОЙ АКАДЕМИИ

Восемнадцатилетняя Фелисити возвращается в Дэллоуэй — закрытую школу для девочек, хранящую свои мрачные тайны. Год назад здесь, отчасти по вине Фелисити, погибла ее близкая подруга, чей образ все еще преследует ее в темных коридорах кампуса.

В Дэллоуэе Фелисити знакомится с новой одноклассницей Эллис — популярным автором детективов. Чтобы помочь Эллис погрузиться в атмосферу нового романа, девушки собирают свой ковен и пробуют разгадать тайну смерти пяти ведьм из Дэллоуэя.

Но в какой-то момент ситуация выходит из-под контроля, а невидимые силы старинной школы становятся все более осязаемыми... Висит ли над Фелисити настоящее проклятие, или же все происходящее лишь часть чьего-то жестокого плана?

НЕ ИГРАЙ С МАГИЕЙ

#yamif

Иллюстрация на обложке — Selcha Uni

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks

